

Содержание

Интервью Московскому журналу международного права

Ответы Председателя Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации С. Е. Нарышкина на вопросы главного редактора Московского журнала международного права	4
--	---

Международное право и политика

<i>Воронин Е. Р., Кулебякин В. Н., Николаев А. В.</i> Государственный переворот в Киеве в феврале 2014 г.: международно-правовые оценки и последствия	11
<i>Evgeny R. Voronin, Vyacheslav N. Kulebyakin, Alexey V. Nikolaev</i> The Coup d'état in Kiev in February 2014: International Law Context and Consequences	28

Вопросы теории

<i>Карташкин В. А.</i> Изменение нормативного содержания основных принципов современного международного права ...	29
<i>Vladimir A. Kartashkin</i> Change of Normative Content of Basic Principles of Contemporary International Law	38

Права человека

<i>Иванов А. В.</i> Проблемы отмены смертной казни в России в контексте международных обязательств	40
--	----

<i>Alexey V. Ivanov</i> The Problem of the Legislative Sentence to the Death Penalty in Russia in the Context of International Obligations	55
--	----

Международное водное право

<i>Вылегжанин А. Н., Тертус Е. Е.</i> Международное водное право как учебная дисциплина	60
<i>Alexander N. Vylegzhanin, Helen E. Tertus</i> International Water Law as a Branch of Legal Science	84

Морское право

<i>Анянова Е. С.</i> Дело «Лотос» и контроль США в открытом море	87
<i>Ekaterina S. Anyanova</i> The “Lotus”-case and the U. S. Control on the High Seas	102

Вопросы территории

<i>Фархад Сабир оглы Мирзаев.</i> Обзор критических взглядов на принцип uti possidetis	107
<i>Farhad Sabir oglu Mirzayev</i> Critical Views on Principle of uti possidetis	114

Международное экологическое право

<i>Боклан Д. С.</i> «Экологизация» международных экономических отношений в контексте эволюции концепции устойчивого развития	117
<i>Darya S. Boklan</i> “Ecologization” of International Economic Relations in the Context of Evolution of Concept of Sustainable Development	131
<i>Кукушкина А. В.</i> Ядерное разоружение и международно-правовое регулирование экологической безопасности	135
<i>Anna V. Kukushkina</i> Nuclear Disarmament and International Legal Regulation of Ecologic Security	146
<i>Мохаммад Сарвар Мохаммад Анвар.</i> Правовые режимы международного экологического управления: постановка проблемы	149
<i>Mohammad Sarvar Anvar</i> International Regimes of International Environmental Governance: Statement of the Problem	162

Голоса молодых

<i>Беляева Ю. Л.</i> Имплементация ст. 20 Конвенции ООН против коррупции 2003 г. в российское уголовное законодательство	165
<i>Yuliya L. Belyaeva</i> The Implementation of Article 20 of the United Nations Convention against Corruption 2003 into Russian Criminal Law	175
<i>Москва Уршуля.</i> Статус газопровода «Северный поток» в контексте права Европейского союза	179
<i>Moskwa Urszula</i> Status of the “Nord Stream” according to European Union Law	187

Хроника

<i>Малеев Ю. Н.</i> Запрет на импорт определенных видов продукции в Россию и ее членство в ВТО	190
--	-----

Книжная полка

<i>Лобанов А. Н., Анянова Е. С.</i> Рецензия на книгу: Джеймс Краски, Рауль Педросо. «Право международной безопасности на море». Лейден. Бостон. 2013. 939 стр. (James Kraska, Raul Pedrozo. «International Maritime Security Law». Leiden, Boston: Martinus Nijhoff Publishers. 2013. 939 p.)	196
<i>Alex Lobanov, Ekaterina Anyanova</i> Review of the book “The International Maritime Security Law” by James Kraska and Raul Pedrozo published in Leiden, Boston by Martinus Nijhoff Publishers in 2013	206

ИНТЕРВЬЮ МОСКОВСКОМУ ЖУРНАЛУ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

**Ответы Председателя Государственной
Думы Федерального Собрания Российской
Федерации С. Е. Нарышкина на вопросы главного
редактора Московского журнала международного права**

Тема:

***«Государственный переворот в Киеве в феврале 2014 года
и международное право»***

Сергей Евгеньевич, читатели нашего журнала осведомлены о разных международно-правовых оценках событий на Украине. С одной стороны – об оценках НАТО, ЕС и США, а с другой – об оценках в России. Но ведь международное право – едино для всех, в отличие от национального.

В этой связи первый вопрос. Как известно, почти все депутаты в Государственной Думе считают, что действия России в отношении Украины – легитимны, а вот действия США, особенно накануне государственного переворота в феврале 2014 г. – противоправны. Каким правом депутаты руководствуются в своих оценках?

Мы исходим из того, что действия любого государства в отношении другого государства измеряются, прежде всего, нормами международного права. Именно оно регулирует межгосударственные отношения. Альтернативного регулятора нет.

Как Вы юридически оцениваете свержение «майдановскими» бовиками в феврале 2014 г. конституционно избранного Президента Украины Януковича? Ведь в Администрации США и в верхних эшелонах чиновников Евросоюза, в западном медийном пространстве это свержение оценивается как «восстание народа», что, дескать, не регулируется международным правом, а является внутренним делом самого народа Украины.

Отстранение Президента Украины от власти способом, не предусмотренным в конституции, а также разрыв соглашения от 21 февраля 2014 года, подписанного Януковичем и лидерами оппозиционных партий – это факты, которые имеют и международное значение, и однозначную правовую квалификацию. Известно также, что упомянутое соглашение завизировали представители трёх западных стран. И растоптав эти договорённости, «майдановские» лидеры не только показали свою недоговороспособность, но и окончательно вышли из конституционного поля. К тому же новая киевская власть была сформирована не где-нибудь, а на «майдане». Помните так называемое «утверждение» кандидатур министров на площади? О законности подобных шагов говорить вообще не приходится.

Поэтому на Украине фактически произошёл «перерыв» в легитимности центральной власти. На Западе эту правду пытаются скрыть и хоть как-то «облагородить». Занимаются подменой понятий, называя то «народным восстанием», то «революцией» и т.п. Оставляю эту

игру терминами на их совести, но отмечу, что подстрекательство к силовому захвату власти извне – на юридическом языке называется вмешательством во внутренние дела Украины.

Между тем в США и в ЕС отстранение в феврале 2014 г. Президента Януковича считают хотя и не вполне соответствующим конституции, но все-таки «легитимным», поскольку, дескать, иностранные солдаты не участвовали в рядах «майдановских» силовиков, захвативших здание Администрации Президента Украины...

Присутствие или отсутствие иностранных солдат не входит в юридические признаки государственного переворота. Главное в том, что законно избранный Президент отстраняется от должности неконституционным путём.

Да, в вопросе о причастности американских должностных лиц к государственному перевороту в Киеве в феврале 2014 г. США действительно проигрывают на уровне международного правосознания. Но в обвинениях России (используя термины, к примеру, документа Президента США от 20 марта 2014 г.) в «аннексии Крыма» – в этой части США выглядят убедительно.

«Убедительным» это может выглядеть лишь для обывателя, не утруждающего себя правовым анализом того, что ему внушают. В юридических же оценках воссоединения Крыма с Россией важно корректное и комплексное понимание всего применимого международного права, а не отдельных его норм, к тому же вырванных из контекста. Ведь договорённости периода распада СССР, касающиеся включения Крыма (исторически российского!) в территорию нового государства – Украины – отнюдь не исчерпывают международно-правовую базу, регулирующую подобные вопросы. Чего стоит один лишь прецедент Косово, где обошлись вовсе без референдума! Больше того, если мы вспомним события 1991 года, то увидим, что тогда был нарушен один из основных принципов международного права – принцип самоопределения народов. По сути – императивное начало общего международного права. Волеизъявление народа Крыма было совсем иным, если обратиться к результатам «забытого» Киевом январского референдума 1991 года на полуострове. Тогда свыше 93% крымчан высказалось за самостоятельность Крыма в статусе отдельного субъекта Союза и участника Союзного договора.

Согласен: многовековая история Крыма в составе Российской Империи, затем – в составе РСФСР – союзной республики Советского Союза – это реальность. Но реальность и в том, что в 1954 г. по инициативе Н. С. Хрущёва Крым стал частью другой советской республики – Украинской ССР...

Передача Крыма из РСФСР в административное подчинение другой союзной советской республики – Украинской ССР – не имела международно-правовых последствий. Крым оставался в том же государстве – в СССР, с той же столицей – в Москве. Не изменили свой статус и морские районы, примыкающие к Крыму – как внутренние морские воды, территориальное море, континентальный шельф СССР. И Черноморский флот в Крыму, разумеется, сохранил своё подчинение Москве.

Против таких оценок трудно найти юридические возражения. Действительно, международно-правовое значение имеют не инициатива Н. С. Хрущёва, а именно договорённости Президентов Ельцина и Кравчука, в силу которых Крым был, по сути, аннексирован Украиной в 1991 году. Но ведь Россия – в лице Президента Ельцина – согласилась с такой аннексией Крыма Украиной...

Историкам и политологам хорошо известны причины спешки с заключением договоров того периода. «Мягкую аннексию» Крыма в 1991 году провели по умолчанию, хотя и обусловив её сохранением пребывания в Крыму Российского Черноморского флота. Тогда мнение людей никого не интересовало. Но жители Крыма его вновь и твёрдо высказали в 2014 году, реализовав основной принцип общего международного права – принцип самоопределения народов, предусмотренный Уставом ООН, который имеет преимущественную силу по отношению к другим международным договорам. В том числе и договорам 1991 года, под которыми подписались Ельцин и Кравчук.

Юристы-международники знакомы и с западными обоснованиями того, почему Администрация Обамы и верхушка Евробюрократии считают референдум народа Крыма «не соответствующим праву». Потому что накануне референдума Россия, якобы, ввела вооружённые силы в Крым, а у зданий органов власти появились переодетые офицеры и матросы с военных кораблей России...

Наш Черноморский флот появился в Крыму задолго до референдума – в XVIII веке. И с тех пор там базировался, причём, на бесспорных

международно-правовых основаниях, что известно квалифицированным юристам-международникам. Поэтому растиражированная Западом «новость» о нахождении в Крыму российских военных моряков – могла поразить разве что тех, кто не знает истории. А присутствие российских военных если и сыграло свою роль, то лишь в том, чтобы население Крыма получило возможность выразить свою волю свободно – без выходов со стороны радикально настроенных «непрощенных гостей» с запада Украины, которые накануне референдума открыто рвались в Крым.

Есть ещё один довод в обоснование, якобы, «нелегитимности» референдума в Крыму, который выдвигается на Западе. Его суть в том, что с 1991 г. прошло более 20 лет «мирного» нахождения Крыма в составе нового государства – Республики Украина, и в эти годы, дескать, сложился «титул» Украины на данную территорию, что препятствует её воссоединению с Россией – исторической родиной периода XVIII, XIX и XX веков.

И этот довод не согласуется ни с международно-правовой практикой, ни с историко-правовыми прецедентами. К примеру, по результатам плебисцита в начале 1920-х годов Северный Шлезвиг воссоединился с Данией – после 60 лет нахождения в составе Германии-Пруссии! Никто не сомневается в международно-правовой легитимности этого волеизъявления, также восстановившего историческую справедливость. И здесь самое время вспомнить о принципе последовательности правоприменения...

В западных правовых квалификациях – есть и противоречия, и непоследовательность, и политическая ангажированность. По вопросу о Крыме, впрочем, сейчас истерии в западных СМИ стало значительно меньше. Но кроме этого России вменяется, особенно в актах, изданных Президентом Обамой, в качестве международно-правового нарушения «поддержка сепаратистов» в соседних с Россией районах – в Донбассе и на Луганщине, то есть в тех районах, которые в период Российской Империи относили к Новороссии...

Президент Обама и другие западные лидеры умалчивают о главном – о том, что государственный переворот в Киеве очень многие на Украине не приняли. Странно, что такая реакция граждан на неконституционные действия стала для Запада неожиданностью. А ведь

с этой точки зрения ополченцы Юго-Востока Украины как раз более правопослушны, чем те, кто забрасывал «коктейлями Молотова» бойцов «Беркута».

Только вдумайтесь: в актах законодательства Украины – вопреки существующим международно-правовым документам – миллионы людей относят к террористам! И просто страшно смотреть на кадры хроники – с убитыми и искалеченными мирными жителями в ходе так называемой «антитеррористической» операции.

В такой ситуации Россия не может не заботиться о соотечественниках, отстаивающих свои неотъемлемые права – и морально, и юридически, и иными способами, допустимыми международным правом. Больше того – мы будем добиваться международного расследования всех нарушений законов и обычаев войны, преступлений против человечности, совершённых киевскими силовиками. Ответственность за них, как известно, не имеет срока давности.

Примечательно, что о нарушениях международного гуманитарного права на Украине в западной юридической литературе говорится абстрактно – даётся понять, что его нарушают и ополченцы, и силовики Киева...

В западных СМИ цинично блокируется информация об обстрелах школ, больниц, жилых домов – да ещё и с применением запрещённых международными конвенциями боеприпасов. Но реальность от этого не меняется. За военные преступления рано или поздно придётся отвечать.

И последнее – об обвинении России в «нарушении принципа территориальной целостности Украины». В юридических документах США и Евросоюза их правовая позиция сформулирована опять-таки до наивного просто: раз Россия поддерживает «сепаратистов» на Юго-Востоке Украины, значит, Россия нарушает принцип территориальной целостности этой страны.

«Просто» – не значит «правильно». Тем более – юридически правильно. Принцип территориальной неприкосновенности государства (как субъекта международного права) действительно предусмотрен в Уставе ООН. А Россия последовательно выступает за уважение международного права. Но о целостности какой именно территории в данном случае идёт речь? В одних регионах население активно поддержало

переворот – в том числе, с надеждой на лучшее экономическое будущее. В других – выступило категорически против, не признав власть тех, кто захватил её с оружием в руках. Ряд территорий вообще не участвовали как в президентских, так и в парламентских выборах.

Подчеркну: Россия действовала и будет действовать в отношении Украины в рамках международного права. И сейчас главная задача – добиться устойчивого, полного прекращения огня и уважения к воле и правам местных жителей. Для этого всем (как в Киеве, так и на Западе) надо признать новые политико-правовые реалии. А любые проблемные вопросы – решать не силой оружия, а через диалог, на основе буквы и духа международного права.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И ПОЛИТИКА

Государственный переворот в Киеве в феврале 2014 г.: международно-правовые оценки и последствия

*Воронин Е. Р.**

*Кулебякин В. Н.***

*Николаев А. В.****

В статье привлекается внимание к документам Президента США и Европейского Союза, в которых замалчивается факт неконституционного переворота в Киеве в феврале 2014 г. и последовавшее после этого: непризнание новой киевской власти частью населения Украины; территориальный раскол; вооруженные внутренние конфликты. Обращается внимание на нарушения международного права новой киевской властью и на ответственность за ее приказы военными средствами заставить жителей районов Донбасса и Луганска признать результаты государственного переворота.

Ключевые слова: государственный переворот; Киев; Украина; США; Европейский Союз; международное право.

В феврале 2014 года в Киеве **не посредством выборов**, а в результате **силовых действий вооруженных людей** была захвачена **государственная власть**. *Конституционно избранный президент Украины*

* Воронин Евгений Ростиславович – канд. юрид. наук, Чрезвычайный и Полномочный Посол, профессор кафедры международного права МГИМО (У) МИД России. Ps48@mail.ru.

** Кулебякин Вячеслав Николаевич – канд. юрид. наук, Чрезвычайный и Полномочный Посланник, профессор кафедры международного права МГИМО (У) МИД России.

*** Николаев Алексей Владимирович – докт. юр. наук профессор, РАН.

Янукович вынужден был покинуть страну. Власть захватила группа людей, которые опирались не на результаты выборов, а на «волю Майдана». Ответственность за вооруженный переворот взял на себя «исполняющий обязанности Президента Украины» Турчинов. Его поддержал лидер одной из оппозиционных партий – Яценюк. Он же возглавил правительство новой власти. Политические результаты государственного переворота молниеносно поддержали США и руководство Европейского Союза. Значительная часть населения Киева и Украины в целом, особенно ее центральных и западных областей, недовольные экономической ситуацией при прежнем Президенте Украины, по сути, молчаливо поддержали государственный переворот. А с ним – и антирусскую, националистическую, даже профашистскую риторику новой власти в Киеве. И ее курс на союз с НАТО и даже, в перспективе, на членство в НАТО. Другая часть населения Украины (особенно – в юго-восточных районах) не признала власть Турчинова-Яценюка, пришедшую вследствие государственного переворота, в качестве легитимной.

Политико-правовые оценки внутриукраинского кризиса – разные.

По одним – это очередной успешно реализованный спецслужбами США проект по продвижению НАТО на восток. После расширения НАТО в 1990-е годы на Болгарию, Венгрию, Польшу, Румынию, Чехию и Словакию, а также на бывшие республики СССР – Латвию, Литву, Эстонию. А нынешнее, зависящее от НАТО правительство в Киеве – «временщики», пока кормящиеся от управления огромными займами Украине, но не заботящиеся, как будущие поколения украинцев будут «платить по процентам» займов.

По другим оценкам – февральский захват власти в Киеве – не проект расширения НАТО. США не вмешивалась в данном случае во внутренние дела Украины; и не организовывали государственный переворот; это – «народная революция» в Киеве, пусть и с нарушением Конституции Украины, при смещении конституционно избранного президента Януковича; эта вооруженная революция легитимна, поскольку достигло пропасти экономическое расслоение между простыми украинцами и элитой, связанной с властью Януковича.

Есть и оценки, находящиеся между этими крайними юридическими констатациями.

Однако никто из добросовестных правоведов не может отрицать: именно после и вследствие государственного переворота в Киеве в феврале 2014 г. произошел раскол в позициях людей, населяющих

Украину; признающих переворот и не признающих; именно после переворота произошел референдум в Крыму и его воссоединение в России; именно после переворота организовалась оппозиция новой Киевской власти – на Донбассе, в Луганске, в Одессе... Хотя, в последнем случае, и была жестоко подавлена Киевом. Именно после и вследствие государственного переворота в Киеве в феврале 2014 г., соответственно, территориальная целостность бывшей Республики Украина была нарушена.

Сопоставление российских и западных международно-правовых оценок современного внутриукраинского кризиса выявляют исходные **фундаментальные различия**.

В западных источниках –

1. **Игнорируется** по сути полностью сам **факт государственного переворота в Киеве (coup d'état)** в феврале 2014 года: например, в цитируемых ниже документах, принятых президентом США и руководством ЕС. Как будто группа Турчинова и Яценюка не захватила силой власть, а, дескать, «легитимно» победила конституционно избранного президента Украины Януковича.

Игнорируется на Западе и *факт нарушения* – при силовой замене конституционно избранного президента Януковича на группу Турчинова-Яценюка – ст. 5 действовавшей на тот период *Конституции Украины*, предусматривающей, что «никто не может узурпировать государственную власть»; а также факт нарушения ст. 8 Конституции «в Украине признается и действует принцип верховенства права». Захват боевиками Майдана здания Администрации Президента Украины с помощью взрывов, снайперов, нападений на правоохранительные органы – и последующее внедрение во власть Турчинова-Яценюка – это, по странной оценке Запада, и есть «*верховенство права*».

2. Акцент сделан Западом на *договоры, заключенные между первым президентом России Ельциным и первым президентом Республики Украина Кравчуком, фиксирующие нахождение Крыма в составе нового украинского государства*, но без анализа того, *соответствовали ли эти договоры императивной норме общего международного права – норме jus cogens – принципу самоопределения народов*.

3. Базируясь на первых двух исходных правовых позициях, далее формулируются обвинения России в нарушении принципа территориальной целостности, неприкосновенности государственных границ и даже в совершении «акта агрессии».

В российских источниках – прежде всего, опубликованных на сайтах МИД России и Российской Ассоциации международного права –

1. Акцент делается на нарушения руководством Киева с февраля 2014 г. **прав и основных свобод человека**, а также норм **международного гуманитарного права**, с привлечением, прежде всего, конкретных фактов убийств военными, направленными Киевом в Донбасс и в Луганскую область, мирных жителей этих районов.

Обращено также внимание на *нарушение ст. 17 Конституции Украины, согласно которой «вооруженные силы Украины и иные воинские формирования не могут быть использованы для ограничения прав и свобод граждан».*

На то, что граждане юго-восточных районов *не признали силовой захват власти в Киеве*, в рамках реализации своих прав и свобод. Но это игнорируют захватившие в Киеве власть. И эта власть отдает приказы военным *идти воевать против граждан юго-восточных районов.*

Привлечено внимание и к тому, что Конституцией Украины на ее территории *запрещается создание и функционирование каких-либо формирований, не предусмотренных законом.* В нарушение этого положения Конституции, украинскими олигархами, националистическими объединениями созданы и функционируют так называемые «добровольческие», неофициальные военные («парамилитарные») батальоны («Азов» и т. п.).

Указывается на еще одно нарушение Конституции Украины: ее ст. 10 предполагает, что *«в Украине гарантируется свободное развитие, использование и защита русского и других языков национальных меньшинств».* На самом деле исследовательские и культурные центры русского языка шельмуются как «москалии», преподавать, вещать на русском языке стало небезопасно.

Отмечено, что согласно ст. 5 Конституции Украины *цензура запрещена.* В реальности, она существует, что подтверждено многочисленными фактами, включая факты *физических расправ с работниками СМИ, пытавшимися объективно освещать то, что произошло в Киеве после «майдановского» переворота.*

2. Обращено внимание на значение **принципа самоопределения народов**, который применим к народу тех частей бывшей Украинской ССР, которые *не признали результаты государственного переворота в Киеве в феврале 2014 г.*

Ниже, с учетом изложенного, делается попытка *в научно-правовом плане* проанализировать те *обвинительные – в адрес России – международно-правовые констатации*, которые содержатся в *официальных документах президента США и руководящих органов Европейского Союза* (далее – ЕС). На конкретные такие документы ниже мы будем ссылаться.

А. Исходная позиция нынешних руководителей США и ЕС – Россия *«неправомерно ввела» вооруженные силы и флот в Крым для обеспечения проведения референдума, осуществила «неправомерное вооруженное вторжение»*. Соответственно, в *западных документах* России вменяется нарушение статей 1(1), 2(4) Устава ООН. В данном случае под такими документами мы подразумеваем: *Исполнительный указ Президента США от 17 марта 2014 (Преамбула); Исполнительный указ Президента США от 20 марта 2014 (Преамбула); Заключения Совета ЕС по Украине (заседание в Брюсселе 20 марта 2014 г.), пункт 7.*

В связи с этими обвинениями приходится пояснить следующее:

1. Военный флот, в соответствии с международным правом, *уже находился в Крыму к моменту государственного переворота в Киеве в феврале 2014 г.* Ни одно государство мира к моменту переворота в Киеве не заявляло каких либо сомнений в правомерности многовекового нахождения в Крыму этого флота. Конкретнее: Российский военный флот находится в Крыму в течение многих столетий *в силу исторически сложившихся правовых оснований*. В том числе – и подтвержденных соответствующими международными договорами Российской Империи и Советского Союза. Кроме того, пребывание Российского военного флота в Крыму подтверждено и положениями международных договоров Российской Федерации, заключенных относительно недавно: «О статусе и условиях пребывания Черноморского флота Российской Федерации на территории Украины», «О взаиморасчетах, связанных с разделом Черноморского флота и пребыванием Черноморского флота Российской Федерации на территории Украины» и «О параметрах раздела Черноморского флота», в полном соответствии с международным правом.

Поэтому юридически несостоятельны обвинения России во «вводе вооруженных сил и флота» в Крым. Флот России – это часть ее вооруженных сил; и флот России в течение многих веков уже находился в Крыму; при полном согласии других государств *с правомерностью такого нахождения*.

2. Отсутствуют доказательства воздействия российских военных моряков или иных военных специалистов на волеизъявление населения Крыма (референдум), последовавшее после государственного переворота в Киеве в феврале 2014 г. Более того, от общественности Запада скрывается, что именно нелегитимный государственный переворот в Киеве и стал «катализатором» достаточно *быстрой самоорганизации народа Крыма*, включая организацию *референдума*.

3. Действия «неопознанных» вооруженных людей, обеспечивавших вместе с крымскими правоохранительными органами и добровольцами охрану правопорядка в Крыму накануне референдума, или в настоящее время – оказание отдельными россиянами помощи на территориях, контролируемых ополченцами Донецкой и Луганской народных республик – юридически не могут быть, вопреки обвинительным констатациям в западных документах, вменены России.

В соответствии с нормой международного права, сформулированной Международным Судом ООН в деле о военных и полувоенных действиях на территории Никарагуа, 1986 г. (Никарагуа против США, дело касалось военной и иной поддержки США антиправительственных группировок в Никарагуа), для того, чтобы государство несло ответственность за действия негосударственных субъектов, необходимо доказать, что оно осуществляло эффективный контроль над такими действиями. В указанном деле Международный Суд ООН констатировал, что «участие Соединенных Штатов, хотя бы оно и было преобладающим или решающим, в финансировании, организации, обучении, снабжении и оснащении контрас ... а также в планировании всей операции», было недостаточным для вменения США действий этих группировок.

Б. Согласно позиции США и руководства евробюрократии в Брюсселе, представляют собой «Акт агрессии» действия российских вооруженных сил на основании разрешения Федерального Собрания Российской Федерации от 1 марта 2014 г. на применение вооруженных сил. Соответственно, России вменяется нарушение статей 1(1), 2(4) Устава ООН (такого рода обвинения в адрес России выдвинуты в документах: Заключение Совета ЕС по Украине – заседание Совета по иностранным делам в Брюсселе 3 марта 2014 г., пункт 1; интервью государственного секретаря США Кэрри в телепередаче «Встреча с народом» – «Face the Nation» на телеканале CBS, 2 марта 2014 г.).

В связи с такими обвинениями следует отметить: **не считаются агрессией действия, осуществленные в рамках осуществления права народов на самоопределение.** Согласно статье 7 Приложения к Резолюции Генеральной ассамблеи ООН № 3314 (XXIX) от 14 декабря 1974 г. («Определение агрессии»):

«Ничто в настоящем определении, и в частности в статье 3, не может каким-либо образом наносить ущерба вытекающему из Устава праву на самоопределение, свободу и независимость народов, которые насильственно лишены этого права и о которых упоминается в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций».

В. В документах США и ЕС утверждается, что действия России в Крыму «нарушают мир, безопасность, суверенитет» Украины и составляют «вмешательство в ее внутренние дела». Соответственно, России вменяется нарушение статей 1(1), 2(4) Устава ООН, Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с уставом организации объединенных наций, 1970 г. (далее – Декларация 1970 г.). Здесь мы ссылаемся на следующие западные документы: *Исполнительный указ Президента США от 6 марта 2014 (Преамбула); Исполнительный указ Президента США от 17 марта 2014 (Преамбула); Исполнительный указ Президента США от 17 марта 2014 (Преамбула); Регламент Совета ЕС № 269/2014 от 17 марта 2014 г., Преамбула, пункт 1; Решение Совета ЕС № 2014/145/CFSP от 17 марта 2014 г., Преамбула, пункт 1; Заключение Совета ЕС по Украине (заседание в Брюсселе 20 марта 2014 г.), пункт 7; Заключение Совета ЕС по Украине (заседание Совета по иностранным делам в Брюсселе 12 мая 2014 г.), пункт 1; Заявление Глав государств или правительств по Украине (заседание Европейской комиссии в Брюсселе 27 мая 2014 г.), пункт 2; Заключение Совета ЕС от 16 июля 2014 г., пункт 6.*

Отвечаем и на эти, по нашему мнению, юридически не обоснованные обвинения, содержащиеся, однако, в документах весьма высокого уровня.

1. Согласно Декларации 1970 г., при толковании и применении изложенных в ней принципов международного права они «являются взаимосвязанными, и каждый принцип должен рассматриваться

в контексте всех других принципов». Соответственно, в рассматриваемом случае принцип невмешательства во внутренние дела следует считать взаимосвязанным с принципом самоопределения народов (в данном случае – народа Крыма) должен рассматриваться в контексте этого и иных основных принципов международного права.

Мир, безопасность и суверенитет Украины был нарушен изначально ГОСУДАРСТВЕННЫМ ПЕРЕВОРОТОМ в Киеве в феврале 2014 г.

Кстати, причастность к этому международному правонарушению США и некоторых других стран НАТО еще окончательно не расследована. Хотя данные, приведенные бывшим премьер-министром Украины Н. Азаровым, в том числе в его книге «Украина на перепутье», свидетельствуют, что именно из посольства США в Киеве шли оппозиционерам руководящие наставления, как свергнуть конституционно избранного Президента Януковича.

2. Россия правомерно поддержала осуществление народом Крыма права на самоопределение. Согласно Решению **Международного Суда ООН по делу о Восточном Тиморе (Португалия против Австралии) от 1995 г.**, право народов на самоопределение является обязательством «по отношению ко всем» (лат. «*erga omnes*»), то есть любое государство имеет правовой интерес в его защите. С учетом даже только этого правового довода, поддержка Россией референдума в Крыму правомерна, в рамках защиты осуществления этого основополагающего права.

3. Россия в строгом соответствии с **общим международным правом** защищает права русскоязычного населения на Украине. Кроме того, есть и специальные договорные тому основания: Статья 12 **Договора о дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Россией и Украиной 1997 г.** гарантирует защиту этнической, культурной, языковой и религиозной самобытности национальных меньшинств на своей территории и требует создать условия для процветания этой самобытности. Россия действует в защиту таких прав русскоязычного населения.

Кстати, схожий юридический аргумент был использован США в куда более жесткой ситуации – при введении вооруженных сил США на территорию другого государства, именно, при юридическом обосновании военной интервенции США в Гренаду (октябрь 1983 г.) и в Панаму (декабрь 1989).

4. Россия была вправе поддержать осуществление народом Крыма права на самоопределение и *последующее воссоединение со своей исторической родиной*. Как вправе Россия сейчас поддержать *право народов Донбасса и Луганской народной республики (далее также – ДНР и ЛНР) на самоопределение и создание независимых государств*, не подчиняющихся той власти в Киеве, которая пришла к управлению после государственного переворота в феврале 2014 г. Тем более, что *такое право они имеют и вне зависимости от поддержки России или о другого государства*.

Уже отмечалось, что согласно Решению Международного Суда ООН по делу о Восточном Тиморе (Португалия против Австралии) 1995 г., право народов на самоопределение является обязательством «по отношению ко всем» (лат. *«erga omnes»*). Это означает, что любое государство (тем более – Россия, их историческая родина) имеет правовой интерес в защите такого права.

Такая поддержка Россией особенно правомерна в контексте реальных военных угроз этим народам со стороны власти в Киеве, в рамках защиты осуществления этого основополагающего права названными народами, которые после государственного переворота в Киеве в 2014 г. *юридически неверно* причислены Киевом к «террористическим».

Нет ни одного факта, подтверждающего совершение властями ДНР и ЛНР хотя бы одного взрыва в Киеве против его мирных жителей, или иного акта терроризма. Не власти ДНР и ЛНР послали военных против Киева и хотят заставить Киев говорить жить по их правилам.

Есть факты убийства военными Киева мирных жителей на территориях, контролируемых ДНР и ЛНР. Именно власти Киева послали войска на юго-восток, пытаясь заставить местных жителей подчиниться их правилам, в том числе чуждым (героизация Бандеры, извращение истории – вроде того, что не фашистская Германия напала на СССР и т.д.)

5. США и ЕС не вправе ссылаться на якобы неправомерное вмешательство России в дела Украины, исходя из требований для такой ссылки – согласно доктрине «честности и безупречности поведения» (англ. *«clean hands doctrine»*)¹. США и ЕС обвиняются сами во вмешательстве во внутренние дела Украины (имеются в виду доктринальные обвинения, на которые не дано убедительного опровержения); конкретно, США и ЕС обвиняются в «подстрекательских» действиях их официальных представителей, приведших к нарушению *Соглашения между Президентом Украины Януковичем и лидерами оппозиционных*

партий от 21 февраля 2014 г. и неконституционному свержению Президента Украины Януковича.

Г. В документах США и ЕС утверждается: Россия неправомерно (без согласия «законного правительства Украины») «аннексировала» Крым и Севастополь. России вменяется нарушение статей 1(1), 2(4) Устава ООН, Декларации 1970 г. Здесь имеются в виду следующие западные документы: *Исполнительный указ Президента США от 20 марта 2014 (Преамбула)*; *Регламент Совета ЕС № 269/2014 от 17 марта 2014 г., Преамбула, пункт 1*; *Решение Совета ЕС № 2014/145/CFSP от 17 марта 2014 г., Преамбула, пункт 1*; *Заключение Совета ЕС по Украине (заседание в Брюсселе 20 марта 2014 г.), пункт 5*; *Заключение Совета ЕС по Украине (заседание Совета по иностранным делам в Люксембурге 14 апреля 2014 г.), пункт 2*; *Заключение Совета ЕС по Украине (заседание Совета по иностранным делам в Брюсселе 12 мая 2014 г.), пункт 10*; *Заявление Глав государств или правительств по Украине (заседание Европейской комиссии в Брюсселе 27 мая 2014 г.), пункт 2*; *Заключение Совета ЕС от 26–27 июня 2014 г., пункт 32*; *Заключение Совета ЕС от 16 июля 2014 г., пункт 6*; *Заключения Совета ЕС от 30 августа 2014 г., пункт 8*.

С нашей точки зрения, эти сформулированные в документах обвинения не выглядят юридически обоснованными по следующим причинам:

1. После государственного переворота в Киеве в феврале 2014 г. и насильственного захвата резиденции конституционно избранного главы государства Украины народ Крыма уже не считал «законной» власть в Киеве.

2. Передача Крыма в 1954 г. из состава одной союзной республики – РСФСР – в административное подчинение другой союзной республики – Украинской ССР – не имела международно-правовых последствий: эта передача имела место в рамках одного государства (одного субъекта международного права) – СССР. При этом не возникло новых государственных границ, на суше или на море; районы внутренних морских вод, территориального моря, континентального шельфа, примыкающие к Крыму, не изменили своего правового положения, а государственное управление ими по-прежнему осуществлялось из Москвы.

Далее, передача территории Крыма – из одной республики в другую – не соответствовала действовавшему на тот период праву

СССР. По смыслу действовавшей на тот период Конституции СССР 1936 г., решение в 1954 г. тогдашнего руководства СССР о передаче Крымской области из состава РСФСР в состав Украинской ССР являлось *неконституционным*: согласно ст. 18 Конституции 1936 г. «*территория союзных республик не может быть изменяема без их согласия*». Никаких соответствующих процедур (документов о референдуме, Законе СССР и т.д.), в которых было бы выражено согласие РСФСР (как и Украинской ССР) – нет.

3. Главное же состоит в том, что при договорном включении (на основе договоренностей президентов Ельцина и Кравчука) Крыма в Республику Украина в 1991 г. (при «мирной аннексии» Крыма Республикой Украина в 1991 г.) был нарушен основополагающий принцип – *право народов на самоопределение* (Устав ООН, статья 1 и др.). Согласие Президента Ельцина с включением Крыма в состав Республики Украина имело место *без волеизъявления на то народа Крыма*.

4. В силу совокупного влияния отмеченных выше правовых факторов и фактических обстоятельств, в 2014 г. имело место правомерное **воссоединение** Крыма с Россией; Крым в течение нескольких веков был частью территории России, что никем не оспаривалось; ввиду неправомерности его договорной передачи Украине в 1991 гг. без воли на то народа Крыма, воссоединение его в 2014 г. на основе волеизъявления народа с Россией стало *восстановлением исторической справедливости и международного правопорядка в отношении этой территории*.

5. Крым отделился от нового государства и новой власти на Украине (после государственного переворота в Киеве в 2014 г.) в рамках провозглашения независимости и осуществления права народов на самоопределение. Согласно **Консультативному заключению Международного Суда ООН** по делу о независимости Косово, **декларации независимости в принципе не запрещены по международному праву**. Народ Крыма имеет право на самоопределение в соответствии с фундаментальным одноименным принципом международного права, предусмотренным и в Уставе ООН; этот принцип признан в качестве императивной международно-правовой нормы наивысшей силы (лат. «*jus cogens*»). Двусторонние договоренности президентов Ельцина и Кравчука о включении в 1991 году Крыма в состав Республики Украина «являются ничтожными», поскольку в момент заключения они противоречили императивной норме общего международного права (ст. 53 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г.)

6. Крым в 2014 г. отделился от Украины после государственного переворота в Киеве с учетом права на *«восстановительную сецессию»* (*«remedial secession»*). Реальная угроза нарушения со стороны новой власти Украины (захватившей резиденцию главы государства Украины в феврале 2014 г. насильственным путем) также и прав населения Крыма на жизнь; угроза *неконституционного разрушения институтов волеизъявления в Крыму*, особенно *ввиду эскалации националистских, даже профашистских настроений в Киеве*, актов беззакония, в том числе и в отношении *правопорядка*; нарушения иных прав населения Крыма (например, *повсеместное насаждение украинского языка в Крыму* при том, что родным для *большой части его населения является русский*) – такие факторы также свидетельствуют о *юридической обоснованности* решения народа Крыма о дистанцировании от власти в Киеве.

7. **Россия в лице ее высшего представительного органа власти никогда не соглашалась с нарушением президентом Ельциным в 1991 г. права народа Крыма на самоопределение, тем самым не признавала безусловно включенным Крым в состав Украины с 1991 г.** Отмеченные договоренности между президентами России и Украины 1991 г. относительно Крыма: (а) исполнялись при соблюдении *исторически сложившегося права России сохранять пребывание в Крыму ее Черноморского флота*; (б) исполнялись с учетом того, что *Украина соблюдала Договор о дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Россией и Украиной от 1997 г.* В результате нарушения властью в Киеве статьи 12 этого Договора поставлена под вопрос целостность договорной базы 1991 г.; в том числе – обязательность для России договоренностей президента Ельцина 1991 г. относительно Крыма – даже если они и не были бы ничтожными в силу отмеченной ст. 53 Венской конвенции о праве международных договоров. Кроме того, Государственная Дума России (ГД) не раз выражала обеспокоенность угрозами нарушения прав населения Крыма (Постановление ГД РФ № 3158-П ГД от 23 октября 1998 г., Заявление ГД РФ от 19 июля 2000 г.); призывала Украину не препятствовать проведению населением Крыма референдума касательно утверждения своей Конституции в соответствии с инициативами Верховного совета Крыма (Постановление ГД РФ № 604–1 ГД от 22 марта 1995 г.). Статус Севастополя длительное время также являлся предметом озабоченности России (Заявление СФ РФ № 405-СФ от 5 декабря 1996 г., Решение Совета Безопасности ООН № S/26118 от 20 июля 1993 г.²).

8. За 20 лет «договорной аннексии» Крыма Украиной у нее не сложился полноценный территориальный «правовой титул» на Крым. Международная практика дает примеры и более длительного нахождения территории – в нарушение права на самоопределение – в составе другого государства, что так и не привело к созданию у такого государства международно-правовых оснований на включенную территорию. Так, например, **воссоединение территории Северного Шлезвига с Данией** на основании плебисцита в 1921 г. (несмотря на нахождение этой территории в составе Германии-Пруссии *в течение 60 лет*), свидетельствует в пользу того, что решающим международно-правовым основанием для *уточнения территориального титула* является реализация **права на самоопределение**.

Д. В документах США и ЕС утверждается, что имеют место: нарушение «территориальной целостности» Украины, угроза применения, применение силы в восточных районах Украины (в том числе путем «содействия незаконным вооруженным группам», ввоза оружия для «сепаратистов»). Соответственно, России вменяется нарушение статей 1(1), 2(4) Устава ООН, Декларации 1970 г.

Такого рода обвинения в адрес России предусмотрены в следующих западных документах: *Заключение Совета ЕС по Украине (заседание Совета по иностранным делам в Люксембурге 14 апреля 2014 г.), пункт 1; Заключение Совета ЕС по Украине (заседание Совета по иностранным делам в Брюсселе 12 мая 2014 г.), пункт 5; Заключение Совета ЕС от 30 августа 2014 г., пункты 8, 9; Заключение Совета ЕС от 23–24 октября 2014 г., пункт 18.*

В части данных обвинений констатируем, прежде всего, следующее. Поддержка Россией *права на самоопределение народа Донецкой и Луганской народных республик* правомерна в изложенном выше контексте основных принципов международного права. При этом учитывается и то, что эти народы не ставят вопрос о воссоединении с Россией, а ставят вопрос о независимости от нового государства – *Украины, после государственного переворота в Киеве 2014 г., легитимность которого они не признают.*

Юридически несостоятельна попытка вменить России обвинение в нарушении принципа *территориальной целостности государства*, поскольку при таком обвинении не ясно, о какой территории идет речь. Ведь даже в западных источниках признается, что сейчас

нет единой территории Украины. Подчеркнем: именно после силового государственного переворота в Киеве в феврале 2014 г. территория Республики Украина *разделилась*, поскольку на ее *разных частях* отношение к государственному перевороту было *разное*. По нашему убеждению, в юридическом плане именно *государственный переворот* в феврале 2014 г. **привел к нарушению территориальной целостности** ранее существовавшей Республики Украина. Новые власти в Киеве – группы Турчинова-Яценюка и др. – пришедшие к власти **не посредством выборов, а неконституционным путем** – с момента государственного переворота не контролировали **всю территорию государства**. В контексте таких правовых и фактических обстоятельств в настоящее время принцип территориальной целостности применим здесь к **нескольким территориям**: 1) контролируемой новой властью в Киеве; 2) территории, находящейся под контролем **самопровозглашенных государств – ДНР и ЛНР**, не признавших легитимным государственный переворот в Киеве. По смыслу международного права каждое из этих субъектов международного права, в том числе Луганская и Донецкая народные республики, **формирующие свою государственность, имеют право на территориальную неприкосновенность**.

Россия *вправе поддерживать территориальную неприкосновенность* как Донецкой и Луганской народных республик, так и *территориальную целостность* той части бывшей Украины, которая контролируется сегодня Киевом.

Спровоцирован данный **территориальный раскол** инициаторами **февральского государственного переворота в Киеве**. Они же сами и несут **ответственность за нарушение территориальной целостности прежней Украины**, которая была в международных отношениях представлена ее Президентом Януковичем. И по национальному праву. И по международному праву.

В таком контексте новая власть в Киеве *не вправе ссылаться на принцип территориальной целостности* для захвата территорий новых возникших субъектов международного права – Донецкой и Луганской народных республик, реализующих *право на самоопределение*.

По международному праву, бесспорно **легитимным признается правительство, избранное на основе права, по процедурам, осуществленным на всей территории государства, осуществляющее эффективную власть над всем его населением**. С этих позиций бесспорно

легитимным – *до государственного переворота 2014 г.* – было правительство **Президента Януковича** (он был избран на всей территории Республики Украина, на основе конституции Украины, юридическая обоснованность результатов выборов Януковича была подтверждена и западными наблюдателями).

Несомненно, что юридически статус нового президента, представляющего сегодня власть в Киеве – Порошенко – *отличается от статуса тех, кто пришел к власти в феврале 2014 г. посредством государственного переворота – Турчинова, Яценюка и др.* Они – нелегитимно захватили власть. А Порошенко – избран, *хотя и частью населения Украины.* Но *спорность* юридического мандата президента Порошенко обусловлена тем, что он пришел к власти **ПОСЛЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕРЕВОРОТА**; в том, что он пока не доказал, что пришел к власти **НЕ ВСЛЕДСТВИЕ** этого переворота; кроме того, Порошенко победил на выборах, проходивших лишь на части территории Украины.

Дальнейшее вмешательство США во внутриукраинский конфликт – путем поставок оружия – *опасно* для Европы, для мира в целом, да и для США. Россия в этом случае несомненно вынуждена будет адекватно скорректировать свои позиции в отношении множества конфликтов между С ША (или их ставленниками) и оппозиционными силами – на Ближнем Востоке, в иных районах мира.

Вместо выводов

Мы допускаем, что в силу **принципа состязательности в праве** различные международно-правовые квалификации в реальности могут иметь место. *Сброс атомных бомб США на японские города Хиросиму и Нагасаки в 1945 году*, как общеизвестно, *по-разному* был квалифицирован различными юристами: как явное нарушение международно-го гуманитарного права; и как оправданная мера против Японии – агрессора в период второй Мировой войны. Даже военная интервенция США в Ирак без решения о том Совета Безопасности ООН и последующая организация казни президента Ирака тоже *по-разному* оценена в сообществе юристов-международников. Но и при разных квалификациях недопустимо *игнорирование базовых фактов и коренных причин* каждой конкретной крупной проблемы. На это обращено внимание в нашей статье. Именно *власть в Киеве, сформировавшаяся после государственного переворота февраля 2014 года*, расколола территорию и население Украины, «стравила» братские славянские

народы – русских и украинцев, *спровоцировала войну* – русских против русских, украинцев против украинцев.

Значительная часть населения Киева и некоторых других районов Украины *этой власти временщиков пока верит. Добросовестно* заблуждается, несмотря на факты разворовывания бюджетных средств, роста государственного долга Украины, факт тупиковой политики Киева, нацеленной на *военный захват территорий ДНР и ЛНР* и т. д. *Отчасти* терпимость киевлян к захватившим власть людям Майдана понятна. Это – реакция простых жителей на продолжавшееся после распада СССР *экономическое расслоение общества на Украине*, ухудшение их экономической жизни, на фоне «жирования» богатых людей. Эти экономические беды *многие люди ассоциировали с властью президента Януковича*. Но *отчасти* молчаливое согласие большинства киевлян с государственным переворотом в феврале 2014 г. – это и *следствие пропагандистских сказок Запада о рае для Украины* в случае интеграции в ЕС. То, что это – сказки, сегодня показывает наглядно события в Греции. Да и в ряде стран восточной Европы.

Главное, однако, в другом. Цена *терпимости большинства киевлян* к государственному перевороту в Киеве – к продолжающимся *приказам новой власти убивать в Донбассе и Луганске тех, кто не признал государственный переворот в Киеве* – это *гибель новых и новых мирных жителей*, да и вооруженных людей с обеих сторон – в **братоубийственном противостоянии** сегодня на Украине. Как отметил Н. Азаров, представляя свою книгу «Украина на перепутье», правительство в Киеве «живет за счет войны».

CUI PRODEST? А выгодно это – как это ни прискорбно констатировать – *циничной политической и финансовой элите Запада*. Для нее важна не будущая судьба Турчинова, Яценюка, Порошенко. Тем более – не то, сколько еще погибнет славян, проживающих на Украине – и в Киеве, и в Донбассе. Для элиты Запада, ее механизма – НАТО – важно получить доступ к *управлению территорией Украины, ее ресурсами*. До государственного переворота в Киеве *шанса* такого доступа **не было**. Теперь – **есть**, как уже было показано «построением» вице-президентом США киевской элиты (включая и Порошенко), демонстрацией им того, кто в Киеве хозяин. И чем слабее Украина, чем слабее Россия – тем лучше для экспансионизма на восток капитала элиты Запада.

Амбициозные (или финансово ангажированные) нынешние политики в Киеве в этой стратегической игре Запада – *временные фигуры*.

Завтра можно и их сдать как **преступников**, организовавших **государственный переворот в Киеве** или поддержавших его. Когда гнев населения – и междоусобной войной, и экономическими трудностями – возрастет, тогда Запад найдет в Киеве новых политиков, не «замаранных» переворотом.

Власть придержащие сегодня в Киеве в юридическом плане рано или поздно понесут **ответственность за государственный переворот**, за последующие действия **незаконного руководства в Киеве**, за **преступные приказы** по развязыванию внутреннего вооруженного конфликта, за **смерть мирных жителей**, убитых при обстрелах Донецка, Луганска, сожженных в Одессе...

Сегодня судьбу Украины – после государственного переворота 2014 г. – несомненно должны решать **люди, ее населяющие**. Навязывать одной части ее населения *порядок*, уже установленный в другой ее части *после государственного переворота* – не соответствует *фундаментальным началам правопорядка*. Такое навязывание уже привело к кровавым конфликтам между *Киевом и Донбассом*, между *Киевом и Луганском*. Речь идет о попытке навязывания, в том числе, и конкретной *националистической идеологии*, что опять-таки противоречит даже украинской конституции (согласно ее ст. 15 «никакая идеология не может признаваться государством как обязательная»).

Конфликты, в том числе и *немеждународного характера* – не пробыл в международном праве. **Конфликт** между *«пост-переворотной» властью Киева, с одной стороны, и сформировавшейся (после переворота) властью ДНР и ЛНР, с другой*, должен быть урегулирован **только мирными способами**. Альтернативы тому нет.

«Партия войны» в Киеве толкает власть к *военному подчинению Киеву восточных районов*, то есть – к новым нарушениям международного права.

Но будущее – за «партиями мира» – и не только в Киеве, но на всей Украине; во всем мире.

The Coup d'état in Kiev in February 2014: International Law Context and Consequences (Summary)

Evgeny R. Voronin^{*}

Vyacheslav N. Kulebyakin^{**}

Alexey V. Nikolaev^{***}

The article is devoted to the coup d'état in Kiev in February 2014. The fact is totally ignored in relevant documents of the US President and in the EU documents. The consequences of the coup d'état in Kiev was its recognition as legitimate by one part of the population in Kiev and in the western and central regions of the former Ukraine and non-recognition by another part of the population – in south-east regions, Donbas and Lugansk. The military attempts of Kiev to subdue Donbas and Lugansk population to new authorities of Kiev is qualified as illegal. Peaceful legal arrangements between new authorities of Kiev and Donetsk and Lugansk Peoples Republics are suggested.

Keywords: Coup d'état, Kiev, Ukraine, President of the United States of America, EU, International Law

¹ Термин и название доктрины чаще употребляются в отрицательном варианте «unclean hands doctrine», в буквальном смысле – доктрина «нечистых рук», согласно которой одна сторона правоотношения, ранее совершившая правонарушение, не вправе заявлять о нарушении права другой стороной.

² Российский представитель в заявлении СБ ООН признал: «Принятое 9 июля 1993 года Постановление Верховного Совета Российской Федерации «О статусе г. Севастополя» расходится с линией Президента и Правительства Российской Федерации на реализацию интересов России в вопросах Черноморского флота, базирование ВМФ Российской Федерации на территории Украины, в Крыму и в Севастополе».

^{*} Evgeny R. Voronin – PhD in Law, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary, Professor of the Chair of International Law MGIMO-University MFA Russia. Ilc48@mail.ru.

^{**} Vyacheslav N. Kulebyakin – PhD in Law, Envoy Extraordinary and Plenipotentiary, Professor of the Chair of International Law MGIMO-University MFA Russia.

^{***} Alexey V. Nikolaev – Doctor of Laws, Professor, Russian Academy of Science.

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

Изменение нормативного содержания основных принципов современного международного права

*Карташкин В. А.**

Принципы международного права зарождаются, зреют и, в конечном счете, могут исчезнуть. Так, сфера действия принципа уважения прав человека наполняется все новым содержанием, включая их международную защиту. Устав ООН сформулировал принципиально новый подход государств к толкованию и применению принципа невмешательства во внутренние дела государств. Произошло резкое сужение сферы внутренней юрисдикции государств. Государства стали отказываться от абсолютизации государственного суверенитета и начали признавать возможность правомерных его ограничений. Некоторые из региональных организаций постепенно превращаются в союзы государств. На их территории действует не только национальное право, но и региональное и международное право, которые в значительной степени ограничивают суверенное право государств-членов.

Ключевые слова: основные принципы международного права; права человека; Устав ООН; невмешательство во внутренние дела государств; суверенитет; региональные организации.

Основные принципы международного права состоят из системы правовых положений и норм, закрепляющих обязательный характер наиболее важных ее правил. Общепризнанные принципы современного международного права закреплены в Уставе ООН. Они нашли свое

* Карташкин Владимир Алексеевич – д. ю. н., профессор, заслуженный юрист РФ, член Консультативного комитета ООН (2008–2013 г.)

последующее воплощение в Декларации Генеральной Ассамблеи ООН 1970 года «О принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН» и во многих других межгосударственных документах. Общепризнанные принципы отражают сущность международного права и состоят из целого ряда правовых норм. Так, например, принцип мирного разрешения международных споров требует от государств решать их разногласия «путем переговоров, обследования, посредничества, примирения, арбитража, судебного разбирательства, обращения к региональным органам или соглашениям или иными мирными средствами по своему выбору» (ст. 33 Устава ООН). Существование и правовое содержание принципов зависит от развития международных отношений. Поэтому их нормативное содержание не остается неизменным. Вместе с развитием межгосударственных отношений изменяется и их содержание, а, в конечном счете, они могут и отмереть.

Принцип уважения прав человека. Одним из наиболее важных событий в международном праве в XX веке было появление принципа уважения прав человека. Только после принятия Устава ООН и создания Организации Объединенных Наций стали складываться условия для развития широкого сотрудничества государств в сфере прав человека¹.

Здесь особо важно отметить, что положение Устава ООН об уважении прав человека было сформулировано в п.3 ст. 1 не в качестве обязанности государств, а как цель, которая преследуется ООН. В его ст. 55 содержится также указание, что ООН будет «содействовать» всеобщему уважению и соблюдению прав человека.

Совершенно очевидно, что ссылки на «содействие» уважению прав человека в качестве цели Организации свидетельствуют о том, что Устав ООН не налагал на государства юридические обязательства в этой области. Поэтому не случайно, что ст. 2 Устава ООН, перечисляющая обязательные принципы, в соответствии с которыми действует Организация, не содержит упоминания о соблюдении основных прав и свобод человека. Многие государственные деятели, дипломаты и ученые высказывали такую точку зрения². И только после принятия Всеобщей декларации прав человека, Пактов о правах человека и других международных договоров в этой сфере государства – члены ООН стала постепенно признавать обязательность соблюдения прав и свобод личности.

ООН и Конвенционные органы контролируют процесс соблюдения государствами все расширяющего перечня обязательных прав и свобод и принимают в этих целях меры, предусмотренные международным правом. Сейчас в XXI веке рассматриваемый принцип обязывает государства не только уважать и соблюдать права человека, но и принимать меры для их защиты и пресечения преступных нарушений.

Обоснованная главами государств и правительств на саммите 2005 г. указанная концепция состоит из четырех взаимосвязанных и обусловленных элементов: обязанность государств защищать свое население: международная помощь и расширение средств для содействия государствам в защите их населения; своевременный и решительный ответ международного сообщества в тех случаях, когда государства не способны и не хотят защищать свое население; обязанность международного сообщества принимать меры по постконфликтному урегулированию³. Эта концепция развивается и уточняется Генеральной Ассамблеей ООН на своих ежегодных сессиях.

Принцип невмешательства во внутренние дела государств. В отличие от принципа уважения и соблюдение прав человека, становление которого происходило после принятия Устава ООН, формирование принципа невмешательства связано, главным образом, с периодом буржуазных революций XVIII века⁴.

Устав ООН сформулировал принципиально новый подход государств к толкованию и применению этого принципа в межгосударственных отношениях, запретил Организации Объединенных Наций вмешиваться в дела, по существу входящие во внутреннюю компетенцию любого государства (п. 7 ст. 2). Единственным исключением из принципа невмешательства делалось только в отношении главы VII Устава ООН, предусматривающей применение Организацией, по решению Совета Безопасности, принудительных мер в отношении государств, действия которых являются угрозой миру, нарушением мира или актом агрессии.

Формулировки Устава ООН относительно принципа невмешательства многие страны использовали для того, чтобы оправдывать свою внутреннюю и внешнюю политику, включая нарушения основных прав и свобод человека. При этом под вмешательством они имели в виду даже словесные заявления и критику в свой адрес, особенно по поводу соблюдения ими прав и свобод человека⁵.

Такая интерпретация Устава ООН надолго закрепились в теории международного права и в практике межгосударственных отношений.

Она особенно проявлялась в ходе разработки многочисленных соглашений в сфере прав человека. При разработке Пакта о гражданских и политических правах большинство стран настаивали на том, чтобы компетенция Комитета по правам человека при рассмотрении докладов государств-участников ограничивалась вынесением только «общих замечаний» без указания на конкретные нарушения государствами, взятых на себя по Пакту обязательств. Такой же позиции они придерживались длительное время в ходе работы Комитета по правам человека. Они считали, что вынесение конкретных критических замечаний в адрес отдельных государств будет означать вмешательство в их внутренние дела⁶.

По этой же причине большинство государств – членов ООН не согласилась с тем, чтобы процедура рассмотрения Комитетом по правам человека индивидуальных жалоб была предусмотрена в самом Пакте. Именно поэтому был принят в качестве отдельного договора Факультативный Протокол к Пакту о гражданских и политических правах.

С течением времени позиция большинства государств – членов ООН менялась и в настоящее время все договорные контрольные органы, созданные в соответствии с девятью ключевыми соглашениями по правам человека, при рассмотрении докладов, выносят в адрес государств-участников конкретные замечания и рекомендации, обращая их внимание на нарушение тех или иных прав человека. В очередном периодическом докладе государства должны отчитаться, как они выполняют эти рекомендации.

До 2000 года только три из девяти договорных органов ООН обладали компетенцией рассматривать индивидуальные жалобы. В настоящее время все эти комитеты обладают такими полномочиями. По рассматриваемым жалобам они выносят в адрес государств конкретные рекомендации, которые обычно предусматривают возмещение индивиду ущерба, нанесенного нарушением его прав. Такие рекомендации, несмотря даже на возражение государств, обычно ими выполняются.

Кардинальные изменения, происходящие в современных международных отношениях, привели к резкому сужению сферы внутренней юрисдикции государств. Однако и в настоящее время все еще широко распространена точка зрения о том, что все вопросы внутренней жизни государства относятся к внутренней компетенции государств. Признавая, что у государства имеются определенные международные обязательства в сфере прав человека, тем не менее, высказывается мнение,

что это не означает, что при их нарушении возникает «право на вмешательство». Подобной точки зрения придерживается профессор Черниченко С. В. и многие другие ученые, а также дипломаты и государственные деятели⁷.

Более того, критика в адрес государства относительно принятия им тех или иных законов, судебных и иных решений, нарушающих права человека, характеризуется ими как вмешательство во внутренние дела.

В современном мире государства нередко берут на себя международно-правовые обязательства по делам, которые ранее полностью относились к внутренней компетенции и, тем самым, выводят их из сферы действия п. 7 ст. 2 Устава ООН.

Речь идет, например:

- о праве каждого «на справедливое и публичное разбирательство дела компетентным, независимым и беспристрастным судом»⁸;

- о праве на « свободное выражение своего мнения»⁹;

- о праве каждого гражданина «голосовать и быть избранным на подлинных периодических выборах, производимых на основе всеобщего и равного избирательного права при тайном голосовании и обеспечивающих свободное волеизъявление избирателей»¹⁰. И многих других.

Особо разительные изменения в этом отношении происходят в межгосударственных отношениях в конце XX века и в нынешнем столетии. Об этом свидетельствует принятие Римского Статута Международного Уголовного Суда 1998 года и ряда других важнейших документов, которые привели к дальнейшему сужению сферы внутренней юрисдикции государств.

Согласно Римскому Статуту физические лица, включая глав государств и правительств, за совершение международных преступлений несут индивидуальную уголовную ответственность (ст. 25). Практика Международного Уголовного суда свидетельствует о привлечении к уголовной ответственности не только лиц, которые непосредственно отдают приказы, но и руководителей ряда государств, виновных в совершении международных преступлений. При этом все больше стран признают принцип универсальной юрисдикции. Они рассматривают ее как существенное и необходимое условие для пресечения международных преступлений, позволяющему государству преследовать лиц, совершающих такие деяния независимо от места преступления, национальности преступника или его жертвы¹¹.

В 2006 году Генеральная Ассамблея ООН одобрила резолюцию 60/251 «Совет по правам человека», в соответствии с которой был учрежден механизм Универсального периодического обзора. В соответствии с этим механизмом все государства, а не только участники ключевых соглашений по правам человека, должны регулярно предоставлять для рассмотрения в Совете национальный доклад о выполнении своих обязательств и обязанностей в сфере прав человека. Совет рассматривает получаемую информацию и принимает в адрес государств конкретные рекомендации. Они касаются и выборной системы и свободы слова, и независимости суда, и многих других вопросов внутренней жизни страны¹².

В рамках ООН уже длительное время функционирует и специальная процедура по рассмотрению индивидуальных и групповых жалоб на массовые и систематические нарушения прав человека во всех государствах – членах ООН независимо от того, являются они участниками каких-либо договоров или нет¹³.

Таким образом, сфера действия внутренней юрисдикции после принятия Устава ООН и создания Организации коренным образом изменилась и сузилась как шагреневая кожа.

Подавляющее большинство участников международных отношений ныне считают, что словесные заявления, обсуждение в международных организациях, критические выступления, осуждающие нарушение тем или иным государством своих международных обязательств, принятие мер непринудительного характера, не являются вмешательством во внутренние дела. Такой подход опирается на ключевые международные соглашения и многочисленные резолюции Генеральной Ассамблеи ООН.

Принцип государственного суверенитета. За последние десятилетия были заключены сотни новых международных соглашений, которые, как уже отмечалось, повлияли на развитие и изменение принципов и норм международного права. Особенно значительные изменения произошли в сфере прав человека, приведшие к существенному ограничению суверенитета государств, которые добровольно отказываются от части своих суверенных прав и передают некоторые из них международным органам. Особенно показательным в этом отношении стало принятие Статута Международного Уголовного Суда.

Вплоть до окончания Второй мировой войны и создания ООН международные соглашения, абсолютизируя государственный

суверенитет, исходили из необходимости его соблюдения без каких-либо ограничений. На такой абсолютизации была основана не только Вестфальская система, но и Лига Наций. Это выражалось, в частности, в том, что, за исключением определенного спектра вопросов, все решения высших органов Лиги-Собрания и Совета – принимались исключительно единогласно (ст. 5 Статута Лиги Наций). В то время не существовали органы международного правосудия. За совершение преступлений (даже если они носили трансграничный характер) индивид отвечал перед судом национального государства, которое привлекало его к ответственности.

Устав ООН наряду с другими принципами закрепил принцип суверенного равенства государств (п. 1, ст. 2). В статье 2 Устава фактически зафиксированы два принципа – принцип уважения государственного суверенитета и принцип равенства государств. Развернутое содержание названных принципов содержится в Декларации Генеральной Ассамблеи ООН о принципах международного права 1970 г., Хельсинском Заключительном Акте 1975 г. и ряде других международных документах.

Суверенное равенство государств предполагает их юридическое равенство в качестве субъектов международного права. Но это не означает их фактического равенства. Государства отличаются друг от друга по размерам территорий, численности населения, экономическому потенциалу, военной мощи и т.д. Поэтому их роль в международных отношениях, несмотря на формальное юридическое равенство, фактически неодинакова. Следует особо отметить, что и в юридическом равноправии государств допускаются, по крайней мере, два следующих исключения:

- когда решения Совета Безопасности ООН принимаются голосами девяти членов Совета, включая совпадающие голоса всех его постоянных членов;
- принятие решения в ряде международных организаций путем, так называемого, «взвешенного» голосования.

Наряду с провозглашением принципа уважения государственного суверенитета Устав ООН содержал положения и о правомерности его ограничений. Это относится особенно к главе VII о принудительных мерах и ряду других статей Устава ООН.

Принятие Всеобщей декларации прав человека и Пактов о правах человека привели к дальнейшим ограничениям в данном отношении. Всеобщая декларация, признавая в первой же своей статье

естественный характер прав человека, отвергает, тем самым, абсолютизацию государственного суверенитета. Создание конвенционных контрольных органов ООН, а затем и органов международного правосудия оказали дальнейшее серьезное влияние на сужение рамок государственного суверенитета.

Суверенитет государств в современных международных отношениях подвергается серьезным ограничениям в случаях, когда:

- государство добровольно принимает на себя международные обязательства;

- оно становится участником двустороннего или многостороннего договора;

- государство вступает в ту или иную международную организацию, принимая на себя соответствующие обязательства;

- международными или региональными органами принимаются решения, имеющие обязательную силу для государств;

- государство признает верховенство международных норм над национальным законодательством.

Суверенитет государств ограничивается и принципами «*jus cogens*», действующими «*erga omnes*». Это далеко не полный перечень ограничений суверенитета, налагаемых международным правом на государства.

Более того, Комитет против пыток и Комитет по экономическим, социальным и культурным правам имеют полномочия не только проводить расследование о нарушении соответствующих прав, но и (с согласия государства-участника) в этих целях посещать его территорию. А Подкомитет по предупреждению пыток, созданный на основании Факультативного Протокола и Конвенции против пыток, имеет право «с ведома или молчаливого согласия» государства – участника Протокола посещать любые места, находящиеся под его юрисдикцией и контролем, где содержатся или могут содержаться лица, лишённые свободы (ст. 4).

Серьезные ограничения суверенных прав государств содержат Европейские Конвенции в сфере прав человека. Так, например, созданный согласно Европейской Конвенции по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания Комитет вправе без предварительного разрешения государства-участника посещать любые места в пределах его юрисдикции, где содержатся лица, лишённые свободы (ст. 2). При этом государство-участник «обеспечивает Комитет для выполнения его задач следующим:

а) доступом на свою территорию и правом передвижений без ограничений;

б) полной информацией о местах содержания лишенных свобод лиц;

в) неограниченным доступом в любое место, где находятся лица, лишенные свободы, включая право передвижения внутри таких мест без ограничений...» (ст. 8).

Особо следует упомянуть Европейскую Конвенцию о защите прав человека и основных свобод. Созданный в соответствии с Конвенцией механизм является фактически наднациональной властью. Его учреждение потребовало от государств – членов Совета Европы отказаться от абсолютизации государственного суверенитета. Решения Европейского Суда по правам человека (Суд), имеющие значение прецедента, оказывают значительное влияние на формирование и развитие доктрины европейского права.

Таковыми решениями в повседневной практике руководствуются многие судебные органы государств-участников. Члены Совета Европы корректируют свое внутреннее законодательство и административную практику под влиянием Конвенции и решений Суда. Отвергая законность национальных судебных решений, Суд побуждает законодателя пересматривать действующее законодательство и практику его применения.

Исполнение решений Суда, как подчеркивают зарубежные юристы Марк Джанис и Ричард Кей, «демонстрируют появление эффективной системы международного права, регулирующей некоторые наиболее чувствительные области, которые как ранее утверждалось, находились в исключительной сфере государственного суверенитета»¹⁴. Подобные оценки даются многими исследователями.

Так, например, французский ученый К. Васак еще в 1982 г. отмечал, что впервые появился международный механизм, который функционирует вне государства и «выражает общие ценности всего человечества»¹⁵.

Суд по правам человека создан не только на Европейском континенте. В 1969 году был создан Межамериканский суд по правам человека, а в 2004 году – Африканский суд.

Одним из наиболее эффективных и развивающихся региональных образований, которому государства передали значительную часть своих суверенных прав, является Европейский союз (далее – ЕС). Его члены

признают примат международного права и права Сообщества над национальным правом. Общность правовых традиций на Европейском континенте позволила создать универсальную правовую систему, в которой сосуществуют как национальные правовые системы, так и европейское право, обязательное для государств – членов ЕС.

По сути дела ЕС может превратиться в федерацию или конфедерацию государств.

Развитие международного права и международных отношений во второй половине XX в. и в нынешнем столетии характеризуется значительным расширением правового регулирования различных областей отношений между государствами. А это приводит к изменению содержания многих принципов и норм современного международного права.

Change of Normative Content of Basic Principles of Contemporary International Law (Summary)

*Vladimir A. Kartashkin**

Principles of international law appear, mature and finally may disappear. Thus the sphere of human rights principle accumulates new content including their international protection. The UN Charter has formulated cardinally new attitude of states to the interpretation and application of the principle of non – interference into internal affairs of states. States started refusing of their absolute sovereignty and recognizing the possibility of its rightful limitations. Some regional organizations gradually transform into unions of states. Within their territories currently in force are not only national law but regional and international law as well, which limits the sovereign law of member states to considerable extent.

Keywords: general principles of international law; human rights; the UN Charter; non – interference into internal affairs of states; sovereignty; regional organizations.

* Vladimir A. Kartashkin – Doctor of juridical sciences , professor, the member of the UN Consultative committee (2008–2013 r.)

- ¹ См. Карташкин В. А. Права человека: международная защита в условиях глобализации. М., 2011. С. 22–28.
- ² Hudson. Integrity of International Instrumentsю. American Journal of International Law, 1948, Jan. Vol., 42, N 1., p. 105–108/ Н Kelsen, The Law of the United Nations, London 1950. P. 29–32.
- ³ Evans G. The Responsibility to protect. Wash. 2008. P. 79–174. Карташкин В. А. Защита прав человека: от гуманитарной интервенции к использованию механизмов ООН. Обозреватель, № 9, 2012. С. 12–25.
- ⁴ См. подробнее. Ушаков Н. А. Невмешательство во внутренние дела государств. М., 1971; Курс Международного права. Т. 2., М., 1989. С. 131–147.
- ⁵ Карташкин В. А. Международная защита прав человека и внутренняя юрисдикция государств. Обозреватель № 2, 2013. С. 66–75.
- ⁶ Doc. UN 40/A/35/40 New-York, 1980.
- ⁷ См. например, Черниченко С. В. «Теория международного права». Ст. 1, М., 1999. С. 171–207.
- ⁸ Ст. 14 Пакта о гражданских и политических.
- ⁹ Там же. Ст. 18 Пакта.
- ¹⁰ Там же. Ст. 25 Пакта.
- ¹¹ Doc.A/65/181, 29 July 2010.
- ¹² См. «Как работать по Программе ООН в области прав человека». Справочник для гражданского общества. Нью-Йорк и Женева. 2008. С. 137–152. «Организация Объединенных Наций и защита прав человека». Под ред. А. Х. Абашидзе. М., 2009. С. 144–181.
- ¹³ См. подробнее. «Как работать по Программе ООН в области прав человека», С. 153–174.
- ¹⁴ Mark W. Janic, Richard S. Kay. European Human Rights Law. 1990. Connecticut. P. VII.
- ¹⁵ Vasak K. The Council of Europe.// The International Dimensions of Human Rights. Paris, 1982. Vol. 2. P. 673.

Проблемы отмены смертной казни в России в контексте международных обязательств

*Иванов А. В.**

Проблемы применения смертной казни как исключительной меры наказания, ее соотношения с правом на жизнь давно являются объектом общественного обсуждения и актуальными для каждого цивилизованного государства.

В международном праве установлен запрет на применение смертной казни, поскольку ее применение противоречит основному принципу уважения прав и основных свобод человека, а также признанию абсолютного права на жизнь.

Одним из существенных условий для приглашения России в Совет Европы было условие об отмене смертной казни, однако Россия до сих пор не ратифицировала Протокол № 6, не предприняла действий, направленных на абсолютный отказ от смертной казни, поэтому проблемы неприменения смертной казни как вида уголовного наказания продолжают сохранять свою актуальность.

Ключевые слова: право на жизнь; смертная казнь; преступление; уголовное наказание; международные обязательства; отмена смертной казни; мораторий; ратификация; Протокол № 6; Протокол № 13; Второй факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах.

Актуальность. В 1996 году, с целью влиться в европейское пространство, идти по пути строительства демократических институтов,

* Иванов Алексей Валерьевич – адвокат Краснодарской краевой коллегии адвокатов, г. Краснодар. advocatkk@gmail.com.

признания прав и свобод человека в качестве высшей ценности, Россия вступила в Совет Европы, что послужило важной предпосылкой для реформирования правовой системы и изменению законодательства, противоречащего положениям Конвенции о защите прав человека и основных свобод¹. Одним из существенных условий вступления было установление моратория на приведение в исполнение приговоров, связанных со смертной казнью и принятие мер по ее отмене. Россией проводилась интенсивная работа по приведению национального законодательства в соответствие с европейскими нормами в области прав человека.

Необходимость обращения к данной теме обусловлена тем, что Протокол № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод «Относительно отмены смертной казни»² (далее – Протокол № 6) до настоящего времени Российской Федерацией не ратифицирован и вопрос по поводу отмены смертной казни как уголовного наказания окончательно не решен, что порождает многочисленные споры.

Учитывая изложенное, следует признать, что в условиях невыполнения Российской Федерацией, принятых при вступлении в Совет Европы международных обязательств, проблема надлежащих гарантий неприменения смертной казни как вида уголовного наказания продолжает сохранять свою актуальность.

Право на жизнь. Как известно, права человека являются ценнейшим достоянием любого цивилизованного государства. Право на жизнь является одним из фундаментальных, неотъемлемых, неотчуждаемых и принадлежащих каждому от рождения. Данное право закреплено во многих международных правовых актах (ст. 3 Всеобщей декларации прав человека³; Декларация независимости США от 4 июля 1776 г.⁴; ст. 6 Международного пакта о гражданских и политических правах⁵; ст. 2 Конвенции о защите прав человека и основных свобод⁶; ст. 2 Конвенции Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека⁷; Американской конвенции о правах человека⁸; ст. 5 Арабской хартии прав человека⁹; ст. 2 Каирской декларации¹⁰; ст. 2 Хартии основных прав Европейского союза¹¹ и других международных актах).

Право на жизнь закрепляется многими странами на уровне конституций (ст. 28 Конституции Республики Болгария; ст. 2 Конституции ФРГ; ст. 17 Конституции Португалии; ст. 17 Конституции Республики Словения; ст. 21 Конституции Республики Хорватия; ст. 15

Конституции Словацкой Республики; ст. 6 Конституции Чешской Республики; ст. 40 Конституции Ирландии; ст. 15 Конституции Испании; ст. 20 Конституции РФ¹² и др.).

Таким образом, право на жизнь считается высшей ценностью в любом демократическом обществе.

Регламентации права на жизнь уделено значительное внимание в юридической литературе, однако проблемы обеспечения права на жизнь, соотношения права на жизнь и смертной казни, а также пределов применения смертной казни в цивилизованном мире до сих пор остаются в центре научного, общественного и политического внимания.

Практика отмены смертной казни в мире. В цивилизованном мире, где существует приоритет прав человека перед интересами общества и государства, давно начало складываться понимание того, что смертная казнь является законной формой убийства, санкционированной государством.

Смертная казнь представляет собой вид уголовного наказания, целью которого является преднамеренное лишение государством жизни человека. На негативные моменты смертной казни указано международным сообществом: исключает возможность реабилитации и примирения; провоцирует решение сложных проблем человечества примитивными способами, вместо того, чтобы способствовать пониманию их причин и поиску конструктивных подходов; продлевает страдания родственников убитого и причиняет такие же страдания близким осуждённого за убийство; требует ресурсов и энергии, которые следовало бы направить на борьбу с насильственными преступлениями и помощь тем, кто от них пострадал; является признаком культуры насилия, а не способом уйти от него; она оскорбительна для человеческого достоинства.

В мировой практике давно наметилась устойчивая тенденция, направленная на введение моратория на применение смертной казни в виде уголовного наказания и ее отмену, поскольку она нарушает право на жизнь и является дискриминационной.

Впервые в истории смертная казнь была отменена в США в штате Мичиган в 1846 году. В Европе первой страной, которая отменила смертную казнь была Португалия в 1867 году.

В 1950 году Конвенция о защите прав человека и основных свобод установила, что никто не может быть намеренно лишен жизни иначе как во исполнение смертного приговора, вынесенного судом

за совершение преступления, в отношении которого законом предусмотрено такое наказание (ст. 2).

В 1977 г. Генеральная Ассамблея ООН призвала государства к «постепенному уменьшению числа преступлений, за которые может быть назначена смертная казнь, с целью ее последующей отмены»¹³.

В 1983 году страны-члены Совета Европы одобрили дополнение Конвенции о защите прав человека и основных свобод Протоколом № 6 об отмене смертной казни в мирное время. С 1994 г. одним из условий вступления государств в Совет Европы стало введение ими моратория на приведение смертной казни в исполнение, а также обязательство подписать Протокол № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод в течение года с момента вступления в Организацию и ратифицировать его в течение трех лет с момента подписания¹⁴.

Протокол № 6 стал первым международным документом, закрепившим отмену смертной казни правовым обязательством государства, подписавшего и ратифицировавшего этот акт. В настоящий момент из 47 государств – членов Совета Европы, только Россия не ратифицировала указанный Протокол.

15 декабря 1989 года резолюцией 44/128 Генеральной Ассамблеи принят Второй Факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах, направленный на отмену смертной казни¹⁵, который подписан уже 78 государствами – участниками пакта (из 167 стран, присоединившихся к Международному пакту и из 140 стран, в которых смертная казнь уже отменена в законе или на практике). Россия в подписании не участвует.

Принятый Генеральной ассамблеей Организации американских государств в 1990 году Протокол к Американской конвенции о правах человека об отмене смертной казни¹⁶, ратифицирован 46 государствами.

1 июля 2003 г. вступил в силу Протокол № 13¹⁷ к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, не допускающий возможности применения смертной казни во время войны или при неизбежной угрозе войны, ратифицирован 40 государствами – членами Совета Европы. В Преамбуле Протокол № 13 закреплено, что всеобщее право на жизнь является основной ценностью в демократическом обществе и что отмена смертной казни необходима для защиты этого права, а также для полного признания достоинства, присущего всем людям. Государства-участники, желая усилить защиту права на жизнь, отмечая, что Протокол № 6 не запрещает смертную казнь в отношении участников

действий, совершенных во время войны или в условиях неизбежной угрозы войны, решили сделать заключительный шаг к отмене смертной казни при всех обстоятельствах.

Безусловно, данный шаг стоит только приветствовать, поскольку данная общемировая тенденция соответствует реализации принципа гуманизма и направлена на абсолютный запрет применения смертной казни. Российская Федерация не подписала и не ратифицировала Протокол № 13.

Свидетельством общемировой тенденции, направленной на отмену смертной казни, служит также проведение саммитов Совета Европы, всемирных конгрессов (Монреаль, 2004 г., Париж, 2007 г., Мадрид, 2013 г.), а также присоединение государств к международным документам, направленным против смертной казни и на введение моратория на казни в мирное время.

В настоящее время смертная казнь не предусмотрена в числе мер наказания Уставом Международного трибунала для бывшей Югославии¹⁸ и Уставом Международного трибунала по Руанде¹⁹.

На 57-й сессии Парламентской ассамблеи Совета Европы было отмечено, что применение смертной казни является нарушением самого главного права человека – права на жизнь. Смертная казнь должна быть полностью и навсегда исключена из законодательства всех государств, выступающих за демократию, верховенство закона и права человека. В рекомендациях, принятых на 57-й сессии, было указано, что ПАСЕ рекомендует Комитету министров Совета Европы обязать Россию незамедлительно ратифицировать Протокол № 6 об отмене смертной казни в мирное время.

Свидетельством тенденций международного сообщества, направленных на отмену смертной казни, служат также принятые Генеральной Ассамблеей ООН Резолюции № 62/149 от 18 декабря 2007 г.²⁰, № 63/168 от 18 декабря 2008 г.²¹ и 65/206 от 21 декабря 2010 года²² по вопросу о моратории на применение смертной казни, в которых Генеральная Ассамблея призвала государства, в которых все еще сохраняется смертная казнь, ввести мораторий на приведение смертных приговоров в исполнение в целях отмены смертной казни.

В Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 18 декабря 2007 г. A/RES/62/149 «Мораторий на применение смертной казни» было отмечено, что применение смертной казни подрывает человеческое достоинство. Генеральная Ассамблея ООН призвала государства, в которых еще

сохраняется смертная казнь, ввести мораторий на приведение смертных приговоров в исполнение с целью отмены смертной казни, а государствам, в которых была отменена смертная казнь, не вводить ее вновь.

Абсолютный запрет на применение смертной казни уже признан многими государствами-членами ООН, Совета Европы, Европейского союза, ОБСЕ, Организации американских государств. Отмена смертной казни является естественной тенденцией всех современных демократических государств.

По сведениям Amnesty International в 2013 году смертные приговоры привели в исполнение в 22 странах. В числе стран-лидеров по применению смертной казни находятся Китай, Иран, Ирак, Саудовская Аравия, США и Сомали. Из стран Европы смертную казнь продолжают применять лишь в Белоруссии, которая не является членом Совета Европы²³.

2 июля 2014 г. Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун заявил о том, что смертной казни не должно быть в XXI веке и призвал все государства отказаться от применения смертной казни.

В результате прилагаемых усилий международного сообщества 51 из 56 государств – участников ОБСЕ отменили смертную казнь за все виды преступлений. В четырех государствах-участниках – Казахстане, Монголии, Российской Федерации и Таджикистане смертная казнь сохраняется за преступления, совершенные в мирное время, однако смертные приговоры в исполнение не приводятся. В двух государствах-участниках – Беларуси и Соединенных Штатах Америки смертная казнь применяется за преступления, совершенные в мирное время, и смертные приговоры приводятся в исполнение²⁴.

Таким образом, смертная казнь является унижающим человеческое достоинство явлением и неотъемлемым элементом недемократических государств. В результате усилий мирового сообщества наблюдается устойчивая тенденция к отказу государств от применения смертной казни, в том числе и за международные преступления. Общее количество стран, применяющих смертную казнь, неуклонно сокращается на протяжении последних лет. Однако Российская Федерация не ратифицировала Протокол № 6, не подписала и не ратифицировала Протокол № 13 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, а также Второй Факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах, не допускающий возможности применения смертной казни.

Практика отмены смертной казни в России. Вопрос об отмене смертной казни в России обсуждается давно и относится к наиболее остродискуссионным.

Как отмечается в юридической литературе, «в обществе всегда присутствовало весьма неоднозначное отношение к смертной казни. Россия никогда не была страной демократической и, возможно, еще долго не сможет стать правовым государством. Психология десятков поколений людей, проживавших в нашей стране, отмечена жестокостью и насилием»²⁵.

Глава Следственного комитета РФ Александр Бастрыкин высказался за сохранение в Уголовном кодексе РФ смертной казни²⁶. В Федеральной службе исполнения наказаний (ФСИН), напротив, не поддерживали высказанное главой СК РФ предложение о сохранении в Уголовном кодексе РФ смертной казни как исключительной меры наказания²⁷.

В обществе с богатым тоталитарным наследием, с опытом неэффективной борьбы с преступностью, с масштабными проявлениями национализма, ксенофобии и радикальными идеями вряд ли приходится рассчитывать на развитие идей гуманизма. Однако в зарубежных странах отмена смертной казни происходила без поддержки населения, которое впоследствии воспринимало позицию законодателя и разделяло ее, у нас же сам законодатель выступил с обращением о преждевременности отмены смертной казни.

Для выполнения обязательства по ратификации Протокола № 6, Российской Федерацией предпринимались определенные шаги. Указом Президента РФ от 16 мая 1996 г. № 724 «О поэтапном сокращении применения смертной казни в связи с вхождением России в совет Европы»²⁸ было постановлено Правительству Российской Федерации в месячный срок подготовить для внесения в Государственную Думу Федерального Собрания РФ проект Федерального закона о присоединении Российской Федерации к Протоколу № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

27 февраля 1997 г. Президентом РФ было издано Распоряжение «О подписании Протокола № 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г.»²⁹, которым поручено Минюсту России совместно с заинтересованными федеральными органами исполнительной власти, иными федеральными органами государственной власти разработать комплекс мер по поэтапному решению проблем, связанных с ратификацией Протокола № 6 к Конвенции о защите прав

человека и основных свобод. Однако 14 марта 1997 года Государственная Дума отклонила законопроект о моратории на смертную казнь.

Указом от 3 июня 1999 г. № 698 Президентом РФ было помиловано 703 осужденных к смертной казни.

6 августа 1999 г. в Государственную Думу ФС РФ Президентом РФ были внесены проекты Федерального закона о ратификации Протокола № 6³⁰ и Федерального закона, предусматривающего внесение изменений и дополнений в уголовное, уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации³¹. Как отмечалось в сопроводительном письме к проекту федерального закона о ратификации Протокола № 6 «ратификация указанного Протокола, подтвердит приверженность Российской Федерации принципам гуманизма, демократии и права, а также будет способствовать осуществлению установленных Конституцией РФ положений, касающихся защиты главного естественного права человека – права на жизнь»³².

Распоряжением Президента РФ от 28 августа 2001 г. № 462-рп назначены представители при рассмотрении палатами Федерального Собрания Российской Федерации вопроса о ратификации Протокола № 6³³. Однако 15 февраля 2002 г. Государственная Дума приняла постановление № 2483-IIIГД об обращении к Президенту РФ о преждевременности ратификации Протокола № 6³⁴.

Таким образом, Российской Федерацией принято большое количество нормативно-правовых актов, направленных на выполнение международных обязательств по вступлению в Совет Европы, однако Протокол № 6 до сих пор не ратифицирован и не имеет обязательной силы.

Последняя смертная казнь в России была приведена в исполнение 2 сентября 1996 г. Несмотря на то, что Россия была принята в Совет Европы, российские суды по-прежнему выносили после 1996 г. приговоры с назначением наказания в виде смертной казни³⁵.

В условиях вступления России в Совет Европы и невыполнения обязательств по ратификации Протокола № 6 в 1999 г. Конституционный Суд РФ принял постановление, в котором установил запрет на назначение наказания в виде смертной казни до введения в действие соответствующего федерального закона, обеспечивающего на всей территории Российской Федерации каждому обвиняемому в преступлении, за совершение которого федеральным законом в качестве исключительной меры наказания установлена смертная казнь, право на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей³⁶.

На наш взгляд, в условиях, когда Россия не смогла выполнить принятые международные обязательства, данное постановление Конституционного Суда РФ своей целью имело скорее запрет на назначение наказания в виде смертной казни, чем обеспечение принципа равноправия и права на рассмотрение дела судом с участием присяжных заседателей.

С введением 1 января 2010 г. суда присяжных на всей территории Российской Федерации³⁷ и устранением правовых оснований для неприменения смертной казни в виде уголовного наказания, вопрос о его применении возник вновь. С целью устранения возможной противоречивой правоприменительной практики относительно допустимости назначения смертной казни после введения судов с участием присяжных заседателей, Верховный Суд РФ обратился с запросом в Конституционный Суд о разъяснении Постановления от 2 февраля 1999 г. № 3-П.

В Определении от 19 ноября 2009 г. № 1344-О-Р Конституционный Суд РФ пришел к выводу, что «в Российской Федерации в настоящее время действует конкретизирующий закрепленные Конституцией РФ гарантии права на жизнь комплексный мораторий на применение смертной казни, сформировались устойчивые гарантии права не быть подвергнутым смертной казни и сложился легитимный конституционно-правовой режим, в рамках которого – с учетом международно-правовой тенденции и обязательств, взятых на себя Российской Федерацией, – происходит необратимый процесс, направленный на отмену смертной казни, т. е. на реализацию цели, закрепленной статьей 20 (часть 2) Конституции РФ». Кроме того, Конституционный Суд Российской Федерации подтвердил, что «введение суда с участием присяжных заседателей на всей территории Российской Федерации не открывает возможность применения смертной казни, в том числе по обвинительному приговору, вынесенному на основании вердикта присяжных заседателей»³⁸.

Невозможность применения смертной казни как вида уголовного наказания, процедура его назначения и исполнения была установлена и в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 19 апреля 2010 г. № 8-П: «в контексте действующего правового регулирования положения федерального законодательства о смертной казни как вида уголовного наказания, процедурах его назначения и исполнения в настоящее время применяться не могут»³⁹. Однако проблема заключается в том, что Конституционный Суд РФ основывается на нератифицированном Российской Федерацией Протоколе № 6.

Несмотря на то, что в настоящее время в России установлен запрет на применение смертной казни, она упоминается в федеральном законодательстве и является одним из видов уголовного наказания (п. 2 ст. 20 Конституции РФ, п. «н» ст. 44, ч. 1 ст. 45, ст. 59 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ))⁴⁰. Возможность применения смертной казни как исключительной меры наказания предусмотрена в 5 статьях УК РФ: ч. 2 ст. 105 (убийство, совершенное при отягчающих обстоятельствах; ст. 277 (посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля); ст. 295 (посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование); ст. 317 (посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа); ст. 357 (геноцид).

Уголовно-процессуальный кодекс РФ также содержит положения о смертной казни (ст.ст. 31, 51, 301, 310 УПК РФ)⁴¹. Действующее уголовно-исполнительное законодательство регламентирует порядок исполнения наказания в виде смертной казни (ст. 123 УИК РФ)⁴².

Федеральным законом от 17 декабря 2009 г. № 324-ФЗ в ст. 59 УК РФ внесены изменения, согласно которым смертная казнь не назначается лицу, выданному Российской Федерации иностранным государством для уголовного преследования в соответствии с международным договором Российской Федерации или на основе принципа взаимности, если в соответствии с законодательством иностранного государства, выдавшего лицо, смертная казнь за совершенное этим лицом преступление не предусмотрена или неприменение смертной казни является условием выдачи, либо смертная казнь не может быть ему назначена по иным основаниям⁴³.

Полагаем, что законодатель, внося поправки в ст. 59 УК РФ, фактически признал существование смертной казни как вида уголовного наказания, что создает возможность для возврата к ее применению и исполнению.

На наш взгляд, присутствие смертной казни в действующем российском законодательстве является позорным явлением, поскольку смертная казнь несовместима с принятыми международно-правовыми стандартами в области защиты прав человека и исключает возможность исправления судебной ошибки при вынесении обвинительного приговора.

Таким образом, Российской Федерацией приняты международные обязательства по ратификации Протокола № 6, однако они до сих пор не выполнены и действующее законодательство содержит положения

о смертной казни в качестве исключительной меры уголовного наказания за совершение особо тяжких преступлений, а также процедуры ее назначения и исполнения.

В условиях, когда законодательная власть устранилась от выполнения обязательства России по ратификации 6-го Протокола, важную роль при разрешении данного вопроса сыграл Конституционный Суд РФ, приняв решения, в которых установил запрет на назначение наказания в виде смертной казни, фактически подменил функцию законодательной власти.

Как уже было отмечено, еще в 1999 г. Конституционный Суд РФ принял постановление, в котором установил запрет на назначение наказания в виде смертной казни и исполнение ранее вынесенных приговоров. Определением от 19 ноября 2009 г. № 1344-О-Р Конституционный Суд РФ также подтвердил запрет на назначение смертной казни.

Правовая позиция, рассматривающая не ратифицированный Протокол № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод в качестве оснований недопустимости применения уголовного наказания в виде смертной казни, содержится и в других определениях Конституционного Суда РФ⁴⁴.

На наш взгляд, основные проблемы в установлении Конституционным Судом РФ запрета на назначение наказания в виде смертной казни, видятся в следующем:

Во-первых, необходимость ратификации международных договоров вытекает из п. «г» ст. 106 Конституции РФ, устанавливающей обязательность рассмотрения в Совете Федерации принятых Государственной Думой федеральных законов по вопросам ратификации и денонсации международных договоров Российской Федерации.

Кроме того, согласно ст. 14 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» в соответствии с Конституцией Российской Федерации ратификация международных договоров Российской Федерации осуществляется в форме федерального закона⁴⁵. Ратификации подлежат международные договоры Российской Федерации, предметом которых являются основные права и свободы человека и гражданина (подп. «б» п. 1 ст. 15 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации»).

Таким образом, согласно положениям действующего законодательства ратификация международных договоров, в т. ч. и протоколов

к ним, осуществляется исключительно в форме федерального закона, принимаемого Государственной Думой с обязательным его рассмотрением и одобрением в Совете Федерации, а не в форме решений Конституционного Суда РФ.

В отличие от законодательной власти, Конституционный Суд РФ является судебным органом конституционного контроля, самостоятельно и независимо осуществляющим судебную власть посредством конституционного судопроизводства, а не законодательным органом, способным ратифицировать международные договоры Российской Федерации. Полномочия Конституционного Суда Российской Федерации определяются Конституцией Российской Федерации и Федеральным конституционным законом от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»⁴⁶.

В-вторых, нератифицированный Протокол № 6 не может являться непосредственно действующим международно-правовым документом, поскольку его нормы противоречат российскому законодательству. Кроме того, предмет правового регулирования Протокола № 6 являются основные права и свободы человека и гражданина, а с учетом требований законодательства он подлежит обязательной ратификации в форме федерального закона.

В-третьих, аргументация Конституционного Суда РФ, изложенная в Определении от 19 ноября 2009 г. № 1344-О-Р, представляется весьма спорной:

1. Конституционным Судом РФ совершенно проигнорирован тот факт, что Протокол № 6, внесенный в Государственную Думу РФ еще 6 августа 1999 г., до сих пор Государственной Думой РФ не рассмотрен и не ратифицирован, и, следовательно, для Российской Федерации он не имеет никакой юридической силы⁴⁷.

2. Согласно п. 4.3 Определения Конституционного Суда РФ от 19 ноября 2009 г. № 1344-О-Р «тот факт, что Протокол № 6 до сих пор не ратифицирован, в контексте сложившихся правовых реалий не препятствует признанию его существенным элементом правового регулирования права на жизнь».

Как нератифицированный международный документ может являться существенным элементом правового регулирования права на жизнь в Российской Федерации?

На наш взгляд, поскольку международный документ не ратифицирован, он не может рассматриваться в качестве нормативного правового

акта, непосредственно отменяющего в России смертную казнь в смысле ч. 2 ст. 20 Конституции РФ. Кроме того, в действующем законодательстве сохраняются положения, предусматривающие смертную казнь как вид уголовного наказания, а также процедуры ее назначения и исполнения.

3. Конституционный Суд РФ указал, что «поскольку Протокол № 6 до сих пор не ратифицирован, он как таковой не может рассматриваться в качестве нормативного правового акта, непосредственно отменяющего в Российской Федерации смертную казнь в смысле статьи 20 (часть 2) Конституции РФ. При этом в федеральном законодательстве сохраняются положения, предусматривающие данный вид наказания и, соответственно, процедуры его назначения и исполнения» (п. 6 Определения Конституционного Суда РФ от 19 ноября 2009 г. № 1344-О-Р).

Соответственно, Конституционный Суд РФ признает, что нератифицированный Протокол № 6 не может рассматриваться в качестве нормативного правового акта, непосредственно отменяющего в Российской Федерации смертную казнь.

4. Трудно согласиться с правовой позицией Конституционного Суда РФ, согласно которой «в Российской Федерации действует конкретизирующий закрепленные Конституцией Российской Федерации гарантии права на жизнь комплексный мораторий на применение смертной казни», «происходит необратимый процесс, направленный на отмену смертной казни» (п. п. 6, 7 Определения Конституционного Суда РФ от 19 ноября 2009 г. № 1344-О-Р). На наш взгляд, невыполнение Россией принятых на себя международных обязательств по ратификации Протокола № 6 как раз свидетельствует об обратном.

В-четвертых, Конституционный Суд РФ отметил, что установленный им запрет применения смертной казни не затрагивает прерогативы Федерального Собрания в отношении ратификации Протокола № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод (п. 7 Определения Конституционного Суда РФ от 19 ноября 2009 г. № 1344-О-Р). Между тем, такая оговорка не имеет существенного значения, поскольку, констатируя установление запрета на применение смертной казни, Конституционный Суд РФ подменил собой законодателя.

В-пятых, установленный Конституционным Судом РФ длительный и комплексный мораторий на применение смертной казни противоречит действующему законодательству, поскольку российским законодательством не предусмотрено объявление моратория; Конституционный

Суд РФ не вправе приостанавливать действие федерального законодательства и устанавливать какой-либо мораторий; смертная казнь предусмотрена Конституцией РФ, поэтому в государстве, провозгласившем себя демократическим и правовым, закреплены принципы разделения властей и верховенство Конституции РФ, недопустимо решать вопрос о ее отмене на основании лишь временной меры, установленной Конституционным Судом РФ, а не на основании закона.

В-шестых, принятые Российской Федерацией действия направлены на установление запрета на применение смертной казни (т.н. «моратория»), но не на выполнение принятых международных обязательств, абсолютный отказ от смертной казни и исключения смертной казни как вида уголовного наказания из федерального законодательства. В сложившейся ситуации решение вопроса о смертной казни в России находится не в правовой, а в политической плоскости.

Вся эта ситуация вызывает удивление, поскольку вместо того, чтобы выполнить принятые международные обязательства, законодательство РФ до сих пор не приведено в соответствие с европейскими нормами в области прав человека, не ратифицирован Протокол № 6 и не внесены изменения в законодательство, направленные на отмену смертной казни.

Полагаем, что только ратификация Российской Федерацией Протокола № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, а также исключение смертной казни из законодательства могут свидетельствовать о выполнении принятых на себя Российской Федерацией международных обязательств и о процессе, направленном на абсолютную отмену смертной казни.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. Парламент Российской Федерации в угоду политической конъюнктуре уклоняется от выполнения принятых Россией международных обязательств при вступлении в Совет Европы, в результате чего Россия является единственным государством-членом Совета Европы, не ратифицировавшим Протокол № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

2. Протокол № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод не может рассматриваться в качестве нормативного правового акта, непосредственно отменяющего смертную казнь в Российской Федерации, поскольку он ею не ратифицирован.

3. В российском законодательстве сохраняются положения, предусматривающие смертную казнь как вид уголовного наказания, а также процедуры ее назначения и исполнения, поэтому отсутствуют надлежащие гарантии неприменения смертной казни как вида уголовного наказания.

4. Российской Федерацией не только не ратифицирован Протокол № 6, но также не подписаны и не ратифицированы Протокол № 13 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, об отмене смертной казни при любых обстоятельствах и Второй факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах, что не может свидетельствовать о ее намерении об отказе применения смертной казни.

С целью реализации принятых Российской Федерацией международных обязательств, направленных на отмену смертной казни, необходимо:

1. Ратифицировать Протокол № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

2. Подписать и ратифицировать Протокол № 13 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, а также Второй факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах.

3. Внести изменения в действующее законодательство, направленные на исключение положений о смертной казни (Конституция РФ, УК РФ, УПК РФ, УИК РФ).

The Problem of the Legislative Sentence to the Death Penalty in Russia in the Context of International Obligations (Summary)

*Alexey V. Ivanov**

Legislative Sentence to the death penalty as an exceptional measure of capital punishment and its relation to the right to life have been a subject of public discussion for a long time, and nowadays they are topical ones for every civilized state.

The International law prohibits the use of capital punishment by a country because the death penalty is the ultimate cruel, inhuman and degrading punishment as well as because the legislative Sentence to the death penalty is contrary to the basic principle of respect for human rights and fundamental freedoms including the recognition of an absolute right to human life.

One of the essential conditions for invitation of Russia to the Council of Europe has been the legislative Sentence for the abolition of the death penalty, but Russia still has not ratified Protocol No. 6, and has not taken action on the absolute refusal of the death penalty, so the problem of the Sentence to the death penalty as a capital punishment, continues to be topical more than ever.

Keywords: right to life; the death penalty; juristic Sentence to the death penalty; crime; capital punishment; abolition of capital punishment; international obligations; the abolition of the death penalty; moratorium; ratification; Protocol No. 6; Protocol No. 13; the Second optional Protocol to the International Covenant on Civil and Political Rights.

¹ Конвенция о защите прав человека и основных свобод: заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г. // Собрание законодательства РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

² Протокол № 6 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод относительно отмены смертной казни (ETS № 114): подписан в г. Страсбурге 28 апреля 1983 г. // Российская газета. 1995. 5 апреля.

* Alexey V. Ivanov – lawyer, Krasnodar Regional Advocates' Collegium. advocatkk@gmail.com.

³ Всеобщая декларация прав человека: принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. // Российская газета. 1998. 10 декабря.

⁴ Декларация независимости США 1776 г. // Международные акты о правах человека. Сборник документов / Сост. В. А. Карташкин, Е. А. Лукашева. М., 2002. С. 20–22.

⁵ Международный Пакт «О гражданских и политических правах» от 16 декабря 1966 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 12.

⁶ Конвенция о защите прав человека и основных свобод: заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г. // Собрание законодательства РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

⁷ Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека: заключена в Минске 26 мая 1995 г. // Собрание законодательства РФ. 1999. № 13. Ст. 1489.

⁸ Американская конвенция о правах человека: заключена в г. Сан-Хосе 22 ноября 1969 г. // Международные акты о правах человека. Сборник документов. / Сост. В. А. Карташкин, Е. А. Лукашева. М., 2002. С. 867–886.

⁹ Арабская хартия прав человека 1994 г. // Вестник МГУ. Серия 11 «Право». 1997. № 5. С. 71.

¹⁰ Декларация Каирской встречи на высшем уровне по вопросам прав человека в религии ислама 1990 г. // Бюллетень ОБСЕ/БДИПЧ. 1997. Т. 5. № 2. С. 16.

¹¹ Хартия основных прав Европейского Союза: принята в г. Ницце 7 декабря 2000 г. // Московский журнал международного права. 2003. № 2. С. 302–314.

¹² Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Собрании законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

¹³ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН «Вопрос о смертной казни» от 8 декабря 1977 г. № 32/61 // daccess-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0317/28/IMG/NR031728.pdf?OpenElement

¹⁴ Сидоркин А. С. Проблема отмены смертной казни сквозь призму общих принципов права // Вестник РУДН, серия Юридические науки. 2010. № 4. С. 27–28.

¹⁵ Второй факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах, направленный на отмену смертной казни: принят 15 декабря 1989 г. Резолюцией 44/128 на 82-м пленарном заседании 44-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН // Советский журнал международного права. 1991. № 2. С. 173–175.

¹⁶ Протокол к Американской конвенции о правах человека об отмене смертной казни: Асунсьон, 6 августа 1990 г. // base.garant.ru/70390742/

¹⁷ Протокол № 13 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод об отмене смертной казни при любых обстоятельствах (ETS № 187): подписан в г. Вильнюсе 3 мая 2002 г. // Европейский суд по правам человека. Первые решения по жалобам из России (сборник документов). М., 2004. С. 32–33.

¹⁸ Устав Международного трибунала для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии от 22 февраля 1993 г. // Действующее международное право. т. 1.

¹⁹ Устав Международного трибунала по Руанде от 8 ноября 1994 г. // base.garant.ru/2540764/

²⁰ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 18 декабря 2007 г. № 62/149 «Мораторий на применение смертной казни» // www.refworld.org/cgi-bin/texis/vtx/rwmain/opendocpdf.pdf?reldoc=y&docid=51e6651e4.

- ²¹ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 18 декабря 2008 г. 63/168 «Мораторий на применение смертной казни» // daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N08/480/89/PDF/N0848089.pdf?OpenElement
- ²² Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 21 декабря 2010 г. 65/206 «Мораторий на применение смертной казни» // daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N10/524/92/PDF/N1052492.pdf?OpenElement
- ²³ amnesty.org.ru/smertnaya-kazn-2013
- ²⁴ Смертная казнь в регионе ОБСЕ: Справочный документ 2013 года.
- ²⁵ Коновалова Т. Ф. Нужна ли России смертная казнь? // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2010. № 2. С. 23.
- ²⁶ lenta.ru/news/2014/05/29/bastrykin/
- ²⁷ www.newsru.com/russia/30may2014/execution.html
- ²⁸ Указ Президента РФ от 16 мая 1996 г. № 724 «О поэтапном сокращении применения смертной казни в связи с вхождением России в совет Европы» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 21. Ст. 2468.
- ²⁹ Распоряжение Президента РФ от 27 февраля 1997 г. № 53-рп «О подписании Протокола № 6 (относительно отмены смертной казни) от 28 апреля 1983 г. к Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г.» // Собрании законодательства РФ. 1997. № 9. Ст. 1092.
- ³⁰ Проект Федерального закона № 99077740–2 «О ратификации Протокола № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод (относительно отмены смертной казни) от 28 апреля 1983 года» // base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=PRJ; n=30174.
- ³¹ Проект Федерального закона № 99077736–2 «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» // base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=PRJ; n=30175.
- ³² Письмо Президента Российской Федерации от 6 августа 1999 г. № Пр-1025 // www.jurbase.ru/texts/sector104/tez04394.htm.
- ³³ Распоряжение Президента РФ от 28 августа 2001 г. № 462-рп «Об изменении распоряжения Президента РФ от 13 ноября 1999 № 435-рп» // Собрание законодательства РФ. 2001. № 36. Ст. 3555.
- ³⁴ Постановление ГД ФС РФ от 15 февраля 2002 г. № 2483-III ГД «Об Обращении Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «К Президенту Российской Федерации В. В. Путину о преждевременности ратификации Протокола № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Относительно отмены смертной казни) от 28 апреля 1983 года» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 8. Ст. 799.
- ³⁵ Работа судов общей юрисдикции в 1999 году // Российская юстиция, 2000, № 7, 8; Работа судов общей юрисдикции в 2000 году // Российская юстиция. 2001. № 11; Постановление судьи Московского городского суда от 11 августа 1999 г. по обвинению Г.А. // base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=ARB; n=79005; Постановление судьи Московского городского суда от 5 августа 1999 г. по обвинению П.А., Л.Р., Г.В., Ш.А., А.А., Б.М., Т.И., С.С., М.А. и др. // base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=ARB; n=79007; Приговор Верховного суда Удмуртской Республики от 2 декабря 1998 года и др.
- ³⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 2 февраля 1999 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 УПК

РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судостроительстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» в связи с запросом Московского городского суда и жалобами ряда граждан» // Собрание законодательства РФ. 1999. № 6. Ст. 867.

³⁷ Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 177-ФЗ «О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (1 ч.).

³⁸ Определение Конституционного Суда РФ от 19 ноября 2009 г. № 1344-О-Р «О разьяснении пункта 5 резолютивной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года № 3-П по делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судостроительстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» // Собрание законодательства РФ. 2009. № 48. Ст. 5867.

³⁹ Постановление Конституционного Суда РФ от 19 апреля 2010 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 части второй статьи 30 и части второй статьи 325 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Р.Р. Зайнаутдинова, Р.В. Кудяева, Ф.Р. Файзулина, А.Д. Хасанова, А.И. Шаваева и запросом Свердловского областного суда» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 18. Ст. 2276.

⁴⁰ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

⁴¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

⁴² Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1997. № 2. Ст. 198.

⁴³ Федеральный закон от 17 декабря 2009 г. № 324-ФЗ «О внесении изменений в статью 59 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2009. № 51. Ст. 6161.

⁴⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 17 октября 2006 г. № 434-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Козлова Юрия Юрьевича на нарушение его конституционных прав применением части первой статьи 23 Уголовного кодекса РСФСР и части первой статьи 59 Уголовного кодекса Российской Федерации» // base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=ARB; n=38649; Определение Конституционного Суда РФ от 15 мая 2007 г. № 380-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб граждан Дерибизова Андрея Владимировича, Исаева Дмитрия Юрьевича и Чайки Александра Николаевича на нарушение их конституционных прав частями первой и третьей статьи 59 Уголовного кодекса Российской Федерации» // base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=ARB; n=40797; Определение Конституционного Суда РФ от 16 октября 2007 г. № 682-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Комиссарова Алексея Валерьевича на нарушение его конституционных

прав статьей 102 Уголовного кодекса РСФСР и частью второй статьи 43 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» // base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=ARB; n=43576; Определение Конституционного Суда РФ от 16 октября 2007 г. № 684-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Москвина Валерия Ивановича на нарушение его конституционных прав статьей 102 Уголовного кодекса РСФСР» // base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=ARB; n=43578; Определение Конституционного Суда РФ от 16 октября 2007 г. № 686-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кураксы Сергея Анатольевича на нарушение его конституционных прав статьей 102 Уголовного кодекса РСФСР» // base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=ARB; n=43580; Определение Конституционного Суда РФ от 16 октября 2007 г. № 689-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Михайлова Юрия Георгиевича на нарушение его конституционных прав статьей 102 Уголовного кодекса РСФСР и частью второй статьи 43 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» // base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=ARB; n=43583; Определение Конституционного Суда РФ от 16 октября 2007 г. № 692-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Романова Дмитрия Григорьевича на нарушение его конституционных прав статьей 191.2 Уголовного кодекса РСФСР и частью второй статьи 43 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» // base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=ARB; n=43585; Определение Конституционного Суда РФ от 16 октября 2007 г. № 712-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Михолажина Игоря Альбертовича на нарушение его конституционных прав статьей 102 Уголовного кодекса РСФСР и частью второй статьи 43 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» // base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=ARB; n=43956; Определение Конституционного Суда РФ от 18 декабря 2007 г. № 935-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Торопова Игоря Борисовича на нарушение его конституционных прав статьей 102 Уголовного кодекса РСФСР и частью второй статьи 43 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» // base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=ARB; n=49522; Определение Конституционного Суда РФ от 18 декабря 2007 г. № 943-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ефимова Андрея Владимировича на нарушение его конституционных прав статьей 102 Уголовного кодекса РСФСР» // base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=ARB; n=49529; Определение Конституционного Суда РФ от 24 января 2008 г. № 54-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Пронина Виктора Геннадьевича на нарушение его конституционных прав статьей 102 Уголовного кодекса РСФСР и частью второй статьи 43 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» // base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=ARB; n=51860.

⁴⁵ Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 29. Ст. 2757.

⁴⁶ Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.

⁴⁷ Быков В. М. Имел ли право Конституционный Суд РФ приостановить действие Конституции Российской Федерации? // Российский судья. 2010. № 3. С. 36.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ВОДНОЕ ПРАВО

Международное водное право как учебная дисциплина

*Вылегжанин А. Н.**

*Тертус Е. Е.***

В статье, на основе анализа исследований международно-правовых норм о международных пресных водоемах, включая вопросы их судоходного и несудоходного использования, рассматривается содержание возможного учебного курса для магистратуры МГИМО – «Международное водное право». Особое внимание уделено состоянию международно-правового режима подземных вод. Использован обширный международно-правовой материал, как исторического, так и современного характера, включая документы по теме, подготовленные Ассоциацией международного права и Комиссией международного права ООН.

Ключевые слова: пресные воды; управление; международные водотоки; международные реки; судоходное использование; несудоходное использование; подземные воды; Комиссия международного права ООН; Ассоциация международного права.

В рамках курса «Международное право» на международно-правовом факультете МГИМО традиционно освещается тема «Правовой режим международных рек» (или «Международное речное право»). Для России, других государств, образовавшихся на пространстве СССР, эта тема актуальна и потому, что ряд рек, ранее национальных, стали трансграничными. Еще важнее то, что, как не раз отмечено в науке,

* Вылегжанин Александр Николаевич – доктор юрид. наук, профессор, зав. кафедрой международного права МГИМО (У) МИД России. danilalvy@mail.ru.

** Тертус Елена Евгеньевна – доктор юрид. наук. sopspravo@mail.ru.

объектами современного международного права являются не только реки, но пресные воды в широком смысле, в том числе и подземные. Соответствующая учебная дисциплина могла бы называться «Международное водное право». Ниже предлагаются предварительные соображения о содержании такой учебной дисциплины, соответствующей учебной программы и, возможно, будущего учебного пособия для уровня магистратуры.

1. Введение. В русской международно-правовой литературе еще в 1894 г. отмечено: «Вода, кровь земли, какъ ее называютъ поэты, является то благодетельной, то враждебной стихіей по отношенію къ человеку... На самомъ деле вода удовлетворяетъ многія насущныя потребности отдельныхъ лицъ и всего общества. Главная роль въ этомъ отношеніи принадлежитъ преснымъ водамъ. Они служатъ для домашнихъ потребностей каждаго хозяйства и для личныхъ нуждъ каждаго индивидуума; для разныхъ надобностей сельской промышленности (преимущественно орошеніе полей); для рыбной ловли; для целей промышленности обрабатывающей (какъ двигательная сила: мельницы, заводы, фабрики); наконецъ, какъ удобные пути сообщенія. Не говорю уже о значеніи воды для климатическихъ, санитарныхъ и иныхъ данныхъ обитаемой людьми местности»¹. Этот же юрист-международник пишет: «Первое же место среди пресныхъ водъ принадлежитъ, въ условіяхъ более или менее значительной культуры человека (а следовательно и населенности страны) – великимъ собраніямъ влаги, рекамъ и озерамъ»².

Внимание правоведов к пресным водам как объекту международного права объяснимо. Берега известных крупных рек стали местом зарождения ранних цивилизаций. В долине, лежащей между реками Тигр и Евфрат – Междуречье – около 3 тысяч лет до н.э. возникли города-государства Шумер (в южной части), Аккад (в северной части), Вавилонское царство (на пересечении речных и караванных путей с юга на север). Использование вод рек – строительство оросительных каналов, дамб – стало основным мотивом к объединению в крупные общины, впоследствии – в государства. Это же, при известных климатических, гидрологических особенностях, характерно для древних цивилизаций, возникших в долине и дельте реки Нил (Древний Египет), рек Ганг и Инд (Древняя Индия), вдоль берегов рек Янцзы и Хуанхэ (Древний Китай). «Строго контролируемые ирригационные работы» в Древнем Египте (использование вод Нила) начались, как отмечено учеными, не позднее 3400 лет до н.э.; водопользование в Древнем Китае – в долине реки Хуанхэ – не позднее

1100 лет до н.э.; строительство трубопроводных систем, комнат для омоений и даже плавательных бассейнов в городе Мохенджо-Даро в Древней Индии – в третьем-втором тысячелетии до н.э.; сооружение дамб, каналов для орошения в первых государствах Междуречья – примерно 3 тысячи лет до н.э.³

Фундаментальные два тома о правовом режиме рек приват-доцента Казанского, цитируемые выше, даже не упомянуты в относительно недавней западной монографии по международному водному праву, хотя и содержательной, с точки зрения анализа применимого современного международного права⁴. Но в этой англоязычной монографии история формирования международно-правового режима пресных вод изложена крайне скудно и с большими пробелами. Между тем, содержание самих терминов «международное речное право» и «международное водяное право» (последнее – как более широкое, охватывающее первое) весьма предметно поясняется в двухтомном труде П. Е. Казанского.

2. Историко-правовой экскурс. Для XIX века такое обстоятельное исследование российским правоведом «международного водяного права» не имело в мире аналогов. В нем детально излагаются нормы римского права о пресных водоемах, «речное право средневековой Европы», «национальное речное право» России и иных государств, сложившееся к концу XIX века. Современную ценность имеет изложение автором вклада в международное речное право *Вестфальского конгресса 1648 г.* (ранее «заслоненного») и, особенно, *Парижского* (1814 г.) и *Венского* (1815 г.) конгрессов. Предметные очерки «развития свободного судоходства» по конкретным рекам (в контексте применимого права) – *«Рейну, Шельде, Маасу, Эльбе, Везеру, Дунаю, Висле, Неману, Днестру, Рио де ла Плато, Амазонке, Св. Лаврентия, Миссисипи, Конго, Нигеру, Камеруну»* – снабжены соответствующим «Указателем трактатов, конвенций, регламентов и других актов» относительно правового режима каждой конкретной реки, а также соответствующим «указателем литературы».

Древнейший опыт водопользования показывает, что изначально неморские водоемы имели для человека *не навигационное*, а иное значение – эти воды использовались, прежде всего, для *питьевых, гигиенических* и, особенно, *ирригационных* целей. В средние века и в новое время, однако, именно *судоходное* использование рек становится значимым и, соответственно, востребованным в качестве объекта международно-правового регулирования. В современном международном праве приоритетной целью регулирования отношений водопользователей

становится достижение *устойчивости* водоснабжения, оптимальности *управления водными ресурсами* в их *целостности*, с учетом многообразия водопользования.

В средние века власть над территорией означала, как общее правило, тотальную власть и над рекой, протекающей по этой территории. Вместе с тем, наличествуют и попытки установления *договорного режима* международного пользования реками. Так, по договору 1177 г. между семью городами Северной Италии устанавливается свободное плавание по реке с обязательством сторон «открыть воду реки По свободно для всех людей и держать ее для всех людей открытой и ни в какое время ее не закрывать». В 1226–1236 г.г. образуется союз 70 городов для обеспечения свободы судоходства по Рейну»⁵.

Договорно-согласованный режим свободного судоходства по международным рекам, будучи редким в средние века, становится широко признаваемым государствами правилом в новое время, в период растущих потребностей капитала в свободной торговле. Анализ Рейсвикского 1697 г., Утрехтского 1713 г., Раштадского 1714 г., иных международных договоров 17–18 веков позволил отечественным юристам-международникам констатировать *прогресс в области «начавшего зарождаться речного права»*⁶. Россия, например, еще до Венского конгресса 1815 г. – этапного события в развитии такого права – уже предусматривала свободу судоходства по международным рекам. Как отмечено, «...Тильзитский мирный договор с Францией от 25 июня (7 июля) 1807 г. в ст. VIII объявляет свободу судоходства по Висле; конвенция 8 (20) ноября 1810 г. между Россией и Швецией устанавливает свободу судоходства по рекам, пересекающим границы этих государств; договор 7 (19) марта 1810 г. с Австрией – свободу судоходства по Днестру. Последний из этих договоров в ст. III говорит о том, что свобода судоходства по Днестру для подданных обеих империй “имеет существовать по-прежнему”. Стало быть, свобода речного судоходства признавалась здесь и раньше 1815 г.»⁷. Правда, положения международных договоров о свободе судоходства иногда означали лишь «установление определенного размера пошлин и принятие обязательства не вводить новых»⁸.

3. Актуальность. В XXI веке *ценность пресной воды неизмеримо выросла*. Ее мировые запасы остаются без существенных изменений, в то время как население нашей планеты неуклонно растет; потребление пресной воды только за последние 100 лет выросло в 6–7 раз. Средняя обеспеченность населения планеты пресной водой за последние 50 лет

сократилась в 2,5 раза и продолжает падать. Сегодня в мировом хозяйстве используется 55% доступного запаса пресных вод, и к 2030 году потребление воды может, по оценкам специалистов, достигнуть предела⁹.

Дефицит пригодной для питья воды, как прогнозируется, будет усугубляться. На протяжении XX–XXI веков, воздействие человека на водный цикл планеты достигло глобального масштаба. Ежегодно в мире загрязняется от 12 до 17 тыс. куб. км поверхностных вод, то есть порядка половины доступной пресной воды. Становится все меньше рек, иных водоемов, вода которых пригодна к употреблению человеком без очистки. Четыре из пяти случаев заболеваний в развивающихся странах возникает из-за употребления некачественной питьевой воды. Востребованность в водных ресурсах обусловлена не только ростом традиционных видов водопользования: в пищевых, бытовых целях, для орошения, для предприятий гидроэнергетики, промышленности, транспорта и т. п. К этим традиционным видам добавляются новые, например, геотермальная энергетика: использования тепла подземных вод для выработки электрической и иной энергии, для отопления; применения на глубинах более трех километров тепла естественных полостей в горных породах – тепла «котлов», посредством нагнетания туда холодной воды и подачи полученного пара на турбины. Кризис водных ресурсов «будет усугубляться, несмотря на то, что по-прежнему ещё оспаривается сам факт его существования», подчеркивается в докладе «*О состоянии водных ресурсов планеты*» ООН. К тому же вода распределена по поверхности Земли неравномерно, что затрудняет доступ к ней на значительной части планеты¹⁰.

Возрастает и потребность в совершенствовании правового регулирования международных отношений, связанных с использованием пресными водами. По данным ООН, за всю историю было заключено более 3600 международных соглашений, имеющих отношение к неморским водам. Большинство из них касались вопросов судоходства по международным водотокам, прежде всего международным рекам, разграничения в них границ, а также рыболовства.

4. Понятие «международные водотоки». В одном из Приложений к Главному акту Венского конгресса 1815 г. содержатся «*Статьи о судоходстве по рекам, кои протекают по разным государствам или служат оным границею*»¹¹. Этот документ Венского конгресса установил общий правовой режим для пограничных рек (когда река служит границей между государствами) и для трансграничных рек («кои

протекают по разным государствам»). Обзор иных международно-правовых актов об использовании пресноводных ресурсов показывает, что объектом их регулирования являются, главным образом, *реки, озера, а также каналы*. Соответственно, наиболее часто встречаются в них термины «*судоходные пути*» и «*реки*». Во второй половине XX века спектр антропогенного воздействия на пресные воды значительно расширяется, в сферу хозяйственной деятельности вовлекаются новые водные ресурсы, ранее активно не использовавшиеся, в т. ч. *подземные*. Международно-правовое регулирование в этой области расширяется.

С учетом этого, Комиссия международного права ООН в ходе работы над темой «*Право несудоходных видов использования международных водотоков*» юридически оценила данные естественных наук о стоках воды *на поверхности земли и под землей, о «гидрологической системе», включающей «реки, озера, водоносные слои, ледники, водохранилища и каналы»,* и на такой основе сформулировала определение понятия «водоток», означающее «*систему поверхностных и подземных вод, составляющих в силу своей физической взаимосвязи единое целое и обычно стекающих в общее русло*» (ст. 2)¹². Это не означало отказ от термина «реки» как международно-правового; они составляют один из *видов водотоков*, в отношении которых международно-правовое регулирование является *наиболее развитым*. В мире насчитывается, по опубликованным оценкам, более 260 водотоков, которые пересекают границы двух или более государств. Бассейны этих водотоков, на территории которых проживает около 40% населения планеты, занимают почти *половину поверхности земли*, содержат около 60% *запасов пресной воды*. В пределах бассейнов международных водотоков частично находятся территории 145 государств.

Понятием «международный водоток» охватываются как пограничные водотоки, так и пересекающие территории двух и более государств. Понятие «международные реки» относится к рекам, протекающим по территории более чем одного государства, и открытым для международного судоходства.

В юридической литературе в отношении водотоков, главным образом рек, протекающих по территории более чем одного государства, используются еще термины «*многонациональные реки*», «*трансграничные реки*». Следует, однако, иметь в виду, что термины «многонациональный», «трансграничный», не имея строго определенного международно-правового содержания, могут относиться, например, к рекам,

хотя и протекающим по территории нескольких государств, но юридически не открытых для международного судоходства.

5. Виды использования международных водотоков. В широком смысле международно-правовое поле управления пресными водами, кроме договоров, касающихся непосредственно водных объектов, охватывает также договоры государств в сфере сохранения природы, в т. ч. захоронения отходов, торгово-экономических отношений и др. Соответственно, к таким применимым актам относят Конвенцию о биоразнообразии 1992 г.; Рамсарскую конвенцию 1971 г. о водно-болотных угодьях, имеющих международное значение; Рамочную конвенцию ООН об изменении климата 1992 г.; Конвенцию о сохранении европейской живой природы и природных сред обитания 1979 г.; Бернскую конвенцию о сохранении дикой природы и естественных мест обитания в Европе 1979 г.; документы МАГАТЭ о захоронении радиоактивных отходов (как, например, Siting of Geological Disposal Facilities IAEA Safety Series No. 111-G-4.1) и т. д.

Но в конкретном, *специальном смысле* имеются в виду нормы международного права, устанавливающие *порядок судоходного и несудоходного использования международных водотоков*. При этом, по оценкам, из имеющихся полутора сотен межгосударственных договоров о трансграничных водных объектах 37% касаются использования воды, 39% – гидроэнергетики, 9% – мер в связи с наводнениями и иными стихийными случаями, 6% – промышленного использования воды, примерно 4% – вопросов судоходства и загрязнения, 1% – рыболовства.

6. Судоходное использование. Отмечено, что проблема правового режима рек до конца XIX века «сводилась почти исключительно к свободе судоходства, ... а в отношении несудоходных рек – к вопросам установления и поддержания государственных границ»¹³. Хотя, как выше было показано, древнейший опыт водопользования свидетельствует, что изначально пресные водотоки использовались, прежде всего, для питьевых, гигиенических и ирригационных целей. Но, повторим, в Средние века и новое время приоритетом правового регулирования стало именно судоходство по рекам¹⁴. Анализ договорной практики XVI–XVIII веков¹⁵ показывает, вместе с тем, что положения международных договоров о свободе судоходства нередко «имеют в виду не развитие судоходства, а его стеснение»¹⁶. Автор пишет: «В особенности плохо было положение дела на реках, общих нескольким государствам. На них именно находили себе место ... разорительные перегрузки

и этапы... В большинстве случаев иностранное судно должно было останавливаться у границы государства и передавать свою кладь туземному. Поэтому на некоторых реках товары должны были перегружаться несколько раз. Принудительные перегрузки встречались порою и внутри отдельных территорий»¹⁷.

Вестфальский конгресс 1648 г., как отмечено, «должень быть привести въ порядокъ европейскія отношенія, пришедшія въ невозможный хаосъ во время кровавыхъ перипетій тридцатилетней войны, между прочимъ европейскую торговлю». По этому вопросу ганзейские города предложили: «Пусть запретятъ всякія притесненія на путяхъ сообщенія, именно на рекахъ, въ ихъ портахъ и устьяхъ, притесненія фискальныя и административныя, которыя выражаются въ установленіи новыхъ налоговъ или налоговъ более высокыхъ, чемъ прежніе, въ требованіяхъ, чтобы суда останавливались и выгружали свой грузъ...». Эти пожелания были учтены в Оснабрюкском и Мюнстерском договорах 1648 г. Ст. LXXXV последнего предусматривала: «Не дозволяется отныне задерживать у того или другаго берега проходящія мимо суда и требовать съ нихъ поборы, кроме техъ, которые платились до войны»¹⁸.

Упомянутый уже Главный акт *Венского конгресса 1815 г.* стал универсальным источником того, что и в настоящее время именуют «международным речным правом»: универсальным как по составу участников, так и по содержанию документа. В Главном акте содержатся предписания о «благоустройстве» рек; положения о пошлинах и о единообразии таких правил судоходства по рекам, которые «благоприятны для торговли всех націй». «Каждая из прибрежных к судоходным рекам Держав принимает на себя содержание в своих владениях дорог для прохода судов посредством бечевой, также и очищение реки, предупреждая чрез то всякіе препятствія для судоходства» (ст. VI). В Главном акте сделан важный шаг к формированию интегрированного правового режима использования рек, но именно в смысле регулирования судоходства. Следует подчеркнуть, что далеко не все договоры о судоходном режиме той или иной трансграничной реки, заключенные до 1815 г. и после него, предусматривают статус этой реки как международной, т.е. открытой для судоходства всех государств. Так, в *Конвенции о судоходстве и экономическом сотрудничестве между государствами бассейна реки Нигер* 1963 г. указано, что использование реки Нигер и ее притоков открыто для каждого прибрежного государства в отношении части реки, находящейся на ее территории (ст. 2).

В совершенствовании правового режима судоходства по международным рекам большую роль сыграл также *Версальский мирный договор 1919 г.* В части XII («Порты, водные пути и железные дороги»), в отделе II («Судоходство») предусмотрены правила о свободе судоходства, в т. ч. специальные положения о реках Эльба, Одер, Неман и Дунай, которые квалифицировались *международными*, а судоходные части этих рек объявлялись *открытыми для судоходства*. На основании Версальского мирного договора были заключены договоры по Дунаю (1921 г.), по Эльбе (1922 г.), Конвенция относительно патентов судоводителей на Рейне (1922 г.).

Важным шагом в развитии международного речного права стала прошедшая в 1921 году под руководством Лиги Наций в Барселоне международная конференция, на которой были приняты *Конвенция о режиме судоходных водных путей международного значения и Статут режима судоходных водных путей международного значения*. Эти документы предусматривали свободу судоходства по международным рекам, и каждая из договаривающихся сторон обязалась предоставить свободу судоходства судам, плавающим под флагом других государств – участников Конвенции¹⁹. Барселонская конвенция и Статут были подписаны представителями более 40 государств Европы, Америки и Азии, однако ратифицированы – их незначительным числом.

Основные подходы к правовому порядку судоходства по рекам, сформулированные Венским конгрессом 1815 г. и Версальским договором 1919 г., а также межгосударственными договорами о конкретных реках оказали влияние на дальнейшее развитие международного права в данной сфере, в т. ч. на формирование правового режима судоходства по Дунаю – крупнейшей европейской международной реки.

7. Правовой режим судоходства по реке Дунай. Еще в соответствии с *русско-австрийской Конвенцией 1840 г.* договаривающиеся державы, в целях развития торговли с использованием Дуная как основного транспортного пути, приняли решение о распространении «на сию реку тех самых правил, которые постановлены Венским конгрессом для свободного судоходства по рекам, отделяющим разные владения или протекающим чрез оные». В Конвенции отражена договоренность о том, что «судоходство по всему течению Дуная... будет совершенно свободно, как вниз, так и вверх по оному; «что австрийские купеческие суда, равно как и суда всякой другой земли, имеющей право судоходства по Черному морю и находящейся в мире с Россией, могут

свободно входить в судоходные устья Дуная, ходить по сей реке вниз и вверх и выходить из оной, не подлежа за сие никаким пошлинам». Предусматривался лишь сбор за поддержание судоходного состояния устья Сулина и для постройки лучшего маяка. При этом оговаривалось, что взимание сбора за очищение устья начинается с того времени, когда «приступлено будет к такому очищению», а «взимание маячной пошлины начнется с освещения маяка»²⁰.

Для подтверждения и развития статуса Дуная как международной реки (т.е. открытой для судоходства гражданских судов всех государств, а не только прибрежных), большое значение, как подчеркивал проф. Ф.И. Кожевников, имел Парижский конгресс 1856 г. Мирный трактат 1856 г. устанавливает, что правила, определенные актом Венского Конгресса, «для судоходства по рекам, разделяющим разные владения или протекающим через оные, будут впредь приемлемы вполне к Дунаю и устьям его». Объясняется, что «сие постановление отныне признается принадлежащим к общему народному европейскому праву и утверждается взаимным ручательством держав...» (ст. 15). Трактат также предусматривает создание для реализации этих постановлений комиссии, в состав которой входили по одному представителю от России, Австрии, Франции, Великобритании, Пруссии, Сардинии и Турции (ст. 16). Прелиминарный русско-турецкий мирный договор, заключенный в Сан-Стефано 19 февраля 1878 г., и акт Берлинского конгресса 1 (13) июля 1878 г. подтверждают принцип свободы судоходства по Дунаю²¹.

Современный правовой режим Дуная основан на *Конвенции о режиме судоходства на Дунае* 1948 г. Конвенция была заключена СССР, Болгарией, Венгрией, Румынией, Украиной, Чехословакией и Югославией. В дальнейшем состав участников расширился и изменился, в связи с чем были заключены дополнительные протоколы 1998 г. Участниками Конвенции в настоящее время являются: Австрия, Болгария, Венгрия, ФРГ, Молдова, Россия, Румыния, Словакия, Украина, Хорватия, Сербия и Черногория. Ключевое положение – о статусе Дуная как международной реки. Статья 2 Конвенции, устанавливает, что «*навигация на Дунае должна быть свободной и открытой для граждан, торговых судов и товаров всех государств на основе равенства в отношении портовых и навигационных сборов и условий торгового судоходства*». Придунайские государства взяли на себя обязательство содержать свои участки Дуная в судоходном состоянии для речных и морских судов, производить необходимые работы для обеспечения

и улучшения условий судоходства, не ставить препятствий или помех для судоходства на фарватерах Дуная. Суда, плавающие по Дунаю, имеют право (с соблюдением правил, установленных соответствующими придунайскими государствами) заходить в порты, производить в них погрузочные и разгрузочные операции, посадку и высадку пассажиров, а также пополнять запасы топлива, продовольственное снабжение и т.д. Плавание по Дунаю *военных кораблей не придунайских государств воспрещается*. Плавание по Дунаю военных кораблей придунайских стран за пределами водной территории страны, флаг которой несет корабль, может осуществляться *только по договоренности между заинтересованными придунайскими государствами*.

Для развития сотрудничества в реализации Конвенции создана *Дунайская комиссия*. В ее компетенцию входит, частности: – составление общего плана основных работ в интересах судоходства на базе предложений придунайских государств; – производство таких работ в случаях, когда придунайское государство не может это сделать; – установление единой системы навигационной путевой обстановки на судоходном течении Дуная, а также, с учетом специфических условий отдельных участков, основных положений о плавании по Дунаю, включая основные положения лоцманской службы; – унификация правил речного надзора; – координация гидрометеорологической службы на Дунае, издание единого гидрологического бюллетеня и гидрологических прогнозов; – статистика судоходства на Дунае; – издание справочников, лоций, навигационных карт и атласов для нужд судоходств. Члены Комиссии и уполномоченные ею должностные лица *пользуются дипломатическим иммунитетом*. Служебные помещения, архивы и всякого рода документы Комиссии *неприкосновенны*.

8. Несудоходное использование международных водотоков. Это – их использование, прежде всего, как источников *питьевого водоснабжения, ирригации, гидроэнергетики*, а также в *бытовых и рекреационных* целях. Одним из цитируемых договоров в этой сфере является *Женевская конвенция об устройстве гидротехнических сооружений, затрагивающих интересы нескольких государств* 1923 г. В ней была сделана попытка достичь компромисса между принципом суверенитета государства над водными ресурсами в пределах его территории и оптимальным использованием водотока в целях получения электроэнергии.

В 1969 г. Аргентина, Боливия, Бразилия, Парагвай и Уругвай подписали *Договор о бассейне реки Ла-Плата* в целях объединения усилий

для гармоничного развития и экономической интеграции государств бассейна этой реки. В дальнейшем в 1971 г. эти страны приняли *Асунсьонскую декларацию*, в которой, в частности, содержались следующие положения: – в отношении пограничных рек до начала их использования должно быть заключено двустороннее соглашение между соседними государствами; – в отношении рек, протекающих по территории нескольких государств, каждое государство может использовать воды этих рек в соответствии со своими потребностями при условии, что это не наносит значительного ущерба какому-либо другому прибрежному государству; – государства прилагают усилия для сохранения наилучших условий на части реки под их суверенитетом; любые постоянные сооружения не должны препятствовать другим видам использования речной системы; выполнение на реках бассейна постоянных работ в любых целях не должно препятствовать судоходству; – при выполнении постоянных работ на судоходных водных путях государства обеспечивают охрану живых ресурсов.

Что касается международных договоров о конкретных видах несудоходного использования водотоков, то их можно подразделить на несколько категорий, в зависимости от решаемых вопросов. Это, прежде всего, договоры об использовании пресных водоемов как *энергоресурса*: *Соглашение между Францией и Швейцарией о гидроэнергетическом комплексе в Эмоссонской долине 1963 г.*; *Договор между ФРГ и Люксембургом о строительстве электростанции на реке Оур*. Это, далее, договоры, регулирующие рыболовство в пресных водотоках, например, *Соглашение о рыболовстве в водах Дуная 1958 г.* – между Болгарией, Румынией, СССР и Югославией. Известны договоры об *ирригационном использовании пресных вод*: *Соглашение между Болгарией и Грецией о сотрудничестве в использовании рек, протекающих по территориям двух стран 1964 г.* Наконец, это договоры в целях охраны водной среды, предотвращения загрязнения водотоков: *Протокол между Люксембургом и ФРГ о создании Международной комиссии по охране реки Рейн от загрязнения 1963 г.* и т. д.

Отдельно надо отметить вклад *Комиссии международного права ООН* (далее – КМП) в формирование международно-правовых основ несудоходного использования трансграничных водотоков. Комиссия специально исследовала вопрос «*Право несудоходных видов использования международных водотоков*»²². В ходе рассмотрения этой темы Комиссия юридически оценила огромный массив естественнонаучных

данных о поверхностных и подземных водах; обобщила и систематизировала применимые международно-правовые источники, в том числе договоры двусторонние и региональные; определила наиболее перспективные международно-правовые подходы к управлению водными ресурсами. В число *«общих принципов»* несудоходного использования международных водотоков КМП обозначила: «справедливое и разумное» их использование; «обязательство не наносить значительный ущерб»; «обязательство сотрудничать»; обязательство обмениваться «легкодоступными данными и информацией «гидрологического, метеорологического, гидрогеологического и экологического характера». Обозначенная КМП концепция справедливого и разумного использования международных водотоков является емкой. Разнообразие международных водотоков, как и потребностей человека в их использовании, делают невозможным составление исчерпывающего перечня факторов, обуславливающих такую справедливость и разумность. С учетом этого Комиссия сформулировала признанные факторы, такие, как: – географические, гидрографические, гидрологические, климатические, экологические и другие факторы и природного характера; – социально-экономические потребности государств водотока; – зависимость населения от водотока в конкретном прибрежном государстве; – воздействие видов использования водотока в одном государстве на другие государства; – существующие и потенциальные виды использования; – сохранение, защита, освоение и экономичность использования водных ресурсов водотока и затраты на принятие мер в этих целях; – наличие альтернатив планируемому и существующему виду использования, имеющих сопоставимую ценность. В теоретическом плане интересно, что КМП отвергла идею установления юридической иерархии видов использования международного водотока. Это означает, что никакой вид использования международного водотока *a priori*, вне конкретного контекста, не обладает приоритетом перед другими видами использования (ст. 10). В случае же возникновения противоречий между видами использования противоречие должно разрешаться *с учетом принципов справедливого и разумного использования и обязанности не наносить ущерб*, а также с особым вниманием *«к требованиям удовлетворения насущных человеческих нужд»*. Согласно комментариям Комиссии, это означает, что особое внимание должно уделяться обеспечению достаточного для поддержания жизни человека количества воды, включая как питьевую воду, так и воду для производства продовольствия.

КМП сформулировала общие установления о защите и сохранении экосистемы водотоков, а также управлении ими с особым акцентом на меры предотвращения их загрязнения. Согласно ст. 20, государства водотока – индивидуально или совместно – обеспечивают защиту и сохранение *экосистемы международных водотоков*. По просьбе любого прибрежного государства проводятся «консультации в целях составления перечней веществ, привнесение которых в воды международного водотока должно быть запрещено, ограничено, расследовано и проконтролировано (ст. 21). Государства водотока принимают все меры в отношении водотока, необходимые для защиты и сохранения среды «с учетом общепризнанных международных норм и стандартов» (ст. 23). Понятие «общепризнанные международные нормы и стандарты» имеет конкретное юридическое содержание и, по мнению КМП, означает: нормы «общего международного права»; нормы, «закрепленные в международных соглашениях», а также стандарты, «принятые государствами и международными организациями в соответствии с этими соглашениями». В ст. 24 предусмотрено, что по просьбе любого государства водотока могут начаться консультации относительно *управления международным водотоком*, которое может включать *учреждение совместного механизма управления*. В данном контексте «управление» подразумевает, прежде всего, планирование устойчивого освоения международного водотока и обеспечение осуществления принятых таких планов, а также поощрение иным образом рационального и оптимального использования водотока, его защиты и контроля над ним. КМП предложила также правовые рамки для случаев чрезвычайных ситуаций и вооруженных конфликтов.

Статьи, подготовленные КМП, стали основой для *Конвенции о праве несудоходных видов использования международных водотоков* 1997 г. (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 21 мая 1997 г., в резолюции 51/229)²³.

9. Бассейновое управление международными водотоками. С резким ростом во второй половине XX в. антропогенного воздействия на природу в целом и на гидросферу в частности, заключение международного договора в отношении какого-либо одного вида использования водотока не обеспечивало бы его сохранение как экосистемы; не гарантировало бы его долговременного и разумного использования разными пользователями в различных прибрежных государствах. Эффективно возникла необходимость в разработке международно-правовых

основ *гармоничного управления международными водотоками в их целостности*.

Об управлении в контексте международного права предметно писал корифей отечественной науки международного права проф. Мартенс Ф. Ф. «Предметом международного управления», отмечал он, «является совокупность всех государственных задач и правовых отношений, выходящих за пределы территории государства»²⁴. Следствие этого – необходимы соглашения между государствами, обязанность уважать каждым из них самостоятельность другого. По мнению автора, «международное управление по своему существу имеет договорный характер»²⁵. Концепции Ф. Ф. Мартенса о международном управлении отражает идею *целесообразности и динамичности*, что имеет непосредственное отношение и к управлению государствами водными объектами. «Верховный принцип международного управления – целесообразность», подчеркивает Ф. Ф. Мартенс. «Как договоры, так и все меры, принимаемые государствами для разрешения своих международных административных задач, должны быть согласны с теми целями, к которым стремятся народы в данную эпоху своего существования. Цели же эти постоянно изменяются. Отсюда следует, что и содержание... самого права международного управления подлежит постоянному изменению и развитию...»²⁶.

Эти теоретические идеи о сути управления международными отношениями на основе международного права более полувека спустя были практически востребованы при разработке международно-правовых основ управления международными водотоками.

Первый шаг в этом направлении был сделан *Ассоциацией международного права*, которая после многолетней работы приняла известные «Хельсинкские правила использования вод международных рек» (изложены в Отчете о ее 52-й Конференции, состоявшейся в 1966 г. в Хельсинки)²⁷. В Хельсинкских правилах отражен новый подход к использованию пресноводных ресурсов – *справедливое использование вод международного водотока на бассейновой основе*. «Каждое государство бассейна (each basin state) имеет право, в пределах своей территории, на разумную (reasonable) и справедливую (equitable) долю выгодного использования вод бассейна международного водотока» (ст. IV Правил). Ассоциация международного права, осознавая перспективность данной проблематики, продолжала работать над этой темой и после принятия Хельсинкских правил. Подходы, нашедшие

отражение в документе 1966 г., получили затем развитие. Соответственно, в 2004 г. Ассоциация приняла новые *Берлинские правила*. В настоящее время *бассейновый принцип* активно применяется, он предусмотрен в ряде международных договоров, актов недоговорного характера, среди которых: *Программа разработки региональной стратегии системы водоносного горизонта Нубийских песчаников* (2000 года); *Рамочная конвенция по защите и устойчивому развитию Карпат* (2003 года); *Африканская конвенция об охране природы и природных ресурсов* (2003 года); *Конвенция по сотрудничеству в области охраны и устойчивого использования Дуная* (1994 года); *Трехстороннее временное соглашение между Республикой Мозамбик, Южно-Африканской Республикой и Королевством Свазиленд о сотрудничестве в области защиты и устойчивого использования водных ресурсов водотоков Инкомати и Мануту* (2002 года); *Рамочное соглашение по бассейну реки Сава* (2002 года); *Конвенция об устойчивом развитии бассейна озера Танганьика* (2003 года); *Протокол об устойчивом развитии бассейна озера Виктория* (2003 года); *Протокол о внесении изменений в Соглашение между Соединенными Штатами Америки и Канадой 1978 года относительно качества водных ресурсов Великих Озер с поправками, внесенными в 1983 году; Соглашение о сотрудничестве в целях охраны и устойчивого использования вод испано-португальских гидрографических бассейнов* (1998 года).

10. Управление бассейном Дуная. Среди международных договоров, касающихся управления международными водотоками на основе бассейнового принципа, особое место занимает указанная выше *Софийская конвенция о сотрудничестве в защите и устойчивом использовании реки Дунай* (The Convention on Cooperation for the Protection and Sustainable Use of the River Danube) 1994 г., подписанная Австрией, Болгарией, Хорватией, Чешской Республикой, Германией, Венгрией, Молдавией, Румынией, Словакией, Словенией, Украиной, а также Европейским сообществом. Краткое ее название – *Конвенция о сохранении реки Дунай*. Этот договор знаменателен не только потому, что устанавливает правовой режим сохранения и управления водами крупнейшей международной реки, но и потому что представляет собой содержательно широкий правовой механизм бассейнового управления трансграничным водотоком²⁸. Дунайский бассейн охватывает площадь более 800 000 кв. км, эта территория имеет огромное экологическое, экономическое, историко-культурное и социальное значение.

Антропогенное воздействие на бассейн Дуная все более возрастает; источники загрязнения – сельское хозяйство, промышленные города. Серьезную нагрузку на экосистему Дуная оказывают ирригация, гидроэлектростанции, в меньшей степени – рыболовство, туризм, рекреация. Кроме того, и сама река Дунай представляет собой и значительный источник загрязнения *Черного моря*.

Основная цель Конвенции – обеспечить *устойчивое и справедливое использование поверхностных и подземных вод дунайского бассейна и управление ими*. Это подразумевает: – сохранение, улучшение качества и рациональное использование поверхностных и подземных вод; – принятие предупредительных мер в целях контроля рисков, порождаемых наводнением, оледенением, загрязнением опасными веществами или другими явлениями и инцидентами; – принятие мер, направленных на сокращение загрязнения Черного моря из источников, находящихся в дунайском бассейне. Водосборный бассейн Дуная определен как гидрологический бассейн. Сотрудничество в управлении водами бассейна Дуная должно быть направлено на: – защиту экосистемы; – поддержание высокого качества жизни; – постоянного доступа к природным ресурсам; – сокращения длительного ущерба окружающей среде; – предупреждения существенного ущерба.

Конвенция устанавливает правовые рамки видов деятельности, оказывающей трансграничное воздействие на состояние бассейна. К ним отнесены: – сброс сточных вод, поступление опасных веществ из точечных и рассеянных источников загрязнения, воды из систем теплоснабжения; строительные работы, в том числе по регулированию речного стока. Предусмотрены положения о водоотводе, контроле наводнений и оледенений, а также о функционировании сооружений, находящихся непосредственно в речном русле или на берегу, но оказывающих влияние на гидрологический режим бассейна. Регламентируется иная деятельность в сфере водопользования: выработка электроэнергии, «переброс» воды или водозабор. Предусмотрены меры по предотвращению нарушения гидрологического режима, эрозии, подтопления, обмеления, а также меры, направленные на защиту экосистем.

Сотрудничество на основе этой Конвенции охватывает: предупреждение, контроль и сокращение трансграничного воздействия; специальные меры защиты водных ресурсов; ограничение сбросов; инвентаризация источников загрязнения; программы мониторинга; предоставление докладов по предусмотренным конвенцией направлениям;

консультации; обмен информацией и предоставление информации общественности; научные исследования; разработку систем предупреждения и оповещения, планов на случай чрезвычайной ситуации, взаимопомощь. В целях реализации конвенции создана *Международная комиссия по защите Дуная*, состоящая из делегаций стран-участниц Конвенции.

II. Хельсинкская конвенция 1992 г. и опыт ЕС. На основе бассейнового подхода выстроена также *Хельсинкская конвенция о защите и использовании трансграничных водотоков и международных озер (Convention on the Protection and Use of Transboundary Watercourses and International Lakes)*, 1992 г. Конвенция направлена на развитие европейского сотрудничества в управлении трансграничными водными объектами. Сотрудничество развивается на следующих конвенционных нормах: меры по предотвращению, контролю и сокращению загрязнения действуют в источнике загрязнения; такие меры не должны приводить к переносу загрязнения на другие природные среды; стороны руководствуются принципами предосторожности, «загрязняющий платит» и устойчивого развития. Предусматриваются такие конкретные меры, как предотвращение загрязнения трансграничных вод из точечных источников путем лицензирования сброса отработанной воды, его мониторинга и контроля; лимиты на сброс устанавливаются на основе наилучшей имеющейся технологии; устанавливаются более жесткие требования, вплоть до запрещения определенной деятельности, если это необходимо для сохранения качества воды или экосистемы; развиваются подходящие методы и наилучшая экологически взвешенная практика для сокращения загрязнения воды из рассеянных источников, в особенности связанных с сельским хозяйством; применяется процедура оценки воздействия на окружающую среду; принимаются дополнительные меры для предотвращения загрязнения подземных вод; разрабатываются планы на случай чрезвычайной ситуации. При этом государства бассейна развивают сотрудничество на двусторонней и многосторонней основе. Первый шаг в таком сотрудничестве – определение границ бассейна как *пространственной сферы взаимодействия*. На основе таких соглашений могут создаваться *совместные органы* для сбора данных об источниках загрязнения, для разработки программ совместного мониторинга, согласованных критериев качества воды, для участия в проведении оценки воздействия на окружающую среду, для сотрудничества в сфере наилучших имеющихся технологий.

Международно-правовой вклад в практику реализации механизмов бассейнового управления внесли и документы *Европейского Союза* (далее – ЕС). Важнейшая из них – директива 2000/60/ЕС Европейского Парламента и Совета от 23 октября 2000 г., в которой сформулированы основы политики в отношении водных ресурсов²⁹. Концепция данного документа выражена в следующем положении: *вода не является коммерческим продуктом*, но к воде *следует относиться более как к наследию*, которое нужно сохранять и защищать (“Water is not a commercial product like any other but, rather, a heritage which must be protected, defended and treated as such”). *Речной бассейн* при этом понимается как неоднородное пространство: *суша берегов*, все поверхностные воды которой (через реки и озера) попадают в одно устье, эстуарий или дельту. На основе границ бассейна определяется *район речного бассейна* (“river basin district”), который и составляет *гидролого-административный объект* управления. Содержание понятия «район речного бассейна» – шире, чем понятие «речной бассейн». Район речного бассейна означает пространство суши и воды, охватывающее один или несколько *соседних речных бассейнов*, включая *подземные и прибрежные воды*. Если границы подземных или прибрежных вод сложно определить, эти воды, в целях управления, включаются в ближайший район речного бассейна. *Каждое государство* определяет границы таких районов *на своей территории* и создает *администрации районов речных бассейнов*. Государства могут также создавать *международные районы речных бассейнов* и координировать свои действия и программы в целях охраны окружающей среды. На такой правовой основе рекомендуется сотрудничать и с государствами – не являющимися членами ЕС. В директиве ЕС предусмотрены четкие параметры *управления районом речного бассейна*. В отношении каждого такого района государство: проводит анализ его характеристик, антропогенного воздействия, состояния поверхностных и подземных вод, а также экономический анализ водопользования сообразно разработанной технической спецификации; составляет регистр или регистры участков, требующих специальной защиты в соответствии с правом ЕС (такие регистры включают все категории водных объектов, на которые распространяется директива, и должны постоянно обновляться); – разрабатывает ценовую политику, которая должна способствовать наиболее эффективному использованию воды, достижению природоохранных целей, дифференцированному использованию воды, с учетом

принципа «загрязняющий платит»; – разрабатывает программу мер для каждого района в целях его сохранения, защиты и разумного использования; – принимает меры к вовлечению в осуществление директивы всех заинтересованных сторон, особенно в разработку, оценку и обновление планов по управлению районом. Проекты таких планов должны публиковаться и быть открыты для замечаний и комментариев всех водопользователей.

12. Управление подземными водами. Бассейновое управление охватывает также вопросы использования и охраны подземных вод. Вместе с тем, их *гидрогеологическая специфика* и возросшее *антропогенное воздействие* на подземные горизонты сделали актуальным разработку *специальных международно-правовых норм об управлении подземными водами*. В 2004 г. Комиссия международного права ООН (КМП) завершила работу над темой по праву трансграничных водоносных горизонтов и представила соответствующий проект статей (“Draft Articles on the Law of Transboundary Aquifers”) Генеральной Ассамблее ООН³⁰. Следует отметить, что эта тема была выделена КМП для специального рассмотрения в общей проблематике трансграничных ресурсов.

Статьи охватывают юридические аспекты использования подземных вод; иных видов деятельности, которые могут оказать воздействие на подземные воды; меры по защите, сохранению и управлению подземными водами. Под «водоносным горизонтом» понимается слой проницаемой водонасыщенной геологической породы, находящийся над менее проницаемым слоем, и воду, содержащуюся в насыщенной зоне породы. Основной принцип, предусмотренный в документе КМП – это справедливое и разумное использование подземных вод. «Использование» в данном случае включает *извлечение воды, тепла и полезных ископаемых*, а также *хранение и утилизацию* любых веществ. Обязанность использовать «справедливо и разумно» означает, в частности, обязанность стремиться к тому, чтобы *использовать подземные воды максимально долго; принимать индивидуально или совместно всеобъемлющие планы использования с учетом потребностей нынешнего и будущих поколений; не изымать подземные воды до степени их истощения*.

В представленных статьях большое внимание уделено вопросам защиты, *сохранения и управления подземными водами* (Часть третья документа КМП). Следует отметить особенность и новизну, содержащихся в этой части положений. При их разработке КМП стремилась

максимально учесть *гидрогеологические особенности подземных вод*, их огромную роль в поддержании гидрологического баланса, а также сложности определении границ водоносных горизонтов, их *мониторинга и сохранения*. Комиссия, формулируя положения об *управлении подземными водами*, сделала акцент на применении *экосистемного подхода и многоаспектного тесного сотрудничества* государств, причем не только тех, на чьих территориях находится водоносный горизонт, но и соседних. Следует иметь в виду, что понятие «экосистема» в данном правовом контексте обозначено с особенностями: экосистема в целом, как зависящая от водоносных горизонтов; и локальная экосистема, которая существует внутри каждого водоносного горизонта, например в карстовом водоносном горизонте (ее собственное «выживание» в этом случае зависит от функционирования связанных водоносных горизонтов). В контексте этой схемы объектов права экосистема также наличествует вне водоносных горизонтов; но ее поддержание может зависеть от водоносных горизонтов, особенно в плане поступления определенного объема, качества подземных вод. Так, например, от водоносных горизонтов зависит экосистема некоторых озер.

Согласно проекту статей КМП: – государства водоносного горизонта принимают меры для защиты и сохранения экосистем, которые находятся в пределах их трансграничных водоносных горизонтов, зависят от них; все государства, которые не являются государствами водоносного горизонта, но на территории которых расположена его зона «подпитки» или «разгрузки», *должны сотрудничать* с государствами водоносного горизонта в целях его *защиты*, а также защиты *соответствующих экосистем*; государства водоносного горизонта осуществляют его *мониторинг* по возможности *совместно*. В тех случаях, когда это невозможно, они обмениваются друг с другом данными мониторинга; при этом используются *согласованные или гармонизированные стандарты и методологии* мониторинга. В этих целях государства определяют ключевые параметры, мониторинг которых будет осуществляться на основе согласованной концептуальной модели водоносных горизонтов; государства разрабатывают и осуществляют *планы управления трансграничными водоносными горизонтами*. По просьбе любого из них они проводят консультации относительно управления трансграничным водоносным горизонтом или их системой. Когда это уместно, создается *совместный механизм управления*; государство проводит оценку возможных трансграничных последствий конкретной

планируемой деятельности, своевременно – до начала такой деятельности – уведомляет об этом другие государства и, если нужно, проводит консультации.

В статьях рассматриваются обязательства государства по реагированию на чрезвычайные ситуации, связанные с трансграничными водоносными горизонтами. В системе водоносных горизонтов чрезвычайные ситуации могут быть менее частыми, но более разрушительными (например, катастрофическое цунами у побережья Индийского океана, ставшего результатом мощного землетрясения в районе Банда-Аче, Индонезия, в 2004 году). Цунами, циклоны могут привести к затоплению *водоносного горизонта морской водой*, а землетрясение – к его *разрушению*.

КМП, учитывая возросшие возможности антропогенного воздействия на геосферу и гидросферу, придала большое значение *защите водоносных горизонтов в период вооруженных конфликтов*. Положения этой статьи сформулированы на основе существующих договоров в сфере использования пресных вод, а также международного гуманитарного права. В соответствии с проектом КМП, трансграничные водоносные горизонты и относящиеся к ним сооружения, установки и другие объекты пользуются защитой, предоставляемой согласно принципам и нормам международного права, применимым в случае международных и немеждународных вооруженных конфликтов, и не используются в нарушение этих принципов и норм.

Как отмечается в комментариях КМП, отравление водных источников запрещается Гаагскими конвенциями 1907 года о законах и обычаях сухопутной войны и статьей 54 Дополнительного протокола I 1977 года к Женевским конвенциям 1949 года; статья 56 этого Протокола предусматривает защиту плотин, дамб и других объектов от нападения, которое «может вызвать высвобождение опасных сил и последующие тяжелые потери среди гражданского населения». Аналогичная защита обеспечивается в случае немеждународных вооруженных конфликтов в соответствии со статьями 14 и 15 Дополнительного протокола II к Женевским конвенциям 1949 года. Защита водных объектов в период вооруженного конфликта предусматривается также положением Протокола I, согласно которому «при ведении военных действий проявляется забота о защите природной среды от обширного долговременного и серьезного ущерба». В случаях, не охватываемых конкретными нормами, определенная основополагающая защита обеспечивается

«клаузулой Мартенса». Эта клаузула, напомним, впервые была включена в преамбулу Гаагских конвенций 1899 и 1907 годов, а впоследствии вошла в ряд конвенций и иных международно-правовых актов. В настоящее время она стала нормой общего международного права. По смыслу клаузулы Мартенса, в случаях, не охватываемых конкретными международными соглашениями, на гражданское население и военнослужащих тем не менее распространяются защита и действие принципов международного права, вытекающих из установившегося обычая, принципов гуманности и норм общественной морали.

13. Берлинские правила. Международно-правовое регулирование сохранения и использования пресноводных ресурсов находится в развитии, охватывая все новые направления использования этих ресурсов, а также отражая растущее понимание их биосферного значения. Большую роль в критическом осмыслении накопленного опыта и формировании наиболее перспективных международно-правовых подходов в этой сфере играют доктрины международного права. В 2004 г. Ассоциация международного права, объединяющая многих ученых и практиков, предложила новый свод правил управления водными ресурсами – так называемые *Берлинские правила*. Они, по преобладающим научным оценкам, идут значительно дальше по своей проработанности упомянутых выше *Хельсинкских правил 1966 г.* В новом документе принято во внимание развитие после 1966 г. в этой области международного права, как договорного, так и обычного, а также новеллы в экологическом, гуманитарном праве и в защите прав и основных свобод человека.

Берлинские правила, охватывая навигационное и ненавигационное использование водных ресурсов, формируя принципы их сохранения, сосредоточены на управлении ими на основе бассейнового принципа. Правила относятся ко всяким водным ресурсам: находящимся на территории одного государства; имеющим трансграничный характер. Управление ими должно носить всеобъемлющий (conjunctive) характер³¹, что означает – в отличие от интегрированного – управление водами бассейна как целостной системой, охватывающей поверхностные и подземные воды. Само понятие «управление» означает, в контексте Правил, развитие, использование, защиту, распределение, регулирование, и контроль количества и качества воды и не только в узком, техническом смысле (“development, use, protection, allocation, regulation, and control of waters, regarding the quality and the quantity of waters, and not in a narrow, technical sense”).

Восприняв все ценное в содержании Хельсинкских правил, Берлинские правила предусматривают ряд принципиально новых в данной области положений, отражающих применимое обычное право, прогрессивное развитие международного регулирования в данной сфере, с учетом новых проблем, связанных с использованием пресной воды в глобальном масштабе. В числе таких положений следует отметить: право населения на свободный доступ к воде; право на получение информации и участие в принятии решений, касающихся управления речным бассейном; процедура оценки воздействия на окружающую среду, в том числе в трансграничном контексте; обязательство государств обеспечить образование на всех уровнях, с тем, чтобы повысить понимание важности вопросов, решаемых в Правилах; принятие мер для поддержки коренных малочисленных народов; сохранение экосистем, зависящих от определенных источников воды; принцип предосторожности, который должен применяться при разработке планов и использовании поверхностных и подземных вод; предотвращение привнесения видов, чужеродных данной экосистеме; сотрудничество в чрезвычайных ситуациях (случаях загрязнения, наводнений и др.). Специальные разделы посвящены управлению подземными водами, в том числе трансграничными; судоходству, а также сохранению водных ресурсов в период вооруженных конфликтов.

International Water Law as a Branch of Legal Science (Summary)

*Alexander N. Vylegzhanin**

*Helen E. Tertus***

The article is devoted to the international legal basis of fresh water resources management with primary attention to international watercourses, including legal regulations of navigational and non-navigational uses. The content of a special course – “International Water Law” is suggested. Special attention is paid to the legal regime of underground waters. The results of analysis of numerous international legal documents are represented in the article, both of historical and modern importance, including relevant documents prepared by the Association of International Law and by the International Law Commission of the United Nations.

Keywords: fresh water; management; international watercourses; International Water Law; International Rivers; navigational uses; non-navigational uses; underground waters; UN International Law Commission; Association of International Law.

¹ Казанский П. Е. Договорные реки. Очерки истории и теории международного речного права. Том I. Казань. 1894 г. С. 1. Текст здесь цитируется в оригинальном написании.

² Там же. С. 2.

³ Oxford Encyclopedia of World History / Compiled by Market House Books Ltd. – Oxford: Oxford University Press, 1998. – P. 211–213. Teclaff L. The river Basin in History and Law / L. Teclaff. – 1967. – P. 15–18. См. также: Управление водными ресурсами России: международно-правовые и законодательные механизмы. Под ред. А. Н. Вылегжанина. М.: «МГИМО-Университет», 2008. 200 с.

⁴ International Water Law / International and National Law and Policy Series. Editor P. Wouters. Klumer Law International. London-The Hague-Boston. 1997. P. 371.

⁵ Коровин Е. А. История международного права. Вып. I (от древности до конца XVIII века). Пособие к лекциям / Е. А. Коровин. – М.: Военно-юридическая академия Красной Армии, 1946. – С. 22.

⁶ Баскин Б. Я., Фельдман Д. И. История международного права / Б. Я. Баскин, Д. И. Фельдман. – М.: Международные отношения, 1990. – С. 98.

* Alexander N. Vylegzhanin – Doctor of Laws, professor, Head of the Chair of International law MGIMO-University MFA Russia. danilavly@mail.ru.

** Helen E. Tertus – Doctor of Laws. sopspravo@mail.ru.

- ⁷ Кожевников Ф. И. Русское государство и международное право до XX века / Ф. И. Кожевников. – М.: Юриздат Минюста СССР, 1947. – С. 150–151.
- ⁸ Баскин Ю. Я. Международно-правовые вопросы использования рек (судоходство, производство электроэнергии, ирригация) / Ю. Я. Баскин // Советский ежегодник международного права 1961. – 1962. – С. 252.
- ⁹ Исползованы фактические данные из книги В. Каширина «Время гидрополитики, или Тайная власть воды» http://gpf-europe.ru/upload/iblock/a7c/the_time_of_hydropolitics.pdf
- ¹⁰ См. подробнее: Управление водными ресурсами России: международно-правовые и законодательные механизмы. Под ред. А. Н. Вылегжанина. М.: «МГИМО-Университет», 2008. – С. 5–21.
- ¹¹ Главный акт Венского конгресса, подписанный 9 июля 1815 г. Россией, Испанией, Францией, Великобританией, Португалией, Пруссией, Швецией и Австрией. Русский текст см.: Мартенс Ф. Сборник трактатов конвенций. В 4 т. Т. 3 – СПб., 1876. – С. 504–507. Английский текст см.: Final Act of the Congress of Vienna June 9, 1815 // Martens Nouveau Recueil. – Ser. 3. – P. 414.
- ¹² Отметим, что в русском тексте доклада Комиссии по данному вопросу термин «ground waters» переведен как «грунтовые воды». Такой перевод некорректен с точки зрения гидрологии и искажает юридический смысл понятия водотока. Грунтовые воды – это один из компонентов подземных вод.
- ¹³ Баскин Ю. Я., Фельдман Д. И. История международного права – М.: Международные отношения, 1990. – С. 254.
- ¹⁴ См. подробнее: Управление водными ресурсами России: международно-правовые и законодательные механизмы. Под ред. А. Н. Вылегжанина. М.: «МГИМО-Университет», 2008.
- ¹⁵ См.: Баскин Б. Я. Цит. Соч. – С. 98. Кожевников Ф. И. Русское государство и международное право до XX века. – М.: Юриздат Минюста СССР, 1947. – С. 150–151.
- ¹⁶ Казанский П. Е. Цит. соч. С. 112.
- ¹⁷ Там же. С. 113.
- ¹⁸ Казанский П. Е. Цит. соч. С. 117–118.
- ¹⁹ См. В. Каширина «Время гидрополитики, или Тайная власть воды» http://gpf-europe.ru/upload/iblock/a7c/the_time_of_hydropolitics.pdf
- ²⁰ Кожевников Ф. И. Цит. Соч. – С. 152–153.
- ²¹ Кожевников Ф. И. Цит. Соч. – С. 151.
- ²² См., подробно: Управление водными ресурсами России: международно-правовые и законодательные механизмы. Под ред. А. Н. Вылегжанина. – М.: «МГИМО-Университет», 2008 г.
- ²³ Convention on the Law of the Non-Navigational Uses of International Watercourses. / Vol. II. United Nations. New-York. 2007. P. 266–283. Русский текст Конвенции опубликован в: Московский журнал международного права. № 4. 2002 г. С. 257–278. См. в этом же номере журнала также комментарий к тексту этой Конвенции: Саваськов П. В. Право несудоходных видов использования международных водотоков. / Московский журнал международного права. № 4. 2002 г. С. 279–284.
- ²⁴ Мартенс Ф. Ф. Современное международное право цивилизованных народов. В 2 т. Т. 2 / – 5-е изд. – СПб., 1905. – С. 3.
- ²⁵ Там же, с. 6–7.
- ²⁶ Там же, с. 9.

²⁷ Helsinki Rules on the Use of Waters of International Rivers.— Report of the Fifty-Second Conference of the International Law Association Held at Helsinki, August 14–20, 1966.— 1967.

²⁸ См. подробнее: Управление водными ресурсами России: международно-правовые и законодательные механизмы. Под ред. А. Н. Вылегжанина.— М: «МГИМО-Университет», 2008 г.

²⁹ Directive 2000/60/EC of the European Parliament and of the Council of 23 October 2000 establishing a framework for Community action in the field of water policy (OJ L 327, 22.12.2000, p. 1)

³⁰ Official Records of the General Assembly, Sixty-third Session, 2004, Supplement No.10 (A/63/10).

³¹ Conjunctive management means management of the waters of a drainage basin as a whole by a regime that takes into account the interconnections of surface and subsurface waters within the drainage basin. These Rules reserve “integrated management” for management that integrates the management of water resources with other resources.

МОРСКОЕ ПРАВО

Дело «Лотус» и контроль США в открытом море

*Анянова Е. С.**

Рассматриваются вопрос о пробеле в Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. в регулировании борьбы с терроризмом и транспортировкой оружия массового уничтожения на море посредством межгосударственной Инициативы по безопасности в борьбе с распространением оружия массового уничтожения, Протокола 2005 г. к Конвенции о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства, 1988 г. и Протокола 2005 г. к Протоколу о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе, 1988 г. Правовые аспекты борьбы с терроризмом на море и транспортировкой оружия массового уничтожения рассматриваются с акцентом на принцип исключительной юрисдикции государства флага над судном в открытом море, получившим свое первое закрепление на международно-правовом уровне в 1927 г. в решении Постоянной палаты международного правосудия по делу о судне «Лотус».

Ключевые слова: охрана мореплавания; терроризм на море; транспортировка оружия массового уничтожения; дело «Лотус»; исключительная юрисдикция государства флага.

Вопросы охраны мореплавания в открытом море урегулированы в Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. не достаточно полно. Если режимы пиратства и незаконной торговли наркотиками разработаны

* Анянова Екатерина Сергеевна – к.ю.н., докторант кафедры международного права МГИМО (У) МИД России. Ekaterina.Anyanova@gmail.com.

детально, то упоминаний о борьбе с терроризмом на море или транспортировке оружия массового уничтожения (ОМУ) не содержится. Тем не менее, принципы резервирования открытого моря для мирных целей (ст. 88 Конвенции 1982 г.) и усиления мира, безопасности, сотрудничества и мирных отношений между всеми нациями (преамбула Конвенции 1982 г.) можно рассматривать как начальную точку для всего режима охраны судоходства.

В морских пространствах юрисдикция над судном является компетенцией государства флага. Это принцип обычного международного права. При входе судна в зону морского пространства, где прибрежное государство обладает суверенитетом или суверенными правами в соответствии с нормами международного права, возникает конкуренция юрисдикций. В морских пространствах выделяются такие зоны как внутренние воды, территориальное море, прилежащая зона, исключительная экономическая зона, континентальный шельф, открытое море и международные проливы. Во внутренних водах и территориальном море действует юрисдикция прибрежного государства, поскольку эти зоны находятся под суверенитетом прибрежного государства (ст. 2(1) Конвенции 1982 г.)

Во внутренних водах, акватории морского порта как части внутренних вод прибрежного государства, и территориальном море юрисдикция прибрежного государства распространяется на иностранное торговое судно или государственное судно, эксплуатируемое в коммерческих целях, в случае совершения правонарушения на его борту. Однако в тех случаях, когда преступлением затрагивается лишь иностранное судно и его экипаж, не нарушается общественное спокойствие или общественный порядок в прибрежном государстве или его безопасность, последствия преступления не распространяются на территорию порта или отсутствует непосредственная обязанность прибрежного государства принять уголовные меры в случае совершения конкретного преступления в соответствии с требованиями международных договоров по борьбе с преступностью, действует юрисдикция государства флага. На иностранные военные и государственные суда, эксплуатируемые в некоммерческих целях юрисдикция прибрежного государства не распространяется. Юрисдикция государства флага в территориальном море действует в случае совершения преступления на борту судна, если преступление было совершено до захода судна в территориальное море.

За внешней границей территориальных вод судно находится под исключительной юрисдикцией государства, которому оно принадлежит (ст. 92 Конвенции 1982 г.), хотя в прилежащей зоне, исключительной экономической зоне и континентальном шельфе юрисдикция государства флага ограничивается суверенными правами прибрежного государства.

В прибрежной зоне действует юрисдикция прибрежного государства для предотвращения нарушений санитарных, таможенных, фискальных и иммиграционных законов и правил контроля в пределах его территории или территориального моря¹ (ст. 35 Конвенции 1982 г.)

Основным принципом режима открытого моря стала свобода судоходства в смысле ст. 87 (1)(а) Конвенции 1982 г. Этот принцип вытекает из запрета вмешательства государства в навигацию судов в открытом море под флагом третьего государства. Принцип свободы открытого моря заключается в обеспечении осуществления справедливости и равных прав для всех (преамбула) и осуществления прав без нарушения прав других (ст. 300), свободе всех типов деятельности с учетом интересов других государств (ст. 87 (1)), резервирование для мирных целей (ст. 88), исключение государственного суверенитета над любой частью открытого моря (ст. 89).

На принципе свободы судоходства основан принцип исключительной юрисдикции государства флага². Государство обязано в соответствии с нормами международного права нести правовые обязательства в отношении судов под своим флагом³, т.е. юрисдикция над судном – компетенция государства флага⁴. В принципе исключительной юрисдикции государства над своими судами в открытом море находят свое выражение применительно к судоходству и другой деятельности в мировом океане такие общепризнанные принципы международного права как суверенное равенство государств, их равноправие и невмешательство одного государства в дела других государств.

В принципе исключительной юрисдикции государства флага есть внутренний и внешний аспекты. Внутренний аспект принципа исключительной юрисдикции государства флага заключается в том, что на судно, находящееся в открытом море, распространяется административная, гражданская и иная власть государства флага, которая осуществляется капитаном судна над лицами и имуществом, находящимися на его борту. Речь идет о таких правомочиях, как, к примеру, право совершать некоторые нотариальные действия, определять временно

до захода судна в порт своего или иностранного государства меру наказания за совершенные на борту преступления и другие правонарушения и т.д. Внешний аспект исключительной юрисдикции государства флага в открытом море означает недопустимость вмешательства других государств в плавание торговых судов. Исключение составляют случаи, предусмотренные в Конвенции 1982 г. или других международных договорах⁵.

Принцип исключительной юрисдикции государства флага и закрепляющие его в международно-правовых документах нормы корнями уходят в дело о судне «Лотус»⁶. Дело о судне «Лотус» было рассмотрено Постоянной палатой международного правосудия в 1927 г. Палата в своем решении постановила в том числе, что суда подлежат юрисдикции только государства флага. Этот постулат является классическим принципом юрисдикции государства в открытом море.

Спор о судне «Лотуса» произошел между Францией и Турцией⁷. Французское судно «Лотус» (“Lotus”) в открытом море столкнулось с турецким судном «Бозкурт» (“Boz-Kourt”). Столкновение произошло поздно вечером (почти в полночь) 2 августа 1926 г. в 5–6 милях к северу от мыса Ситри (г. Митилена на о-ве Лесбос, Греция). Турецкое судно разломилось пополам и затонуло, погибло 8 турецких пассажиров и моряков, 10 человек были спасены. Французский почтовый пароход последовал в Константинополь, куда он прибыл 3 августа 1926 г. В отношении капитана турецкого судна Хассана Бея и вахтенного офицера, находившегося на борту судна для транспортировки угля «Лотуса» во время столкновения, лейтенанта Демонса, гражданина Франции, который после несчастного случая был в числе спасшихся, был начат уголовный процесс в соответствии с нормами права Турции по обвинению в непредумышленном убийстве. В своем решении уголовный суд Стамбула признал и лейтенанта Демонса, и Хассана Бея виновными и назначил соответствующую меру наказания.

В отношении решения французское правительство неоднократно выражало протесты в связи с нарушениями Турцией международного права, требуя отпустить лейтенанта Демонса либо передать дело во французский суд. Контраргументом Турции был тот факт, что французский офицер добровольно сошел на территорию Турции, в результате чего он оказался под юрисдикцией Турции⁸.

В итоге правительства Франции и Турции решили передать дело в суд в Гаагу. Постоянная палата международного права должна была

разрешить вопрос, нарушила ли Турция своими действиями принципы международного права. Лейтенанту Демонсу запрашивалась денежная компенсация.

Ст. 15 Лозаннской конвенции 1923 г. касательно режима проливов от 24 июля 1923 г. о соблюдении условий местожительства, деятельности и юрисдикции требовала все вопросы юрисдикции между Турцией и Францией разрешать в соответствии с принципами международного права.

Судом было установлено, что столкновение произошло на территории открытого моря. В своем решении от 7 сентября 1927 г. постоянной палатой решения признавалась возможность осуществления уголовной юрисдикции над иностранным судом в открытом море⁹. Суд подчеркнул, что суда в открытом море подпадают под юрисдикцию только государства флага – основной аргумент Франции в данном споре. Этот принцип означает, что судно в открытом море приравнивается к территории государства флага, где оно и осуществляет свою юрисдикцию. То есть государство не может осуществлять юрисдикцию над иностранными судами. Суд отметил, что международным правом не запрещено государству, которому причинен вред со стороны иностранного государства, начать процедуру уголовного преследования, за исключением случаев, когда международным правом, в частности, международными договорами, предусматривается юрисдикция именно государства флага при осуществлении уголовного преследования. Также был сделан вывод, что принцип международного права в смысле ст. 15 Лозаннской конвенции 1923 г., который бы запрещал проведение уголовной процедуры, Турция своими действиями не нарушила. В решении была использована доктрина территориальности, согласно которой государство вправе осуществлять юрисдикцию в отношении граждан другого государства, находящихся за его пределами, если последствия совершенного ими правонарушения сказываются на территории этого первого государства. При вынесении решения палатой голоса судей разделились поровну (6 против 6), решающий голос был дан Президенту палаты.

В особом мнении судьи М. Мура подчеркивается, что признанным принципом международного права является абсолютная и исключительная юрисдикция государства над своей территорией¹⁰, а принцип территориальности в отношении судов в открытом море, может толковаться только в пользу судна¹¹. В особом мнении судьи М. Альтамира

говорится о том, что юрисдикцию над своими гражданами государство осуществляет само¹². Случаи, когда государству позволяется осуществлять юрисдикцию в отношении граждан третьего государства, являются исключениями для блага всего человечества или общей опасности (работоторговля, пиратство и др.)

Помимо рассматриваемого аспекта дело «Лотуса» знаменито и вопросом пиратства, в отношении международно-правового понятия которого судья М. Мур с особым мнением в деле «Лотус» ссылается на универсальную юрисдикцию¹³. М. Мур подчеркивает, что пиратство является преступлением *sui generis*, нарушающим нормы права наций, в связи с чем юрисдикция основывается на международном обычном праве¹⁴. Т.е. речь шла о денационализации¹⁵ пиратства: невозможности для пиратов воспользоваться дипломатической защитой своего государства¹⁶. К слову сказать, основной вывод, сделанный в решении палаты по делу о судне «Лотус» в отношении осуществления юрисдикции над французским гражданином судом Турции, был позднее отменен положениями международной конвенции об унификации некоторых правил об уголовной юрисдикции по делам о столкновении судов и других происшествий, связанных с судоходством, 1952 г. (ст. 1, 2) и позднее Конвенции 1958 г. об открытом море (ст. 11) и Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. (ст. 97). В случае столкновения или любого другого происшествия в области судоходства, которое связано с морским судном и влечет уголовную и дисциплинарную ответственность капитана или любого другого служащего на судне, лица, уголовное или дисциплинарное преследование может быть возбуждено только перед судебными или административными властями государства, под флагом которого судно находилось в момент столкновения или другого связанного с судоходством происшествия. В подобной ситуации никакой приказ об аресте или задержании судна не может быть отдан, даже для проведения расследования, никакими властями, иными чем власти государства, под флагом которого находилось судно.

Как уже упоминалось, Постоянная палата международного правосудия в своем решении по делу о судне «Лотус» подчеркнула, что за исключением отдельных случаев, которые установлены международным правом, суда в открытом море подлежат юрисдикции государства суда. Принцип исключительной юрисдикции государства флага судна¹⁷ означает, что в открытом море судно пользуется иммунитетом

от юрисдикции других государств¹⁸. Позднее данный принцип был закреплён в Конвенции 1982 г., и в Конвенции об открытом море 1958 г.¹⁹

Режим открытого моря основан на принципе свободы открытого моря для всех государств, как прибрежных, так и не имеющих выхода к морю, включая в себя свободу судоходства, свободу полетов, свободу прокладывать подводные кабели и трубопроводы, свободу рыболовства, свободу научных исследований, свободу возводить искусственные острова, установки и сооружения²⁰. Принцип свободы открытого моря – норма обычного международного права; он закреплён также в ст. 2 Конвенции об открытом море 1958 г. и ст. 87 Конвенции 1982 г.²¹ Из данного принципа имеются строго ограниченные изъятия, применяемые в конкретных, четко определенных международным правом случаях, допускающие применение принудительных мер (к примеру, пиратство, работорговля, несанкционированное вещание, преследование по горячим следам и др.²²). Контрольные мероприятия в отношении судов в открытом море обеспечиваются правом подхода, визита, обыска и ареста, однако подобные действия требуют должной юридической легитимации²³.

Считается, что право остановки и досмотра судна в открытом море есть только у военного судна²⁴ и у судна, состоящего на правительственной службе и уполномоченного должным образом.

В случае, если подозрения в причастности к преступной деятельности сохраняются после проверки документов, может последовать дальнейшая проверка²⁵. Если подозрения оказываются необоснованными, подозреваемому судну возмещаются любые причиненные убытки или ущерб (например, связанные с невозможностью выполнить рейс по расписанию)²⁶.

Право останавливать иностранные суда в открытом море основывается на общей концепции самообороны в соответствии со ст. 51 Устава ООН²⁷. Так, к примеру, было обосновано задержание Израилем судна «Карин А» под флагом Ирака в Красном море в январе 2002 г. с более чем 50 т оружия на борту.

Однако ст. 51 Устава ООН рассматривается как предварительная или временная мера для защиты жертвы нападения до начала функционирования централизованного механизма. В случае применения права на самооборону СБ ООН должен быть немедленно проинформирован о вооруженных действиях в рамках самообороны²⁸. Действия в рамках самообороны должны быть приостановлены, как только

СБ ООН примет необходимые меры для поддержания международного мира и безопасности.

До сих пор остается спорным вопрос о том, насколько необходимо получить одобрение СБ ООН при досмотре судна без согласия государства флага.

Последними во временном аспекте ограничениями свободы открытого моря стали Инициатива по безопасности в борьбе с распространением оружия массового уничтожения (ИБОР – ОМУ) и Протоколы 2005 г. к Конвенции о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства, 1988 г. и к Протоколу о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе, 1988 г.

«Правильный баланс»²⁹ между свободой, безопасностью и охраной является одной из основных задач для современного общества в целом. Свобода ни в коем случае не должна «пострадать» при усилении мер охраны.

С начала XXI в. особое внимание стало акцентироваться на контроле в открытом море судов, связанных с осуществлением преступной деятельности и транспортировкой ОМУ. Подобные опасения возникли на основе реальных событий. К примеру, в декабре 2003 г. возле пролива Хормуз в Персидском заливе небольшое судно было задержано и арестовано в связи с незаконной перевозкой наркотиков и подозреваемых представителей Аль-Каиды на борту³⁰. Судно было арестовано в проливе, используемом для международного судоходства с правом транзитного прохода в соответствии с Конвенцией 1982 г. Таких примеров было зафиксировано очень много.

В Конвенции 1982 г. конкретных положений, регулирующих терроризм на море и перевозки ОМУ, не содержится³¹.

Общая необходимость бороться с угрозами международному миру и безопасности вследствие террористических нападения были подчеркнуты СБ ООН в его резолюции 1373 от 28 сентября 2001 г. и 1368 от 12 сентября 2001 г.

Резолюция СБ ООН 1368 (2001) от 12 сентября 2001 г. признает неотъемлемое право на индивидуальную или коллективную самооборону, предусмотренное в Уставе ООН в отношении международного терроризма. Резолюция СБ ООН 1373 (2001) от 28 сентября 2001 г.

переподтвердила это право и подчеркнула еще раз угрозу террористических актов для международного мира и безопасности.

Эти резолюции рассматриваются как составляющие общую юридическую основу для анти-террористической деятельности. Задержания на море в резолюциях не упоминаются. Тем не менее, указанные положения иногда цитируются как временное обоснование контроля военно-морскими судами США в открытом море. В любом случае они были бы слишком общими для того, чтобы обосновать подобные действия на постоянной основе или говорить о создании определенного прецедента.

Получалось, что ситуация складывалась т.о., что не было четкой правовой основы для производимых задержаний для предотвращения угрозы терроризма в нарушение свободы судоходства в открытом море. В качестве основного юридического обоснования использовалась концепция самообороны в соответствии с положениями соответствующих резолюций СБ ООН.

В ходе легитимированных остановки и обыска судна «Со Сан» в 2002 г. были обнаружены материалы для ОМУ на борту судна. Т.к. транспортировка была проведена в соответствии с договором поставки между Йеменом и Северной Кореей, перевозка данного груза не противоречила нормам международного права. К тому же, Северная Корея не является стороной в «Режиме контроля за ракетными технологиями» и закончила свое участие в Договоре о нераспространении ядерного оружия в январе 2003 г. Хотя инцидент с судном «Со Сан» и его задержание, основанные на ст. 110 Конвенции 1982 г. и положениях международного обычного права, были широко раскритикованы, данная легитимная перевозка вызвала опасения о возможных злоупотреблениях свободой открытого моря. Таможня США опасалась транспортировки ОМУ и его контрабанды так сильно, что даже в портах с сентября 2003 г. у каждого инспектора имелся личный пейджер для обнаружения радиации для защиты от радиоактивного воздействия³². Действие Кодекса ОСПС охватывает только суда и территории портовых объектов, используемых международным судоходством; вопросы незаконных транспортировок не затрагивались. Обнаружение 15-фунтового цилиндра с обедненным ураном из Джакарты (Индонезия) в США на борту судна, зашедшего через порт Лос Анжелеса, увеличило опасения в отношении способности служащих таможни обеспечить защиту границ США от ОМУ.

Для контроля транспортировок ОМУ по морю была введена ИБОР – ОМУ. Формирование данной инициативы в международном праве проходило исходя из широкого международного осуждения событий 11 сентября 2001 г.³³

31 мая 2003 г. Президент США Д. Буш объявила о начале ИБОР. В ответ на звучащую критику о противоречиях с международным правом со стороны США подчеркивалось, что ИБОР направлена на усиление существующих механизмов контроля и обеспечения исполнения экспортных требований. Им подчеркивалось, что она не ведет к переписыванию международного права³⁴. Введение ИБОР – ОМУ юридически обосновывали с помощью доктрины необходимости или превентивной самообороны.

При введении ИБОР активно обсуждался вопрос, была ли нарушена данной инициативой свобода судоходства и допустимо ли ограничение свободы судоходства в открытом море в данном случае в соответствии с нормами международного права.

«Чисто» обоснованной с юридической точки зрения ИБОР получается только в случае, если она проводится судом под флагом такого же государства. Большинство проведенных в рамках ИБОР операций были предприняты государствами, отличными от государства флага контролируемого судна.

По состоянию на май 2014 г. в ИБОР участвует 103 государства-участника. Последним участником, присоединившимся к ИБОР, стала Малазия в 2014 г. Активные участники инициативы встречаются 1–2 раза в год в качестве Оперативной экспертной группы. Первоначально в ИБОР была группа из 11 активных участников. Последняя встреча состоялась в мае 2014 г. в Ньюпорте, США. Позднее их число было увеличено до 21.

Кроме того, проводятся региональные встречи и учения международного уровня, тренирующие пресечение транспортировки ОМУ в открытом море³⁵. В августе 2014 г. в Гонолулу, Гавайи прошли очередные учения ИБОР для США и участников инициативы с Азии и Тихого океана³⁶. Когда ИБОР перешагнула 10-летний рубеж, Президент США Барак Обама в 2013 г. сделал заявление, призывая участников инициативы предпринять конкретные шаги, чтобы усилить ИБОР, поскольку она лежит в основе международно-правового режима борьбы с распространением ОМУ³⁷.

Одним из последних «показательных» примеров действительности ИБОР стало задержание судна «Лайт» под флагом Белиза в июне 2011 г. Грузовое судно подозревалось в перевозке технологий баллистических ракет из Северной Кореи в Мьянмар. ВМФ США задержали судно и принудили его вернуться в Северную Корею. Белиз является государством-участником ИБОР³⁸.

Недостаточная легитимность задержания в рамках ИБОР, неурегулированные вопросы ответственности и двусторонний характер инициативы стали причинами рассмотрения и урегулирования данного вопроса на глобальном уровне в рамках ИМО³⁹.

Разработка международных документов происходила несмотря на успешные попытки инициаторов Инициативы привлечь страны с наибольшим тоннажем и государства «удобных» флагов⁴⁰.

Неоднократно подчеркивалась необходимость более активного участия государств в ИБОР для более эффективного предотвращения транспортировки ОМУ⁴¹.

Правовой комитет начал рассмотрение возможных поправок к Соглашениям 1988 г. Делегация США внесла проект поправок⁴², которые сформировали «основу»⁴³ для их пересмотра. Председателем рабочей группы по пересмотру была выбрана и переизбрана представитель США Линда Якобсон⁴⁴.

Реакция Правового комитета на предложения США была неоднозначной. Во время своей встречи в апреле 2004 г. комитет признал, что включение положений о поднятии на борт судна подразумевает значительное вторжение в основополагающий принцип свободы судоходства в открытом море и исключительную юрисдикцию государств флагов над их судами⁴⁵.

Разработка окончательной версии протоколов к Соглашениям 1988 г. потребовала 3 с половиной года.

Протоколы были приняты на дипломатической конференции, которая проводилась в ИМО с 10 по 14 октября 2005 г.⁴⁶

Одним из самых спорных положений протоколов стала ст. 3bis о транспортировке по морю материалов и инструментов, связанных с ОМУ. Многими считалось, что конвенция – не соответствующее место для положений по нераспространению ОМУ⁴⁷. Ст. 3bis и перечень преступлений, связанных с транспортировкой запрещенных инструментов и материалов, представлялись слишком широкими⁴⁸. Одним из самых актуальных вопросов во время конференции было включение

параграфа (iv) ст. 3bis(b) в основной текст документа – запрет на транспортировку любого оборудования, материалов или программного обеспечения либо соответствующих технологий, которые вносят существенный вклад в проектирование, производство или доставку оружия БХЯ, с намерением использовать их для такой цели, поскольку многие государства считали данный подход чрезвычайно широким.

Ст. 8bis концентрируется на возможности не государства флага посещать, обыскивать, задерживать судно в открытом море, груз и персонал на борту и применять силу при необходимости при наличии разумных оснований полагать, что судно или лицо на борту судна вовлечены в совершение преступления, перечисленного в конвенциях.

Сама схема досмотра судов очень напоминает схему, предусмотренную ст. 108 Конвенции 1982 г. по досмотру судов, подозреваемых в транспортировке незаконных наркотиков.

БХЯ запрещено в соответствии с нормами международного права, в частности Конвенции о запрещении химического оружия 1994 г., Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении 1971 г. Для ядерного оружия действует режим, установленный Договором о нераспространении ядерного оружия 1968 г. Так что, криминализация транспортировок подобного рода оружия в открытом море не вызывала много вопросов. Некоторые делегации предлагали даже внести соответствующие положения в указанные документы, причем не только в отношении морского транспорта⁴⁹.

Особенно много споров возникло вокруг вопроса допустимости поднятия на борт судов, поскольку новые положения без должных гарантий (к примеру, выраженное согласие государства флага, предупреждение других сторон⁵⁰, если запрашиваемая сторона не отвечает, оповещение о наличии риска в регионе⁵¹, необходимость совещания с капитаном судна до его посещения, возможность капитана связаться с государством флага или судовладельцем, чтобы проверить, было ли поднятие на борт судна разрешено соответствующим образом⁵² и др.)

Во время конференции было подчеркнуто, что посещение судов в открытом море должно быть исключением, а не общим правилом до тех пор, пока нет четких сигналов для его применения защитных мер⁵³.

Так, некоторые делегации поднимали вопрос, является ли ИМО соответствующим форумом в принципе для подобных вопросов.

Государство-участник должно гарантировать, что исполняющие подобные обязанности официальные лица обладают соответствующей компетенцией для осуществления данных мероприятий⁵⁴.

Многие из положений Протоколов 2005 г. к Соглашениям 1988 г., заимствованы из других конвенций, а именно:

- ст. 9 Протокола против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху, дополняющего Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности⁵⁵ о защитительных положениях для судов;

- ст. 17 (5) Венской Конвенции о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г. о необходимости не ставить под угрозу безопасность жизни на море, судна и груза и не наносить ущерба;

- ст. 110 (3) Конвенции 1982 г. и ст. 22 (3) Женевской Конвенции об открытом море от 29 апреля 1958 г. о возмещении убытков или ущерба;

- ст. 17(11) Венской Конвенции о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г. о необходимости не препятствовать или не наносить ущерба осуществлению прав и обязанностей и юрисдикции прибрежного государства;

- ст. 17(10) Венской Конвенции о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г. и ст.ст. 110 (4) и (5) Конвенции 1982 г. о праве на осмотр со стороны военных летательных аппаратов и других уполномоченных судов или летательных аппаратов⁵⁶.

Для того чтобы гарантировать обоснованность задержаний, были введены специальные правила для компенсации (ст. 8bis 10 Протокола 2005 г. к Конвенции 1988 г.). Они были заимствованы из ст. 110 (3) Конвенции 1982 г.⁵⁷ Государства-участники должны нести ответственность за любые вред, ущерб или потери необоснованных, незаконных или превышающих обоснованно требуемые в свете допустимой информации мер.

Заключительный Акт был передан Генеральному Секретарю ИМО⁵⁸.

Количество государств, которые должны ратифицировать конвенцию для ее вступления в силу, явилось спорным вопросом, поскольку в этой конвенции были затронуты очень спорные вопросы, подпадающие под сферу действия Международной конвенции о борьбе с бомбовым терроризмом 1998 г.⁵⁹, Международной конвенции по пресечению

финансирования терроризма 1999 г.⁶⁰, Международной конвенции о борьбе с актами ядерного терроризма 2005 г.⁶¹ Государствами предлагалось различное количество необходимых ратификаций государств: от 10 до 22. Был достигнут компромисс о том, что конвенция должна быть ратифицирована 12 государствами.

Для того чтобы избежать дуалистического характера договоров с поправками, Румыния внесла предложение включить требование подписания или ратификации протокола всеми государствами-участниками. Предложение представляется разумным, но маловероятным. Ожидание полного подписания или ратификации протоколов может привести к необратимым последствиям, угроза терроризма на море и распространения оружия массового уничтожения было слишком актуальным).

Был ли данный подход успешным, до сих пор не ясно, так как ратифицированы протоколы незначительным количеством государств.

Протоколы 2005 г., предусматривающие новые преступления в отношении судов, транспортирующих ОМУ и террористов⁶², а также подробно разработанный механизм остановки и задержания таких судов в открытом море⁶³, должны были стать юридическим основанием для действий по остановке и высадке на суда в открытом море⁶⁴.

На сегодняшний момент протокол к Конвенции ратифицирован 22 государствами, протокол к Протоколу – 148 государствами. При их разработке высказывались опасения, что вступление в силу данного режима после его принятия меньшинством может привести к ситуации, когда режим будет действовать лишь для меньшинства пользователей океана, что будет противоречить целой системе анти-террористических мер и глобальному подходу к ней. Однако в результате сложившейся сегодня ситуации режим является просто неэффективным.

Поскольку международно-правовой договор накладывает обязательства только на государства-участники, если он не представляет собой кодификацию обычного права, Протоколы 2005 г. не могут служить достаточным юридическим основанием для проведения процедуры поднятия на борт судна и его досмотра в отношении государства, не подписавшего Протоколы⁶⁵.

Став попыткой унифицировать деятельность в рамках ИБОР⁶⁶, Протоколы 2005 г. и их низкий уровень ратификации показали, что государствам тяжело принять на себя новые обязательства, противоречащие традиционным принципам, в т. ч. в вопросах их суверенитета. В первую очередь имеются в виду такие понятия как свобода судоходства,

юрисдикция государства флага. Кроме того, многим государствам необходимо предоставлять финансовую и техническую помощь для применения этих норм.

Одним из основных лейтмотивов в международном праве традиционно является баланс совокупности интересов международного сообщества: обеспечение безопасности и охраны мореплавания в открытом море, с одной стороны, и исключительные интересы государств флага в осуществлении контроля над их кораблями во время навигации по морским пространствам, с другой.

Предотвращение терроризма представляется достаточно важным основанием для предоставления третьим государствам определенных контрольных полномочий в открытом море при соответствующей легитимизации. Представляется, что причиной последовавшей критики и опасений после разработки и принятия ИБОР и Протоколов 2005 г. являются не только юридические и практические соображения, но и неправильное толкование государством вопросов собственного престижа. Можно сказать, что подобная негативная реакция является, конечно, преувеличенной реакцией на принятые документы.

В любом случае, можно с уверенностью утверждать, что т.к. ни вопрос терроризма, ни вопрос распространения оружия массового уничтожения не охватывается в Конвенции 1982 г., а первоначальная версия Конвенции 1988 г. не содержит положения о досмотре судов, ИБОР и поправки к Договорам 1988 г., направлены на заполнение этого пробела. Хотя вопросы легитимации контрольных мероприятий над судами в открытом море до сих пор остаются полностью несформированными, а четкие критерии отсутствуют, рассмотренные документы внесли определенные изменения в правовой режим открытого моря и его развитие⁶⁷.

В особом мнении к решению палаты по делу «Лотус» судья М. Вайс отмечает, что международное право возможно только между суверенными государствами, поскольку целью международного права является гармонизация и регулирование различных суверенитетов, над которыми международное право осуществляет контроль⁶⁸. Также он добавил, что правило становится частью международного права только когда все нации, составляющие международное сообщество, достигают согласия в отношении применения или признания в своих взаимоотношениях конкретного правила поведения⁶⁹. Судья М. Альтамира указывает, что для утверждения в международном праве обычая необходимо

его закрепление через значительное количество прецедентов, международных по своему характеру⁷⁰.

Представляется, что таким правилом, формирующим норму международного права, в идеале, должна стать ИБОР. Раз уж Протоколам 2005 г. государства пока что отказывают в доверии, остается надеяться, что продолжительная и отлаженная практика в рамках данной инициативы приведет к окончательному оформлению легитимации данной процедуры.

The “Lotus”-case and the U.S. Control on the High Seas (Summary)

*Ekaterina S. Anyanova**

The article considers the issue of the existing gap in the United Nations Convention on the Law of the Sea, 1982 in the regulation of the suppression of terrorism at sea and transportation of the weapon of mass destruction at sea by means of the intergovernmental Proliferation Security Initiative on the weapon of mass destruction, Protocols of 2005 to the Convention on the suppression of unlawful acts against the safety of maritime navigation, 1988 and Protocol for the suppression of unlawful acts against the safety of fixed platform located on the continental shelf. Legal aspects of the suppression of terrorism at sea and weapon of mass destruction transportation are considered with emphasis on the principle of the exclusive jurisdiction of the flag state over the vessel on the high seas. This principle was first fixed in the international law in 1927 in the judgment of the Permanent Court of International Justice in the “Lotus” case.

Keywords: maritime security; terrorism at sea; transportation of weapons of mass destruction; the “Lotus” case; exclusive jurisdiction of the flag state.

¹ Ромашев Ю. С., Фетищев Д. В. Юрисдикция государств в правоохранительной сфере. Москва: «Научная книга», 2009. 48 с. С. 18–38.

* Ekaterina S. Anyanova – PhD in Law, Doctoral candidate of the Chair of International law MGIMO-University MFA Russia. Ekaterina.Anyanova@gmail.com.

- ² Вылегжанин А. Н., Гуреев С. А., Иванов Г. Г. Международное морское право: Учебное пособие. Под ред. Гуреева С. А. М.: Юридическая литература, 2003. 448 с. С. 115.
- ³ Stiel P. Der Tatbestand der Piraterie nach geltendem Voelkerrecht. Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot, 1905. 118 S. S. 84.
- ⁴ Liacouras P. Intelligence gathering on the high seas // Strati A. (ed.) Unresolved issues and new challenges to the law of the sea time before and time after. Leiden: Nijhoff, 2006. XIV, 351 p. PP. 123–148. P. 126.
- ⁵ Вылегжанин А. Н., Гуреев С. А., Иванов Г. Г. Международное морское право: Учебное пособие. Под ред. Гуреева С. А. М.: Юридическая литература, 2003. 448 с. С. 25.
- ⁶ Словарь международного морского права. Отв.ред. Барсегов Ю. Москва: «Международные отношения», 1985. 256 с. С. 53.
- ⁷ The «Lotus» Case, 7 September 1927. PCIJ A., No. 10. 1927.
- ⁸ Kish J. The law of international spaces. Leiden: Sijthoff, 1973. XI, 236 p. P. 98.
- ⁹ Словарь международного морского права. Отв.ред. Барсегов Ю. Москва: «Международные отношения», 1985. 256 с. С. 52.
- ¹⁰ The «Lotus» Case (Mr. Moore, dissenting), 7 September 1927. PCIJ A., No. 10. 1927. P. 68.
- ¹¹ The «Lotus» Case (Mr. Moore, dissenting), 7 September 1927. PCIJ A., No. 10. 1927. PP. 69–70.
- ¹² The «Lotus» Case (Mr. Altamira, dissenting), 7 September 1927. PCIJ A., No. 10. 1927. P. 95.
- ¹³ Reuland R. C.F. Interference with Non-National Ships on the High Seas Peacetime Exceptions to the Exclusivity Rule of Flag-State Jurisdiction // Vanderbilt journal of transnational law. 1989. № 22. PP. 1161–1229. P. 1178.
- ¹⁴ The «Lotus» Case (Mr. Moore, dissenting), 7 September 1927. PCIJ A., No. 10. 1927. P. 70.
- ¹⁵ Gebert H. Die voelkerrechtliche Denationalisierung der Piraterie. Kiel: Universitaetsbuchdruckerei von Schmidt & Klaunig, 1914. 68 S. S. 26.
- ¹⁶ Münchau M. Terrorismus auf See aus völkerrechtlicher Sicht. Frankfurt am Main: Lang, 1994. 251 S. SS. 166–167.
- ¹⁷ Вылегжанин А. Н., Гуреев С. А., Иванов Г. Г. Международное морское право: Учебное пособие. Под ред. Гуреева С. А. М.: Юридическая литература, 2003. 448 с. С. 24.
- ¹⁸ Словарь международного морского права. Отв.ред. Барсегов Ю. Москва: «Международные отношения», 1985. 256 с. С. 173.
- ¹⁹ Reuland R. C.F. Interference with Non-National Ships on the High Seas Peacetime Exceptions to the Exclusivity Rule of Flag-State Jurisdiction // Vanderbilt journal of transnational law. 1989. № 22. PP. 1161–1229. P. 1166.
- ²⁰ Вылегжанин А. Н., Гуреев С. А., Иванов Г. Г. Международное морское право: Учебное пособие. Под ред. Гуреева С. А. М.: Юридическая литература, 2003. 448 с. С. 113.
- ²¹ Об обычном международном праве см.: Вылегжанин А. Н., Каламкьян Р. А. Роль международного обычая в правовом обеспечении политики государства./Международное право и современные теории международных отношений: аспекты сочетаемости. (Материалы VII Конвента РАМИ, сентябрь 2012 г.). Научное издание. Под ред. А. Н. Вылегжанина А. Н. М. 2013. С. 38–56. См. также: Вейхман В. Вопросы безопасности мореплавания: Учебное пособие. Калининград: Балтийская государственная академия рыбопромыслового флота, 1998. 82 с. С. 3.
- ²² Ромашев Ю. С., Фетищев Д. В. Юрисдикция государств в правоохранительной сфере. Москва: «Научная книга», 2009. 48 с. СС. 32–37.

- ²³ Wolfrum R. Die Internationalisierung staatsfreier Räume: die Entwicklung einer internationalen Verwaltung für Antarktis, Weltraum, Hohe See und Meeresboden. Berlin: Springer, 1984. 757 S. S. 185.
- ²⁴ Allen C. Maritime Counterproliferation Operations and the Rule of Law. Westport, Connecticut: Praeger Security International, 2007. 255 p. P. 131.
- ²⁵ Jenisch U. Piracy, Navies and the Law of the Sea; the Case of Somalia. // WMU Journal of Maritime Affairs. 2009. Vol. 8. No. 2. PP. 123–143. P. 129.
- ²⁶ Вылегжанин А. Н., Гуреев С. А., Иванов Г. Г. Международное морское право: Учебное пособие. Под ред. Гуреева С. А. М.: Юридическая литература, 2003. 448 с. С. 117.
- ²⁷ Jacobsson M. Terrorism at sea // Mukherjee P. K. et al. (eds.) Maritime violence and other security issues at sea: the proceedings of the symposium on maritime violence and other security issues at sea. Malmö: WMU, 2002. X, 270 p. PP. 157–163. P. 159.
- ²⁸ Cassese A. International law. Oxford: Oxford University Press, 2001. 469 p. P. 281.
- ²⁹ Krieken van P. I. Terrorism and the international legal order. The Hague: TMC Asser Press, 2002. XVI, 482 p. P. 156.
- ³⁰ Barry I. P. The Right of Visit, Search and Seizure of Foreign Flagged Vessels on the High Seas pursuant to Customary International Law: A Defense of the Proliferation Security Initiative // Hofstra Law Review. 2004/2005. № 33. PP. 299–330. P. 305.
- ³¹ Liacouras P. Intelligence gathering on the high seas // Strati A. (ed.) Unresolved issues and new challenges to the law of the sea time before and time after. Leiden: Nijhoff, 2006. XIV, 351 p. PP. 123–148. P. 126.
- ³² Center for Arms Control and Non-Proliferation (eds.) Fact Sheet: U. S. Border Security and WMD. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.armscontrolcenter.org/policy/nuclearterrorism/articles/border_security_and_wmd/ (дата обращения: 15 января 2008 г.)
- ³³ Vorbach J. E. The Prospects for Improving Cargo Container Security. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://members.lycos.co.uk/ocnewsletter/SGOC0103/vorbach.pdf> (дата обращения: 22 января 2008 г.) P. 6.
- ³⁴ Proliferation Security Initiative (PSI) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nti.org/treaties-and-regimes/proliferation-security-initiative-psi/> (дата обращения: 7 сентября 2014 г.)
- ³⁵ Proliferation Security Initiative (PSI) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.auswaertiges-amt.de/DE/Aussenpolitik/Friedenspolitik/Abruestung/Nukleares/GremienPj-PSI_node.html (дата обращения: 7 сентября 2014 г.)
- ³⁶ Amanda Dunford U. S., Pacific Partners Begin Proliferation Security Exercise [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.defense.gov/utility/printitem.aspx> (дата обращения: 7 сентября 2014 г.)
- ³⁷ U. S. Department of State (eds.) Malaysia Endorses the Proliferation Security Initiative April 29, 2014 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://iipdigital.usembassy.gov/st/english/texttrans/2014/04/20140429298485.html#axzz3CuhQsGSF> (дата обращения: 7 сентября 2014 г.)
- ³⁸ The Proliferation Security Initiative (PSI) At a Glance [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.armscontrol.org/factsheets/PSI> (дата обращения: 7 сентября 2014 г.)
- ³⁹ Valencia M. J. The Proliferation Security Initiative: Making Waves in Asia. London: Routledge, 2005. 93 p. P. 46.
- ⁴⁰ Richardson M. A time bomb for global trade. Singapore: ISEAS, 2004. XIV, 155 p. P. 108.

- ⁴¹ Banzai H. The Proliferation Security Initiative and International Law of the Sea: A Japanese Lawyer's Perspective // *Journal of East Asia & International Law*. 2010. Vol. 3. PP. 7–28. P. 28.
- ⁴² IMO Doc. LEG 85/4 Review of the convention for the suppression of unlawful acts against the safety of maritime navigation, 1988, and its protocol of 1988 relating to fixed platforms located on the continental shelf (SUA convention and protocol). Draft amendments to the SUA Convention and SUA Protocol. Submitted by the United States, 17 August 2002. P. 2, § 3.
- ⁴³ Mbiah K. The revision of the Convention for the Suppression of Unlawful Acts Against the Safety of Maritime Navigation, 1988, and its Protocol of 1988 Relating to Fixed Platforms Located on the Conitental Shelf // Mukherjee P. K. et al. (eds.) *Maritime violence and other security issues at sea: the proceedings of the symposium on maritime violence and other security issues at sea*. Malmö: WMU, 2002. X, 270 p. PP. 193–219. P. 217.
- ⁴⁴ IMO Doc LEG/SUA/WG.2/4 Report of the working group, 9 February 2005. P. 5, § 11.
- ⁴⁵ Smith D. D. Establishing a Global Quarantine Against Weapons of Mass Destruction // *Yale Law School Student Scholarship Series 2005* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lsr.nellco.org/yale/student/papers/1> (дата обращения: 15 мая 2007 г.) P. 28.
- ⁴⁶ IMO (eds.) *Convention for the Suppression of Unlawful Acts Against the Safety of Maritime Navigation, 1988*. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.imo.org (дата обращения: 26 июня 2005 г.)
- ⁴⁷ Dominguez-Matés R. From the Achille Lauro to the Present Day: An Assessment of the International Response to Preventing and Suppressing Terrorism at Sea. In: Sánchez F., Antonio P. *International legal dimension of terrorism*. Leiden: Martinus Nijhoff Publishers, 2009. 512 p. PP. 213–237. PP. 234–235.
- ⁴⁸ Lehto M. *Indirect responsibility for terrorist acts: redefinition of the concept of terrorism beyond violent acts*. Leiden: M. Nijhoff Publishers, 2009. 487 p. P. 321.
- ⁴⁹ Lehto M. *Indirect responsibility for terrorist acts: redefinition of the concept of terrorism beyond violent acts*. Leiden: M. Nijhoff Publishers, 2009. 487 p. P. 323.
- ⁵⁰ IMO Doc. LEG/SUA/WG.2/WP.16/Add.1 Draft Report of the Working Group, submitted by the Secretariat, 8 February 2005. § 58, p. 2.
- ⁵¹ IMO Doc. LEG/SUA/WG.2/4 Report of the Working Group, submitted by the Secretariat, 14 February 2005, Annex 3 New article 8bis 3(d), submitted by France.
- ⁵² IMO Doc LEG 88/3. Review of the convention for the suppression of unlawful acts against the safety of maritime navigation, 1988, and its protocol of 1988 relating to fixed platforms located on the continental shelf (SUA Convention and Protocol), draft amendments submitted by the U.S., 16 March 2004. Note 19, p. 3.
- ⁵³ Brazilian views on the White Paper produced by the Coordinator of the Informal Working Group on the draft revision to proposed articles 8 bis, 22 December 2003.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ccaimo.mar.mil.br/SecIMO/Outros/outros_assuntos/SUA-BrazilianViewsWhitePaperArt8bis-30Jan2004.doc (дата обращения: 15 января 2008 г.)
- ⁵⁴ IMO Doc LEG 85/4. Draft protocol to the Convention for the suppression of unlawful acts against the safety of maritime navigation, 1988, submitted by the U.S., 17 August 2002. Annex I, p. 10.
- ⁵⁵ Protocol against the Smuggling of Migrants by Land, Sea and Air, supplementing the UN Convention against Transnational Organized Crime, UN Doc. A/45/49. Vol. I [2001]. 15 November 2000.

⁵⁶ IMO Doc. LEG 85/4. Draft protocol to the Convention for the suppression of unlawful acts against the safety of maritime navigation, 1988, submitted by the U.S., 17 August 2002. Annex 1, footnote 22.

⁵⁷ IMO Doc. LEG/SUA/WG.1/3. Report of the working group – Intersessional meeting of the Legal Committee Working Group on the review of the Convention for the Suppression of Unlawful Acts against the Safety of Maritime Navigation, 1988, and its Protocol of 1988 relating to Fixed Platforms Located on the Continental Shelf, submitted by the Secretariat, 27 July 2004.

⁵⁸ IMO Doc. LEG/CONF.15/DC/4. Consideration of the reports of the committees, 13 October 2005.

⁵⁹ International Convention for the Suppression of Terrorist Bombings, 12 January 1998, 2149 U.N.T.S. 256.

⁶⁰ International Convention for the Suppression of the Financing of Terrorism, 9 December 1999, U.N. G.A. Res. 54/109 (1999).

⁶¹ IMO Doc. LEG/CONF.15/3. Consideration of a draft protocol of 2005 to the Convention for the suppression of unlawful acts against the safety of maritime navigation, prepared by the Legal Committee of the Organization and edited by the Secretariat, 4 May 2005.

⁶² Международное право: учебник / отв.ред. В. И. Кузнецов, Б. Р. Тузмухамедов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2007. 944 с. С. 614.

⁶³ Strait security on Malaysia agenda // IMO News. 2005. Nr. 3. P. 38; Roach J. Proliferation Security Initiative (PSI): Countering Proliferation by Sea. In: Nordquist M. (eds.) Recent Developments in the Law of the Sea and China. The Hague: Martinus Nijhoff, 2005. XIV, 516 p. PP. 351–424. P. 376.

⁶⁴ Международное право: учебник / отв.ред. В. И. Кузнецов, Б. Р. Тузмухамедов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2007. 944 с. С. 615.

⁶⁵ Allen C. Maritime Counterproliferation Operations and the Rule of Law. Westport, Connecticut: Praeger Security International, 2007. 255 p. P. 175.

⁶⁶ Geiss R., Petrig A. Piracy and armed robbery at sea: the legal framework for counter-piracy operations in Somalia and the Gulf of Aden. Oxford: Oxford University Press, 2011. 321 p. P. 98.

⁶⁷ IMO Doc. LEG 84/6 Review of the convention for the suppression of unlawful acts against the safety of maritime navigation, 1988, and its protocol of 1988 relating to fixed platforms located on the continental shelf (SUA Convention and protocol). Note by the Secretariat, 13 March 2002, § 12.

⁶⁸ The «Lotus» Case, 7 September 1927. PCIJ A., No. 10. 1927. P. 44.

⁶⁹ The «Lotus» Case, 7 September 1927. PCIJ A., No. 10. 1927. PP. 43–44.

⁷⁰ The «Lotus» Case, 7 September 1927. PCIJ A., No. 10. 1927. P. 96.

ВОПРОСЫ ТЕРРИТОРИИ

Обзор критических взглядов на принцип *uti possidetis*

Фархад Сабир оглы Мирзаев*

В статье приводится анализ критических взглядов на принцип *uti possidetis*, представленных различными школами международного права. Рассматриваются четыре основных аргумента против принципа *uti possidetis*: (i) конфликт с правом народов на самоопределение, (ii) ограниченное применение лишь к процессам деколонизации, (iii) противоречивость принципа в связи с наличием двух его форм *uti possidetis de jure* и *uti possidetis de facto* и (iv) его несостоятельность как нормы международного обычного права. Предложены контраргументы правового характера относительно необоснованности критики принципа *uti possidetis*.

Ключевые слова: *uti possidetis*; критика *uti possidetis*; принцип международного права; пограничные и территориальные споры и конфликты; практика государств.

Если в прошлом принцип *uti possidetis* применялся в основном в рамках деколонизации в Латинской Америке и Африке, то в настоящее время он признается в качестве общего принципа международного права. Это было подтверждено Международным Судом ООН в споре о границах между Буркина-Фасо и Мали, где Суд постановил, что «*uti possidetis* является общим принципом международного права, которое

* Фархад Сабир оглы Мирзаев – кандидат юридических наук (PhD Leicester), LL.M (Nottingham), докторант кафедры международного права МГИМО (У) МИД РФ, старший Партнер международной юридической фирмы BM Morrison Partners (Лондон). fmirzayev@gmail.com.

логически связано с процессом обретения независимости, независимо от того места, где этот процесс имеет место»¹. Само понятие «общее международное право» в международно-правовой доктрине достаточно исследовано².

Очевидно, что в контексте данного дела, подобное заявление Суда было применено к процессу деколонизации. Однако можно утверждать, что то, каким образом было сделано это заявление, дает основания утверждать, что принцип *uti possidetis* также применим к случаям вне процессов деколонизации. Британский международник М. Шоу подчеркивает, что главной целью Международного Суда в данном случае было «специальное заявление» о случаях, связанных с процессом получения независимости³. Далее он утверждает, что *uti possidetis*, как принцип международного права распространяется на все случаи деколонизации и применим вне ее рамок, так как заявление Суда может служить основанием для законного толкования, что принцип *uti possidetis* применим ко всем ситуациям, где имеет место переход суверенной власти⁴. Подобное толкование принципа *uti possidetis* со стороны Суда было в дальнейшем подтверждено соответствующей практикой государств в случаях с распадом СССР⁵, СФРЮ⁶ и ЧССР⁷.

Однако есть определенные мнения в доктрине международного права против признания *uti possidetis* в качестве принципа международного права как такового⁸. В основном критике *uti possidetis* подвергают специалисты в области прав человека, а также предметно знающие принцип права народов на самоопределение⁹. В качестве основных доводов против *uti possidetis* критики данного принципа приводят четыре аргумента: (i) его явный конфликт с правом народов на самоопределение, (ii) ограничение его применения лишь процессами деколонизации, (iii) противоречивость принципа в связи с наличием двух его форм *uti possidetis de jure* и *uti possidetis de facto* и (iv) его несостоятельность как нормы международного обычного права¹⁰.

Комплексной монографией, в которой активно критикуется принцип *uti possidetis*, является книга канадского ученого Сюзане Лалонде, в которой она пытается обосновать отсутствие юридических оснований признания *uti possidetis* в качестве принципа международного права¹¹. Американский международник Хайд утверждал, что применение *uti possidetis* было лишь добровольной практикой среди латиноамериканских государств – бывших испанских колоний и повсеместное применение в вопросах определения государственных границ не носит

обязательной силы¹². Иными словами, он утверждал, что у вновь созданных независимых государств Латинской Америки не было никаких обязательств по признанию границ, установленных со стороны испанских колониальных держав, если интересы этих государств могли быть нарушены таким образом¹³. Существуют также мнение, что принцип не служил в качестве эффективного инструмента для урегулирования пограничных и территориальных споров и конфликтов и является предметом различных толкований¹⁴. Карлос в своей работе приводит критический анализ практики южно-американских государств по применению принципа *uti possidetis* и ставит под сомнение обоснованность применения принципа в пограничном споре между Эквадором и Перу 1810 года¹⁵.

Блюнчли подвергал критике использование римского термина *uti possidetis* для описания ситуаций *status quo post bellum*, утверждая при этом, что применение частно-правового термина в публичном праве является ошибочным¹⁶. Однако в связи с этим можно согласиться с мнением Мура, который не разделял мнение Блюнчли и утверждал, что подобное толкование это лишь лингвистический вопрос и следствие лингвистического толкования принципа¹⁷. На самом деле необходимо согласиться с мнением, что применение *uti possidetis* в международном праве не ограничивается ситуациями, когда территории были обретены посредством силы¹⁸.

Известный советский ученый Б. Клименко, специализировавшийся по территориальным и пограничным проблемам, ставил под сомнение правовую природу принципа *uti possidetis*¹⁹. Проф. Клименко также утверждал, что применение *uti possidetis* эффективно, если правоприменству подлежат более точные и определенные границы, что в большинстве случаев не доступно в реальности²⁰. Ю. Барсегов также придерживался этой позиции и использовал противоречивое толкование данного принципа²¹.

Критика принципа *uti possidetis* также основывается на аргументе относительно необоснованности его применения и отсутствия его юридического обоснования. Одним из ключевых аргументов противников принципа является противоречивое заявление *obiter dicta* Международного суда ООН в деле Буркина Фасо против Мали, которое, по их мнению, не должно рассматриваться как создание новой нормы международного обычного права. По мнению противников *uti possidetis*, этот принцип связан в основном с принципом нерушимости колониальных

границ²². Валлат в своей работе также критикует эффективность принципа *uti possidetis* для разрешения территориальных споров в Африке на примере различного толкования и подхода к принципу в территориальных разногласиях между Сомали и Эфиопией, а так же между Сомали и Кенией²³. Известный африканский международник Одентун критикует доминирование принципа в разрешении большинства территориальных споров и конфликтов на африканском континенте и осуждает позицию Международного суда по вопросам применения *uti possidetis*, как игнорирующую национальные интересы африканских государств²⁴. Однако сторонники этого подхода не в состоянии привести контраргумент относительно того, что в деле Буркина Фасо против Мали Международный суд намеренно подчеркнул особую роль принципа и его важность для африканского континента и урегулирования территориальных и пограничных споров и предотвращения кровопролитных конфликтов. В действительности Международный суд особо подчеркнул, что *uti possidetis* – это не специальное правило, которое применимо к конкретной системе международного права или на каких-то континентах, таких как Латинская Америка, где принцип берет свое начало или пост-колониальной Африке, а, скорее, принцип, применяемый ко всем ситуациям, связанным с обретением независимости²⁵.

Блюмфельд утверждал, что международное сообщество не признает *uti possidetis* как принцип международного права и в связи с его противоречивой природой он противоречит международному праву²⁶. В пограничном споре Буркина Фасо против Мали судья Аби-Сааб в своем отдельном мнении выразил сомнение относительно статуса принципа и заявил, что принцип не имеет обязательную силу, и он должен толковаться лишь в рамках его значения определенного международным правом²⁷. Он так же утверждал, что принцип *uti possidetis* может толковаться лишь в свете его взаимодействия с международным правом²⁸.

Некоторые западные ученые утверждают, что анализ Арбитражной Комиссии Бадинтера по Югославии относительно принципа *uti possidetis* и его роли как общего принципа международного права был неточным, что является «неправильным толкованием»²⁹ и даже «искажением»³⁰ действий и решений Международного суда в деле Буркина Фасо против Мали. В своих работах Радан критикует позицию Арбитражной комиссии Бадинтера по Югославии по признанию *uti possidetis* в качестве международно-правового принципа и его

применению в отношении бывшей Югославии³¹. Некоторые известные западные международники, специализирующиеся в области права народов на самоопределение критикуют позицию Комиссии Бадинтера за выборочное использование принципа *uti possidetis* и подчеркивают, что данный принцип применим лишь в рамках деколонизации³². Сторонники этого подхода обосновывают свою позицию в основном тем, что все заявления Международного суда в деле Буркина Фасо против Мали были сделаны в отношении процессов деколонизации³³. Для поддержки своих аргументов, сторонники этого подхода, критикуя вышеуказанное заявление Международного суда, ссылаются на пункт 23 его Решения в деле Буркина Фасо против Мали, где Суд подчеркивает особую роль *uti possidetis* для Латинской Америки и его значение для предотвращения новой колонизации на данном континенте³⁴. Однако даже языковое толкование не способно поддержать этот аргумент, поскольку заявление Суда было широким и в целом было применено относительно ко всем ситуациям в независимости от того, где они имеют место. Кроме того, Международный суд специально подчеркнул, что *uti possidetis* является принципом, который предусматривает преобразование бывших административных границ между двумя или более бывшими административными единицами в международные границы независимых государств³⁵. Необходимо отметить, что в указанном деле Международный суд не указал конкретно, что принцип *uti possidetis* применим исключительно к случаям деколонизации, а наоборот – особо отметил, что принцип является общим правилом, применимым ко всем ситуациям. Весьма сложно согласиться с подобными аргументами, которые не имеют под собой обоснования в силу наличия относительно недавней практики государств. Большинство известных ученых-международников также не разделяют подобную критическую позицию³⁶. Таким образом, можно утверждать, что применение *uti possidetis* вне процессов деколонизации для обоснования трансформации административных границ между бывшими конституционными единицами в международные границы новообразованных независимых государств следует рассматривать как соответствие позиции Международного суда в вышеуказанном деле.

Некоторые критики принципа *uti possidetis* утверждают о неправильности использования концепции Римского права в международном праве для урегулирования территориальных и пограничных споров и конфликтов³⁷. Некоторые утверждают, что применение принципа

является ошибкой и его следует использовать исключительно в частном праве, а не в международном праве применительно к территориальным проблемам, связанным с вопросами суверенитета³⁸.

Много критики в адрес принципа можно встретить и во франкоязычной литературе. Например, Неси утверждает, что нельзя считать *uti possidetis* неким «чудом», способным эффективно разрешить все существующие территориальные и пограничные споры и конфликты. На его взгляд, применение принципа чревато серьезными юридическими и политическими проблемами³⁹. Иные франкоязычные авторы утверждают, что применение принципа не является политическим решением конфликтов и споров⁴⁰.

Существуют также определенные точки зрения против признания *uti possidetis* в качестве принципа международного права, в связи с его противоречивой природой. Другие ярые противники принципа утверждают, что *uti possidetis* не является принципом международного права и что нет никаких твердых оснований для его применения в международном праве⁴¹. Есть даже аргументы в пользу того, что принцип представляет собой концепцию, противоречащую основополагающим нормам и принципам международного права⁴².

Некоторые критики *uti possidetis*, утверждая, что он не может быть принят в качестве принципа международного права, в основном обосновывают это его конфликтом с правом народов на самоопределение⁴³. Сербский профессор Янков также считает *uti possidetis* противоречивым в связи с его конфликтом с правом народов на самоопределение⁴⁴. Она утверждает, что принцип, который противоречит праву народов на самоопределение – *jus cogens* норме международного права – не может признаваться принципом международного права. Она полагает, что принцип не может считаться нормой международного обычного права в связи с отсутствием основного элемента – отсутствия общепринятой практики государств по применению принципа⁴⁵. Однако в своей аргументации Янков приводит необоснованные доводы, при этом грубо игнорируя последнюю практику государств в связи с распадом СССР, ЮСФР и ЧССР.

Некоторые известные международники, специализирующиеся в области территории, поднимают вопрос о том, что в большинстве случаев бывшие административные границы, которые в соответствии с *uti possidetis* должны трансформироваться в международные, весьма размыты и не точны, что чревато возникновением дополнительных

этнических конфликтов⁴⁶. Австралийский международник Кольман свою критику *uti possidetis* аргументирует тем, что не всегда применение принципа в случае с нечеткими и размытыми границами может иметь положительный эффект. На его взгляд, *uti possidetis* часто не принимает во внимание компактное проживание этнических групп, которые могут быть разделены вследствие применения данного принципа. В качестве примера он приводит Югославию и Советский Союз, где он утверждает, что не были приняты во внимание исторические реалии «этнополитической каши», имевшей место на указанном пространстве⁴⁷.

Однако проведенный аналитический обзор показывает, что большинство критических взглядов по большей части лишены правовой аргументации, и они не опровергают основной аргумент о формировании *uti possidetis* как общего принципа международного права, который был эффективно применен для урегулирования некоторых территориальных споров в международном масштабе. Формирование *uti possidetis* в качестве общего принципа международного права было подтверждено многочисленными решениями международных судов и арбитражей в территориальных и пограничных спорах, а также относительно недавней практикой государств. Необходимо согласиться с позицией Шоу, который справедливо отмечает, что игнорирование принципа *uti possidetis* при разрешении территориальных и пограничных споров и конфликтов может привести к еще большему иностранному вмешательству и обострению вооруженных конфликтов; по его мнению, данный принцип выступает неким инструментом, который «способен остановить часы» в преддверии вооруженных территориальных или пограничных конфликтов⁴⁸. Иными словами, именно данный принцип в состоянии в какой-то мере предотвратить потенциальные кровопролитные территориальные или пограничные конфликты.

Critical Views on Principle of *uti possidetis* (Summary)

*Farhad Sabir oglu Mirzayev**

The paper deals with analysis of critical views on *uti possidetis* principle by various doctrines of international law. Four key arguments of critical approaches to *uti possidetis* principle are reviewed therein: (i) the principles' conflict with self-determination; (ii) its limitation to decolonisation processes; (iii) its controversial nature due to existence of two forms, *uti possidetis de jure* and *uti possidetis de facto* and (iv) lack of grounds to be accepted as a norm of customary international law. The relevant counterarguments are produced against critical views on *uti possidetis* principle.

Keywords: *uti possidetis*; critics of *uti possidetis*; principle of international law; boundary and territorial disputes and conflicts; state practice.

¹ Burkina Faso v Mali [1986] / ICJ Reports. P. 557.

² См., например: Международное право. Том 1. Под ред. А. Н. Вылегжанина. М. 2015. С. 24 и сл.

³ Shaw M., Peoples, Territorialism and Boundaries // European Journal of International Law № 3. 1997. P. 478–492.

⁴ Ibid.

⁵ Мирзоев Ф., Принцип *uti possidetis* в современном международном праве и его применение на постсоветском пространстве: Теория и практика // Право и Политика № 6(54). 2004. С. 43–53

⁶ EC Yugoslav Arbitration Commission Opinion No 2. [1992] // EJIL № 3. P. 183–185; EC Yugoslav Arbitration Commission Opinion No 3 [1992] // ILM № 31. P. 171; Terrett S., The Dissolution of Yugoslavia and the Badinter Arbitration Commission: A Contextual Study of Peace-Making Efforts in the Post-Cold War World (Ashgate, Dartmouth). 2000. P. 175–320

⁷ Malenovsky J., Problèmes Juridiques Lies a la Partition de la Tchecoslovaque // AFDI № 39. 1993. P. 305.

⁸ Craven M., The European Community Arbitration Commission on Yugoslavia // BYBIL № 66. 1995. P. 385; Ratner S., Drawing Better Line: Uti Possidetis and the Borders of New States // American Journal of International Law № 90. 1996. P. 613.

* Farhad Sabir oglu Mirzayev – PhD in Law (Leicester), LL.M (Nottingham), doctoral degree candidate at the Chair of International Law MGIMO-University MFA Russia; Senior Partner of BM Morrison Partners international law firm (London). fmirzayev@bmmorrison.co.uk.

- ⁹ Musgrave T., *Self-Determination and National Minorities*. (Univ. of Michigan, Clarendon Press). 1997. P. 233; Kreijen G., *State Failure, Sovereignty and Effectiveness* (Leiden, Martinus Nijhoff Publishers). 2004. P. 71–80.
- ¹⁰ Castellino J., *Title to Territory in International Law: A Temporal Analysis*. (Dartmouth, Ashgate Press). 2003. P. 75; Ratner S., *Op. cit.* P. 591.
- ¹¹ Lalonde S. N., *Determining Boundaries in a Conflicted World: The Role of Utī Possidetis* (Montreal, McGill Queens University Press). 2003.
- ¹² Hyde C. C., *International Law, Chiefly As Interpreted and Applied by the United States* (Vol. 1) (Boston, Little, Brown and Company) 1945. P. 508–509.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Fenwick C. G., *The Honduras-Nicaragua Boundary Dispute* // *AJIL* № 51(7). 1957. P. 61–765; Munkman A., *Adjudication and Adjustment International Judicial Decision and the Settlement of Territorial and Boundary Disputes* // *BYBIL* № 46. 1972. P. 93; Sharma S. P., *International Boundary Disputes and International Law: A Policy Oriented Study* (2nd edn) (Bombay, Tripathi) 1976. P. 120.
- ¹⁵ Parodi C. A. *Politics of South American Boundaries*. (Westport, Greenwood). 2002. P. 6.
- ¹⁶ Bluntschli M., *Le Droit International Codifié*. (Paris, Librairie de Guillaumin et Cie). 1870. P. 363.
- ¹⁷ Moore J. B., *Memorandum on Utī Possidetis: Costa Rica-Panama Arbitration 1911* / Moore J. B., *The collected Papers of John Bassett Moore* (Vol III) (New Haven, Yale University Press) 1944. P. 328–330.
- ¹⁸ Dias Van Dunem F. J., *Les Frontiers Africaines* (Unpublished PhD dissertation, Université d'Aix-Marseille) 1969. P. 260–261.
- ¹⁹ Клименко Б. М., *Государственная территория: Вопросы теории и практики международного права*. (Москва, Международные отношения). 1974. С. 18–20.
- ²⁰ Клименко Б. М. *Мирное решение территориальных споров*. (Москва, Международные отношения). 1982. С. 143.
- ²¹ Барсегов Ю. Г., *Территория в Международном Праве*. (Москва, Госюриздат). 1958. С. 231.
- ²² Lalonde S. N., *Op. cit.* P. 231.
- ²³ Vallat F., *First Report on Succession of States in respect of Treaties* // *YBILC* № I-1, S. 1. 1974. P. 77–80
- ²⁴ Odentum G. *Africa before the International Courts: The Generational gap in International Adjudication and Arbitration* // *Indian Journal of International Law* № 44(4). 2004. P. 701–748.
- ²⁵ *Burkina Faso v. Mali case*. *Op. cit.* P. 566–583 (ICJ dictum); Shaw M., *Op. cit.* P. 478–492.
- ²⁶ Bloomfield L. P., *Egypt, Israel and the Gulf of Aquaba*. (London, Kluwer Law International). 1957. P. 107–108.
- ²⁷ *Burkina Faso v. Mali case*. *Op. cit.* P. 65, 159. (Individual Opinion of Judge Abi Saab).
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Ratner S., *Op cit.* P. 614.
- ³⁰ Torres Bernardez S., *The 'Utī Possidetis Juris Principle' in Historical Perspective* / Zemanek K. (ed), *Volkerrecht Zwischen Normativem Anspruch und Politischer Realitat* (Berlin, Duncker & Humbolt) 1994. P. 420–435.
- ³¹ Radan P., *The Break-Up of Yugoslavia and International Law*. (London, Routledge). 2002; Radan P., *Post-Secession International Borders: Critical Analysis of the Opinions of*

the Badinter Arbitration Commission // Melbourne University Law Review № 24.1. 2000. P. 50–76.

³² Radan P., Post-Secession International Borders. Op. cit. P. 61–63; Pomerance M., The Badinter Commission: The Use and Misuse of the International Court of Justice's Jurisprudence // Mich J Int'l L № 20. 1998. P. 54–55.

³³ Lalonde S.N., Op. cit. P. 170–235.

³⁴ Burkina Faso v. Mali case. Op. cit. P. 554–566.

³⁵ Ibid.

³⁶ Cassese A., Self-determination of Peoples: Legal Reappraisal. (Cambridge, CUP). 1995. P. 192; Shaw M., Op. cit. P. 496–498.

³⁷ Van Dunem D., Op. cit. P. 260–261.

³⁸ Bluntschli M., Op. cit. P. 363.

³⁹ Nesi G., L'uti Possidetis hors de Contexte de la Décolonisation: le cas de l'Europe // AFDI № 44. 1998. P. 22–23

⁴⁰ Delcourt B., L'Application de L'Uti Possidetis Juris au Demembrement de la Yougoslavie: Regle Coutumiere ou Imperatif Politique? // Revue Belge de Droit International № 1. 1998. P. 76–106.

⁴¹ Lalonde S.N., Op. cit. P. 228–229.

⁴² Pradelle D., La Frontière: Etude de Droit International (Paris, Les Editions International) 1928, P. 86; Reisman M., Protecting Indigenous Rights in International Adjudication // American Journal of International Law № 89(2). 1995. P. 350; Waldock H.M., Disputed Sovereignty in the Falkland Island Dependencies / 25 BYBIL № 25. 1948. P. 225.

⁴³ Lalonde S.N., Op. cit. P. 231–245; Hasani E., Uti Possidetis Juris: From Rome to Kosovo // Fletcher Forum of World Affairs. 2003. P. 85.

⁴⁴ Jankov F., Coric V., The legality of Uti Possidetis in the Definition of Kosovo's Legal Status. European Society of International Law. 2012. URL: http://www.esil-sedi.eu/fichiers/fr/Agora_Fernandez_879.pdf.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Cukwurah A. O., The Settlement of Boundary Disputes in International Law (Manchester, Manchester University Press) 1967. P. 6.

⁴⁷ Coleman A., Resolving Claims to Self-Determination: Is There a Role for the International Court of Justice. (Abington, Routledge). 2013. P. 99–103.

⁴⁸ Shaw M., Op. cit. P. 478–492.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

«Экологизация» международных экономических отношений в контексте эволюции концепции устойчивого развития

*Боклан Д. С.**

В статье обосновывается необходимость взаимосвязи экономического развития и охраны окружающей среды. Устранение противоречий между экономическим развитием и охраной окружающей среды возможно на основе экологизации международных экономических отношений, под которой понимается смена антропоцентрического подхода на экоцентрический подход к устойчивому развитию.

Эволюция концепции устойчивого развития наглядно демонстрирует, что сегодня экономическое развитие ограничивается не уровнем научно-технического прогресса, а состоянием окружающей среды. Мы наблюдаем усиление влияния экологического компонента концепции устойчивого развития на ее экономический компонент. Принцип устойчивого развития сформировался как принцип международного права. Автором обосновывается точка зрения, в соответствии с которой принцип устойчивого развития необходимо рассматривать, как межотраслевой принцип международного экологического и международного экономического права.

Ключевые слова: устойчивое развитие; окружающая среда; экономическое развитие; международные экономические отношения; охрана окружающей среды.

* Боклан Дарья Сергеевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права Всероссийской академии внешней торговли. boklan5@yandex.ru.

Для преодоления экологического и экономического кризисов, усугубившихся в последние годы, экономическое развитие мирового сообщества должно быть обусловлено необходимостью охраны окружающей среды. Цели экономического развития и охраны окружающей среды должны быть взаимосвязанными и взаимодополняющими, а не противоречащими друг другу. На наш взгляд, устранение противоречий между экономическим развитием и необходимостью охраны окружающей среды возможно на основе экологизации международных экономических отношений в контексте концепции устойчивого развития, под которой понимается смена антропоцентрического подхода на экоцентрический подход к концепции устойчивого развития.

Как справедливо указывается в современной международно-правовой доктрине, центральным является вопрос о том, как совместить устойчивое развитие с охраной окружающей среды. Устойчивое развитие нельзя обеспечить, если будет нарушен безвозвратно баланс в окружающей среде. Охрана окружающей среды подразумевает сохранение устойчивого развития. Не понимать этого означает не понимать того, что представляет собой экологическое право¹.

Вопрос о взаимосвязи между экономическим развитием и ухудшением состояния окружающей среды был впервые включен в международную повестку более 40 лет назад в 1972 г. на проходившей в Стокгольме Конференции ООН по проблемам окружающей человека среды. В международно-правовой доктрине указывается на определяющую роль данной конференции, как отправной точки закрепления концепции устойчивого развития на международном уровне и налаживания организованных международных усилий, направленных на выработку всесторонней повестки дня по сохранению окружающей среды при одновременном содействии экономическому развитию².

Итогом Конференции стала Декларация Конференции Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей человека среды, в преамбуле которой указывается на то, что «сохранение и улучшение качества окружающей человека среды является важной проблемой, влияющей на благосостояние народов и экономическое развитие всех стран мира; это является выражением воли народов всего мира и долгом правительств всех стран. Наступил такой момент в истории, когда мы должны регулировать свою деятельность во всем мире, проявляя более тщательную заботу в отношении последствий этой деятельности для окружающей среды. Из-за неведения или безразличного

отношения мы можем нанести огромный и непоправимый ущерб земной среде, от которой зависят наши жизнь и благополучие». В соответствии с Принципом 2 Декларации «природные ресурсы земли, включая воздух, воду, землю, флору и фауну, и особенно репрезентативные образцы естественных экосистем, должны быть сохранены на благо нынешнего и будущих поколений путем тщательного планирования и управления по мере необходимости». В Принципе 5 указывается: «невозобновляемые ресурсы Земли должны разрабатываться таким образом, чтобы обеспечивалась защита от истощения этих ресурсов в будущем и чтобы выгоды от их разработки получало все человечество». Однако собственно понятие «устойчивое развитие» (sustainable development) впервые было введено Комиссией Брунтланд³ в докладе «Наше общее будущее» в 1987 г. В соответствии с определением Комиссии, «устойчивое развитие – это такое развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, но не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности»⁴. В докладе была предложена новая концепция развития, как альтернативный путь развития, основанного на неограниченном экономическом росте. Комиссия Брунтланд указывала на то, что для того, чтобы достичь устойчивого развития, необходим рост объема экономики в 5–10 раз за ближайшие 50 лет.

В течение двадцати последующих лет содержание устойчивого развития менялось, постепенно формировалось понимание того, что антропоцентрический подход не будет эффективным, и более, того, может привести к кризису, а не к развитию. В документе «В заботе о Земле. Стратегия устойчивости жизни», разработанным Всемирным союзом охраны природы, ЮНЕП и Фондом дикой природы в 1991 г. дается уже иное понятие: «устойчивое развитие это такое улучшение качества жизни людей, которое сохраняет потенциальную емкость экологических систем, обеспечивающих жизнь»⁵. В документе также указываются условия обеспечения устойчивого развития. Среди них, в частности следующие: воздействие человека на экосферу не должно превышать ее потенциальную емкость; сохранение возобновляемых ресурсов; расходование невозобновляемых ресурсов, не превышающее скорость создания их заменителей, с последующим прекращением использования невозобновляемых ресурсов; справедливое распределение выгод от и затрат на природопользование как внутри стран, так и между странами; внедрение более эффективных технологий в промышленности,

сельском хозяйстве, энергетике и пр.; использование экономических инструментов, учитывающих экологические ценности, часто не выражаемые количественно; совершенствование управления природопользованием. В этот же период концепция устойчивого развития постепенно признается и международно-правовой доктриной. Так, например, Бирни и Бойл указывают на то, что понимание устойчивого развития не нашло закрепление в нормах международного права, однако, со временем может стать императивной нормой международного права⁶.

В 1992 г. в Рио-де-Жанейро на конференции ООН была принята Декларация по окружающей среде и развитию, которая предусматривает принципы, устанавливающие права и обязанности государств в целях достижения устойчивого развития. Также была принята «Повестка дня на XXI век», которая является глобальным планом действий в интересах устойчивого развития. «Повестка дня на XXI век» и принципы Декларации Рио-92 сохраняют свою актуальность и сегодня. В указанных документах концепция устойчивого развития получила закрепление на многостороннем уровне. В Принципе 3 Декларации Рио-92 раскрывается содержание права на устойчивое развитие, под которым понимается следующее: «право на развитие должно быть реализовано, чтобы обеспечить справедливое удовлетворение потребностей нынешнего и будущих поколений в областях развития и окружающей среды».

Как указывал И. И. Лукашук, концепция права устойчивого развития связана с новым экономическим порядком. Ее главное содержание состоит в том, что для решения стоящих перед международным сообществом проблем необходимо обеспечить устойчивое социальное и экономическое развитие. Это необходимо для экономической и политической стабильности, обеспечения прав человека, для защиты окружающей среды⁷. Принципы 4 и 12 Декларации Рио-92 непосредственно указывают на взаимосвязь социально-экономического развития общества и состояния окружающей среды. Так в соответствии с Принципом 4 декларации Рио-92: «для достижения устойчивого развития защита окружающей среды должна составлять неотъемлемую часть процесса развития и не может рассматриваться в отрыве от него», а в соответствии с Принципом 12 Декларации Рио-92 «для более эффективного решения проблем ухудшения состояния окружающей среды государства должны сотрудничать в деле создания благоприятной и открытой международной экономической системы, которая

привела бы к экономическому росту и устойчивому развитию во всех странах». Далее в Принципе 12 Декларации Рио-92 указывается: «меры в области охраны окружающей среды, направленные на решение трансграничных или глобальных экологических проблем, должны, насколько это возможно, основываться на международном консенсусе».

Одним из наиболее эффективных способов достижения такого консенсуса является заключение универсальных и региональных международных договоров. Это подтверждается Преамбулой Декларации Рио-92, в соответствии с которой участники конференции прилагают «усилия для заключения международных соглашений, обеспечивающих уважение интересов всех и защиту целостности глобальной системы окружающей среды и развития».

В контексте Декларации по окружающей среде и развитию устойчивое развитие может быть также определено как экологически обоснованное экономическое и социальное развитие⁸.

В основе «Повестки дня на XXI век» лежит необходимость совместить экономическое развитие и охрану окружающей среды. Так в параграфе 2.2 Повестки указывается: «большое значение для устойчивого развития имеют как экономическая политика отдельных стран, так и международные экономические отношения». В соответствии с параграфом 2.3, «в рамках международной экономики следует обеспечить благоприятный климат для достижения целей в области окружающей среды и развития». В качестве основ таких целей Повестка указывает на необходимость создания взаимодополняющих и взаимоукрепляющих условий в области торговли и окружающей среды и поощрения макроэкономической политики, способствующей охране окружающей среды и развитию. В соответствии с параграфом 2.4 Повестки «правительства признают, что предпринимаются новые глобальные усилия с целью увязать элементы международной экономической системы и потребности человечества в обеспечении безопасных и стабильных природных условий».

В качестве основополагающих средств осуществления целей Повестки указаны международно-правовые документы и механизмы, которым посвящена глава 39 Повестки. В главе 39 указывается на необходимость дальнейшего развития международного права в области устойчивого развития с особым упором на обеспечение должного баланса между приоритетами охраны окружающей среды и потребностями развития и необходимость выявления и укрепления взаимосвязи

между существующими международными документами или соглашениями в области охраны окружающей среды и соответствующими соглашениями или документами по социальным и экономическим вопросам, с учетом особых потребностей развивающихся стран. В качестве одной из важнейших целей указывается развитие международного экологического права, в том числе, путем выявления и предотвращения существующих или потенциальных коллизий, в частности между соглашениями или документами в области охраны окружающей среды и соглашениями или документами по социальным и экономическим вопросам, для обеспечения отсутствия противоречий между положениями таких соглашений или документов. Также в параграфе 39.10 указывается на необходимость предотвращения и урегулирования споров в данной области. По итогам Конференции Организации Объединенных Наций по окружающей среде и развитию (ЮНСЕД) с целью обеспечения эффективной последующей деятельности в декабре 1992 г. Генеральной Ассамблеей ООН была учреждена Комиссия Организации Объединенных Наций по устойчивому развитию. Комиссия по устойчивому развитию (КУР) была создана в качестве функциональной комиссии Экономического и Социального Совета в соответствии с его решением 1993/207. Ее функции определены в резолюции 47/191 Генеральной Ассамблеи от 22 декабря 1992 года. Комиссии выступает в качестве форума высокого уровня по проблемам устойчивого развития.

Следующим этапом становления концепции устойчивого развития стала Глобальная конференция по устойчивому развитию малых островных развивающихся государств, проходившая в 1994 г. в Бриджтауне (Барбадос), на которой была принята Барбадосская программа действий, предусматривавшая меры по обеспечению устойчивого развития малых островных развивающихся государств. Стало складываться понимание того, что среди задач, которые необходимо решить для достижения цели устойчивого необходимо выделить следующие: потребление возобновляемых природных ресурсов с учетом их регенеративной способности (для государств – экспортеров природных ресурсов); скорость расходования невозобновляемых природных ресурсов должна быть ниже скорости образования их возобновляемых заменителей, а часть дохода, получаемого от использования невозобновляемых ресурсов, должна направляться на исследования путей получения устойчивых заменителей⁹; снижение уровня потребления природных ресурсов (для большинства развитых государств), поскольку истощение

природных ресурсов, прежде всего, связано с неэффективным потреблением и производством во многих промышленно развитых странах; предотвращение загрязнения окружающей среды (для всех государств).

В 1997 г. состоялась Специальная сессия Генеральной Ассамблеи в Нью-Йорке («Планета Земля+5»), на которой была принята Программа дальнейшего осуществления «Повестки дня на XXI век», включая программу работы Комиссии по устойчивому развитию на 1998–2002 гг. В 2002 г. в Йоханнесбурге (ЮАР) состоялась Всемирная встреча по устойчивому развитию, которая произвела оценку достижений, изменений и новых проблем, возникших за период, прошедший после встречи в Рио-де-Жанейро в 1992 г. Государства-участники согласовали Йоханнесбургскую декларацию по устойчивому развитию и План выполнения решений. Была расширена и усилена концепция устойчивого развития, особенно в отношении взаимосвязей между экономическим развитием и охраной природных ресурсов. В пункте 14 Йоханнесбургской декларации по устойчивому развитию указывается: «быстрая интеграция рынков, движение капиталов и значительное расширение инвестиционных потоков по всему миру обусловили новые проблемы и возможности на пути к обеспечению устойчивого развития». В Плане выполнения решений указывается на то, что государства должны сотрудничать в деле поощрения конструктивной и открытой международной экономической системы, которая способствовала бы экономическому росту и устойчивому развитию во всех странах, и в целях более эффективного решения проблем, обусловленных ухудшением состояния окружающей среды¹⁰.

В начале XXI в. эксперты указывали, на то, что в определении устойчивого развития, данного комиссией Брудтланд, отражен антропоцентрический подход, акцент сделан на экономический и социальные аспекты в большей степени, нежели экологический¹¹. Показательно, что не только люди далекие от науки, но и многие специалисты-экологи не осознали до сих пор, что же составляет центральный пункт глобальных изменений окружающей среды, произошедших за историческое время, и в особенности за последние 50–100 лет, в результате природоразрушительного развития экономики. Главные экологический итог хозяйственной деятельности человека – разрушение природных экосистем на огромных территориях суши, а также акваториях полузамкнутых морей и прибрежной океанической зоны¹². Социальное и экономическое развитие общества в той части, в какой оно связано с природой как

основой жизни и деятельности человека и общества, является постоянным и мощным фактором разнообразных вредных воздействий на природу¹³. Сегодня экосистема, как на глобальном, так и на региональном уровне не справляется с нагрузкой, которая бы позволила обеспечить указанный комиссией Брудтланд экономический рост. Основная причина – это осуществление хозяйственно-экономической деятельности без должного учета ее воздействия на окружающую среду. И снова мы наблюдаем эволюцию понятия «устойчивое развитие»: устойчивое развитие – это «такое развитие, при котором воздействия на окружающую среду остаются в пределах хозяйственной ёмкости биосферы, так что не разрушается природная основа для воспроизводства жизни человека». Под хозяйственной (экологической или несущей) ёмкостью биосферы понимается «предельное антропогенное воздействие, за которым в биосфере начинаются необратимые деградационные изменения»¹⁴.

Какого же содержание «устойчивого развития» сегодня? Традиционно выделяют три основных компонента концепции устойчивого развития: экономический, социальный и экологический. Кроме того в российской правовой доктрине за последние десять лет появилась концепция духовной составляющей устойчивого развития¹⁵. Эти компоненты являются взаимодополняющими и взаимно обуславливающими. Природные ресурсы и окружающая среда в целом являются основой социально-экономического развития. Поэтому для осуществления такого развития необходимо охранять окружающую среду и обеспечивать экологическую безопасность, рационально использовать природные ресурсы, в то время как неустойчивое производство и потребление ведет к деградация окружающей среды и, как следствие, к неустойчивому экономическому и социальному развитию или даже, напротив, к социально-экономическому кризису.

Устойчивость экономического развития представляет собой такое состояние экономики, при котором поддерживается стабильность выходных (конечных) параметров развития производственных, социальных и экономических показателей. Целью государственной экономической политики выступает достижение внутренней и внешней устойчивости системы. При этом внутренняя устойчивость предполагает такое состояние экономики, которое характеризуется стабильностью производства, цен, занятости и поддержанием определенного уровня жизни. Под внешней устойчивостью системы следует понимать устойчивость платежного баланса, положительное внешнеэкономическое

сальдо, стабильное состояние золотого запаса страны. При этом инструменты экономической политики на данном этапе включают такие элементы, как бюджетные, финансовые, налоговые, ценовые, внешнеторговые. Используя и комбинируя их, государство в состоянии достичь поставленных целей¹⁶. Таким образом, для достижения устойчивого развития мировая экономика должна перейти на модели устойчивого производства и потребления. Такой переход непосредственно связан с состоянием экосистемы, как на региональном уровне, так и на глобальном.

Переход к устойчивым моделям потребления и производства должен осуществляться в целях содействия социально-экономическому развитию, не выходящему за рамки ассимиляционного потенциала экосистем, путем ослабления, в соответствующих случаях, устранения связи между экономическим ростом и экологической деградацией посредством повышения эффективности и обеспечения устойчивости использования ресурсов и производственных процессов и сокращения масштабов деградации ресурсов, загрязнения и потерь¹⁷.

Что касается социального компонента, то в современной международно-правовой доктрине указывается, на то, что социальная справедливость – наиболее размытый аспект экологической справедливости, подразумевающий тесную связь экологических, социальных и экономических проблем¹⁸. Социальный компонент устойчивого развития наиболее очевидно проявляется в проблеме искоренения нищеты. Так, в числе задач, стоящих перед государствами для достижения устойчивого развития, можно, в частности, выделить: «обеспечение базового медицинского обслуживания для всех и уменьшение экологических угроз для здоровья, принимая во внимание особые потребности детей и взаимосвязь между нищетой, состоянием здоровья и окружающей средой, на основе предоставления финансовых ресурсов, технической помощи и передачи знаний развивающимся странам и странам с переходной экономикой»¹⁹. Развитие цивилизации, социальной группы или экономической системы на том или ином отрезке времени можно считать устойчивым, если оно сохраняет некий инвариант, в особенности, если речь идет о таких существенных свойствах системы, от которых зависит, например, ее выживание. Для цивилизации в целом таким инвариантом является тот предел ее давления на окружающую среду, за которым иссякают адаптационные возможности биосферы и начинается ее необратимая деградация²⁰. Еще одним проявлением

социального компонента концепции устойчивого развития является зависимость состояния здоровья человека от состояния окружающей среды. По оценкам ВОЗ почти четверть всех болезней развивается в результате воздействия окружающей среды, более 33% болезней детей в возрасте до 5 лет вызвано воздействием окружающей среды. Предотвращая риск воздействия окружающей среды, можно спасти жизнь 4 миллионов человек в год. По данным доклада ВОЗ «Профилактика болезней с помощью поддержания здоровой окружающей среды – к оценке бремени болезней, вызываемых окружающей средой»²¹, подготовленном в 2006 г., более 13 миллионов случаев смерти ежегодно происходит по причинам, связанным с окружающей средой, которые можно предотвратить. Следующие болезни имеют самое значительное общее ежегодное бремя, связанное с факторами окружающей среды, по количеству случаев смерти, болезни и инвалидности или по количеству лет жизни, утраченных в результате инвалидности (DALYs)²²: диарея, инфекции нижних дыхательных путей, непреднамеренные травмы, малярия, дорожно-транспортные травмы, хроническая обструктивная болезнь легких, перинатальные состояния²³. В Докладе указывается на то, что работа с такими секторами, как энергетика, транспорт, сельское хозяйство и промышленность, над искоренением основных экологических причин плохого здоровья имеет решающее значение.

По словам А. Нордстрема²⁴, разумные инвестиции в создание благоприятной окружающей среды могут быть успешной стратегией для улучшения здоровья и достижения устойчивого развития²⁵. Также в зарубежной международно-правовой доктрине высказывается идея о необходимости направления социального процесса на преодоление вызовов экологической устойчивости при помощи фундаментальной реорганизации институциональных механизмов, влияющих на взаимодействие человека и окружающей среды²⁶.

Экологически устойчивое развитие – это развитие общества, при котором уровень загрязнения окружающей природной среды в результате осуществления хозяйственно-экономической деятельности не превышает ассимиляционную способность природы, скорость потребления невозобновляемых природных ресурсов не превышает их способность к регенерации, а потребление невозобновляемых природных ресурсов, не превышает скорость создания их заменителей.

Как указывает М. Н. Копылов, «устойчивое развитие» следует понимать как развитие в согласии с требованиями законов устойчивости

биосферы, в пределах того коридора (хозяйственной емкости биосферы, а в локальных и региональных случаях – хозяйственной емкости соответствующих экосистем), который предопределен для цивилизации ограничениями и запретами, вытекающими из этих законов»²⁷. Экосистема выполняет две важнейшие функции: служит источником ресурсов и поглощает загрязняющие вещества, попадающие в нее в результате хозяйственно-экономической деятельности человека. В частности, к природным ресурсам, являющимся основой социально-экономического развития общества, относятся: пресная вода, биоресурсы океана, атмосфера Земли, почва, леса, невозобновляемые природные ресурсы, биоразнообразие и экосистема Земли в целом, включая космос.

Некоторые специалисты включают экосистему Земли и всю Вселенную в единую естественную экологическую систему. Так, в частности, М.М. Бринчук указывает на то, что между экосистемой Земли и Вселенной идет постоянный, непрерывный процесс взаимодействия. При этом как Космос влияет на развитие природы Земли, так, можно предположить, состояние экосистемы Земли влияет на состояние Вселенной. Из осознания космической доминанты развития естественной экосистемы Земли и самой жизни на Земле может быть сделан существенный вывод о научной необоснованности эгоистически проявляемой антропоцентрической парадигмы цивилизационного развития²⁸. Более того, в эколого-правовой доктрине высказывается точка зрения о том, что окружающей среде в целом и отдельным ее элементам необходимо даровать права в целях их защиты для будущих поколений²⁹. Человечество, являющееся частью природы, обязано при использовании окружающей среды учитывать интересы будущих поколений³⁰.

Таким образом, в случае истощения природных ресурсов и воздействия хозяйственно-экономической деятельности, превышающей возможности экосистемы по поглощению загрязнения и очистке, возникнет состояние экологической неустойчивости, и как следствие – социальной и экономической неустойчивости.

Постоянно усиливающееся давление цивилизации на биосферу, уже достигшее границ ее адаптационных возможностей, – наглядная иллюстрация экономического роста, попирающего любые ограничения и пределы. В самом деле, процесс становления и эволюции естественных экосистем, откуда, собственно, и заимствовано понятие *sustainability*, строится, по-видимому, на совсем иных основаниях, чем обустриваемый человеком мир, а их поведение характеризуется как раз

феноменом развития без роста. Возьмем ли мы тропический лес или тундровое сообщество – все эти эволюционно сложившиеся экологические системы давно уже развиваются только качественно, но не растут (во всяком случае, на протяжении длительного отрезка времени)³¹.

Следовательно, социально-экономическое устойчивое развитие невозможно обеспечить без экологически устойчивого развития. Значит, социально-экономическое развитие общества должно быть обусловлено природоохранными целями. Только в таком случае человеческое развитие во всех его проявлениях действительно будет устойчивым. В Плате выполнения решений встречи на высшем уровне по устойчивому развитию в качестве одной из целей указывается «укрепление согласованной, эффективной и целевой технической помощи, связанной с торговлей, и программ создания потенциала, в том числе программ, предусматривающих использование существующих и будущих возможностей доступа к рынкам и изучение взаимных связей между торговлей, окружающей средой и развитием»³².

Что касается духовной составляющей концепции устойчивого развития, то, по мнению М. М. Бринчука, причиной экологического кризиса, его главным фактором следует считать кризис духовный, порожденный материалистическим и потребительским мировоззрением³³.

К сожалению, отмечая значимость работы, проделанной под эгидой ООН, многие эксперты отмечают ее низкую эффективность и тот факт, что данная работа не принесет ожидаемых результатов³⁴. Похоже, что к началу XXI в. «эра Рио» подошла к закату, и мы являемся свидетелями зарождения новой «энергетическо-климатической эры»³⁵.

В июне 2012 г., спустя 20 лет после конференции по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро, страны вновь встретились на саммите «Рио+20», чтобы обсудить проблемы «зеленой» экономики, устойчивого развития и искоренения бедности. На саммите государства Евросоюза отстаивали природоохранные интересы, развивающиеся страны настаивали на возложении обязанностей на развитые страны в отношении финансово-технологической помощи их развитию. В результате было принято решение о разработке Целей устойчивого развития до 2015 г. Также государства поручили Статистическому управлению ООН разработать новые индикаторы устойчивого развития, которые бы дополнили ВВП и договорились расширить членство в Совете Управляющих ЮНЕП, не повысив, тем не менее, ее статус до специализированной организации в системе ООН.

На саммите была принята резолюция «Будущее, которого мы хотим»³⁶. Резолюция основывается на принципе «общей, но дифференцированной ответственности» государств с различным уровнем экономического развития. В документе подчеркивается необходимость действий для снижения уровня загрязнения океанов с целью сохранения морских экосистем и предусматривается укрепление Программы ООН по окружающей среде с увеличением ее финансирования.

Таким образом, сегодня содержание концепции устойчивого развития изменилось в направлении экологизации международных отношений в целом и международных экономических отношений, в частности.

Концепция устойчивого развития, поддержанная мировым сообществом, – новая парадигма перспективного и прогрессивного общественного развития, развития цивилизации, не имеющая разумной альтернативы³⁷.

Принцип устойчивого использования природных ресурсов устанавливает обязанность государств эксплуатировать природные ресурсы способом, который является «устойчивым» и «трансформирует» негативное обязательство («не причинять ущерб») в позитивное обязательство – «гарантировать устойчивое использование природных ресурсов»³⁸. Следовательно, можно говорить о формировании принципа устойчивого развития, как принципа международного права. На наш взгляд, данный принцип необходимо рассматривать как межотраслевой принцип международного экологического и международного экономического права, поскольку к международным отношениям по устойчивому развитию относятся, среди прочих, международные экологические и международные экономические отношения. Кроме того, принцип устойчивого развития закреплен как в источниках международного экологического права (например, в Конвенции о биологическом разнообразии 1992 г.), так и в источниках международного экономического права (например, Марракешском соглашении об учреждении ВТО 1994 г.).

Воздействие принципа устойчивого развития одновременно на международные экологические и международные экономические отношения проявляется также в его имплементации в национальном праве. Как справедливо указывает М. М. Бринчук, в технологическом процессе социально-экономического развития выделяются две стадии, на которых проявляется общественная потребность применения принципа устойчивого развития: (а) подготовки и принятия решения по намечаемой

экологически значимой деятельности и (б) на стадии производства экологически значимой продукции до ее появления на рынке, до ее внедрения в практику, до ее использования³⁹.

В международно-правовой доктрине высказывается мнение о том, что мы являемся свидетелями процесса формирования международно-правовых принципов устойчивого развития, на основе которых будут заключаться международные договоры в целях обеспечения более эффективного согласования экономических, социальных и экологических норм и режимов⁴⁰. Об этом свидетельствует и практика международных судебных учреждений. Так, во всех рассмотренных делах Международным судом ООН, Международным трибуналом по морскому праву, Органом по рассмотрению споров ВТО, где затрагивались экологические проблемы, затрагивались также и международные экономические отношения⁴¹.

Таким образом, эволюция концепции устойчивого развития наглядно демонстрирует, что сегодня экономическое развитие ограничивается не уровнем научно-технического прогресса, а состоянием окружающей среды. Например, промысел морских живых ресурсов ограничен не отсутствием необходимых технических средств, а сокращением численности того или иного вида морских живых ресурсов, вплоть до угрозы полного исчезновения. Следовательно, мы можем наблюдать усиление влияния экологического компонента концепции устойчивого развития на экономический компонент, то есть активно идущего процесса экологизации международных экономических отношений, вызванной острой необходимостью перехода от антропоцентрического подхода к развитию человечества к экоцентрическому подходу.

“Ecologization” of International Economic Relations in the Context of Evolution of Concept of Sustainable Development (Summary)

*Darya S. Boklan**

The article gives grounds for necessity of interconnection of economic development and environmental protection. Elimination of conflict between economic development and environmental protection is possible on the basis of ecologization of international economic relations, meaning substitution of anthropocentric approach for ecocentric approach to the sustainable development.

Evolution of the concept of sustainable development clearly shows that today economic development is not limited by the level of scientific and technological progress but by the state of environment. We are facing empowerment of environmental component of the concept of sustainable development comparing to its economic component. Principle of sustainable development has been formed as principle of international law. The author argues that principle of sustainable development is inter-branch principle of international environmental and international economic law.

Keywords: sustainable development; environment; economic development; international economic relations; environmental protection.

¹ Голицын В.В. Источники интерэкоправа: взгляд судьи международного трибунала по морскому праву из Гамбурга // Евразийский юридический журнал. – 2014. – № 8 (75) http://www.eurasialaw.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=6497:2014-09-30-10-41-17&catid=452:-8-75-2014&Itemid=763 (дата обращения: 10.11.14)

² Более подробно см. Caldwell L. K. International Environmental Policy: from the Twentieth to the Twenty-First Century. – Durham, NC: Duke University Press, 1996.

³ Гро Харлем Брудтланд (Gro Harlem Brundtland) – норвежский государственный деятель. Премьер-министр Норвегии в 1981, 1986–89, 1990–96 гг.

⁴ The Report of the Brundtland Commission, «Our Common Future», Oxford University Press. 1987. <http://www.un-documents.net/wced-ocf.htm> Our Common Future, Report of the World Commission on Environment and Development.

* Darya S. Boklan – Ph.D. in Law, associate professor of the department of International law of the Russian foreign trade academy. boklan5@yandex.ru.

⁵ Caring for the Earth: A Strategy for Sustainable Living. UCN-The World Conservation Union UNEP-United Nations Environment Programme WWF-World Wide Fund For Nature.// URL: <http://coombs.anu.edu.au/~vern/caring/caring.html> (дата обращения: 05.01. 2013 г.)

⁶ Birnie P. W. and Boyle A. E. International Law and Environment. – Oxford: Clarendon Press, 1992. – P.5

⁷ Лукашук И. И. Международное право. Особенная часть. 3-е изд., – М.: Волтерс Клувер, 2010. – С. 203.

⁸ Бринчук М. М. Концепция устойчивого развития как методологическая основа цивилизационного развития// Государство и право. – 2014. – № 10. – С. 16.

⁹ См. подробнее John Lemons, Laura Westra Robert Goodland Ecological Sustainability and Integrity: Concepts and Approaches. – London: Springer London, Limited, 1995. – P.55

¹⁰ Резолюция 2. План выполнения решений Всемирной встречи на высшем уровне по устойчивому развитию. Приложение. План выполнения решений Всемирной встречи на высшем уровне по устойчивому развитию. A/CONF.199/20. С. 70.

¹¹ Вылегжанина Е. Е. Основные тенденции развития экологического права Европейского Союза: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.10 / Вылегжанина Елена Евгеньевна. – М., 2005. С.35

¹² Данилов-Данильян В.И., Лосев К. С., Рейф И. Е. Перед главным вызовом цивилизации. Взгляд из России. – М.: ИНФРА-М, 2005. // URL: http://lit.lib.ru/r/rejf_i_e/peredglawnymwyzowomciwilizacii.shtml (дата обращения 5 января 2013 г.)

¹³ Бринчук М. М. Концепция устойчивого развития как методологическая основа цивилизационного развития// Государство и право. – 2014. – № 10. – С. 16.

¹⁴ Данилов-Данильян В.И., Лосев К. С., Рейф И. Е. Перед главным вызовом цивилизации. Взгляд из России. – М.: ИНФРА-М, 2005. // URL: http://lit.lib.ru/r/rejf_i_e/peredglawnymwyzowomciwilizacii.shtml (дата обращения 5 января 2013 г.)

¹⁵ См. более подробно Бринчук М. М. Концепция устойчивого развития как методологическая основа цивилизационного развития// Государство и право. – 2014. – № 10. – С. 15–24; Данилов-Данильян В.И., Лосев К. С., Рейф И. Е. Перед главным вызовом цивилизации. Взгляд из России. – М.: ИНФРА-М, 2005. // URL: http://lit.lib.ru/r/rejf_i_e/peredglawnymwyzowomciwilizacii.shtml (дата обращения 5 января 2013 г.)

¹⁶ Дохолян А. С. Проблемы устойчивого развития экономики региона // Современные проблемы науки и образования. – 2011. – № 5; URL: www.science-education.ru/99-4975 (дата обращения 15.12.2013)

¹⁷ Резолюция 2. План выполнения решений Всемирной встречи на высшем уровне по устойчивому развитию. Приложение. План выполнения решений Всемирной встречи на высшем уровне по устойчивому развитию. A/CONF.199/20. С. 16.

¹⁸ Gonzalez C. G. An Environmental Justice Critique of Comparative Advantage: Indigenous Peoples, Trade Policy, and the Mexican Neoliberal Economic Reforms//Journal of International law. University of Pennsylvania. – 2011. – № 32. – P. 728. Guha R. Environmentalism: A Global History. – N.Y.: Longman. – 2000. P. – 105.

¹⁹ Резолюция 2. План выполнения решений Всемирной встречи на высшем уровне по устойчивому развитию. Приложение. План выполнения решений Всемирной встречи на высшем уровне по устойчивому развитию. A/CONF.199/20. С. 16.

²⁰ Данилов-Данильян В.И., Лосев К. С., Рейф И. Е. Перед главным вызовом цивилизации. Взгляд из России. – М.: ИНФРА-М, 2005. http://lit.lib.ru/r/rejf_i_e/peredglawnymwyzowomciwilizacii.shtml (дата обращения 12.12.2013)

²¹ Официальный сайт ВОЗ. <http://www.who.int/mediacentre/news/releases/2006/pr32/ru/> (дата обращения: 26.07.2014)

²² DALYs = Годы жизни, утраченные в результате инвалидности: общее количество лет потенциальной жизни, потерянных в результате преждевременной смерти, и лет продуктивной жизни, утраченных в результате инвалидности.

²³ Диарея (58 миллионов DALYs в год; 94% бремени диарейных заболеваний), в значительной степени, из-за небезопасной воды, санитарии и гигиены. Инфекции нижних дыхательных путей (37 миллионов DALYs в год; 41% всех случаев в мире), главным образом, из-за загрязнения воздуха внутри помещений и снаружи. Непреднамеренные травмы, кроме дорожно-транспортных травм (21 миллион DALYs в год; 44% всех случаев в мире), классификация включает широкий диапазон несчастных случаев на производстве и рабочих местах. Малярия (19 миллионов DALYs в год; 42% всех случаев в мире), в значительной степени, в результате ненадлежащего управления водными ресурсами, плохих жилищных условий и неправильного землепользования, которые не позволяют вести эффективную борьбу с популяциями переносчиков болезни. Дорожно-транспортные травмы (15 миллионов DALYs в год; 40% всех случаев в мире), в значительной степени, в результате плохого городского и экологического проектирования транспортных систем. Хроническая обструктивная болезнь легких (ХОБЛ) – медленно развивающаяся болезнь, для которой характерна постепенная утрата легочных функций (12 миллионов DALYs в год; 42% всех случаев в мире), в значительной степени, в результате воздействий на рабочих местах пыли, дыма и других типов загрязненного воздуха внутри помещений и снаружи. Перинатальные состояния (11 миллионов DALYs в год; 11% всех случаев в мире). <http://www.who.int/mediacentre/news/releases/2006/pr32/ru/> (дата обращения: 26.07.2014 г.)

²⁴ Андреас Нордстрем – исполняющий обязанности Генерального директора ВОЗ в 2006–2007 гг.

²⁵ Официальный сайт ВОЗ. <http://www.who.int/mediacentre/news/releases/2006/pr32/ru/> (дата обращения: 26.07.2014)

²⁶ Kotze L. J. *Global Environmental Governance: Law and Regulation in the 21-th Century*. – Cheltenham: Edward Elgar. – 2012. – P. 194

²⁷ Копылов М. Н. Введение в международное экологическое право. – М.: РУДН, 2007. – С. 207.

²⁸ Бринчук М. М. «Вселенная – универсальная естественная экологическая система: эколого-правовой и философский аспекты» // Астраханский вестник экологического образования – 2011. – № 2(18) – С. 10

²⁹ Stone Ch. D. *Should Trees Have Standing? Law, Morality, and the Environment*. Third Edition. – N.Y.: Oxford University Press, 2010.

³⁰ Weiss E. B. *Our Rights and Obligations to Future Generations for the Environment*. // *American Journal of International Law* – 1990. – № 84 (198). <http://www.juridicas.unam.mx/publica/librev/rev/iidh/cont/13/dtr/dtr2.pdf>

³¹ Данилов-Данильян В. И., Лосев К. С., Рейф И. Е. Перед главным вызовом цивилизации. Взгляд из России. – М.: ИНФРА-М, 2005. http://lit.lib.ru/r/rejf_i_e/peredglawnymwyzowomciwilizacii.shtml (дата обращения 12.12.2013)

³² Резолюция 2. План выполнения решений Всемирной встречи на высшем уровне по устойчивому развитию. Приложение. План выполнения решений Всемирной встречи на высшем уровне по устойчивому развитию. A/CONF.199/20. С. 46.

- ³³ Бринчук М. М. Концепция устойчивого развития как методологическая основа цивилизационного развития// Государство и право. – 2014. – № 10. – С. 16.
- ³⁴ Бринчук М. М. Концепция устойчивого развития как методологическая основа цивилизационного развития// Государство и право. – 2014. – № 10. – С. 17.
- ³⁵ Friedman Th. Hot, Flat, and Crowded: Why We Need a Green Revolution and How It Can Renew America. – N.Y.: Farrar, Straus and Giroux, 2008. – P. 27.
- ³⁶ Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 27 июля 2012 г. «Будущее, которого мы хотим» A/RES/66/288. http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/66/288&Lang=R (дата обращения: 25.07.2014)
- ³⁷ Бринчук М. М. «Вселенная – универсальная естественная экологическая система: эколого-правовой и философский аспекты»//Астраханский вестник экологического образования – 2011. – № 2(18). – С.18–19
- ³⁸ Schrijver N. Sovereignty Over Natural Resources: Balancing Rights and Duties. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997. – P.130–132
- ³⁹ Бринчук М. М. Концепция устойчивого развития как методологическая основа цивилизационного развития// Государство и право. – 2014. – № 10. – С. 15
- ⁴⁰ Segger M. C., Khalfan A. Sustainable Development Law: Principles, Practices and Prospects. – Oxford: Oxford University Press, 2004. – P. 96
- ⁴¹ Дела, рассмотренные Международным Судом ООН: О юрисдикции над рыбными промыслами (ФРГ против Исландии) 1974 г.; Габчиково-Надьмарош (Венгрия против Чехословакии) 1997 г.; Целлюлозные заводы на реке Уругвай (Аргентина против Уругвая) 2010 г.; Китобойный промысел в Антарктике (Австралия против Японии) 2014 г. Дела, рассмотренные Международным трибуналом по морскому праву: О южном голубом тунце (Новая Зеландия против Японии, Австралия против Японии) (1999 г.); О заводе Мокс (Ирландия против Великобритании) (2001 г.); О расширении Сингапуром прибрежной полосы в проливе Джохор и вокруг него (Малайзия против Сингапура) (2003 г.); О сохранении и устойчивой эксплуатации запасов меч-рыбы в юго-восточной части Тихого океана (Чили/ Европейский Союз) (2009 г.); Дела, рассмотренные ОРС ВТО: Стандарты для переработанного и конвенционного бензина (1996 г.) (Бразилия и Венесуэла против Соединенных Штатов Америки); Запрет импорта креветок и продуктов из креветок. (1998, 2001) (Индия, Малайзия, Пакистан и Таиланд против Соединенных Штатов Америки); Меры, оказывающие влияние на асбест и продукцию, содержащую асбест. (2001) (Канада против Европейских сообществ); О мерах, касающихся импорта, маркировки и продажи тунца и продукции из тунца. (2012) (Мексика против США); О мерах, затрагивающих импорт и продажу товаров на внутреннем рынке (Плата за загрязнение окружающей среды) (2011) (Украина против Молдовы); О взимании «утилизационного сбора» в отношении автомобилей. (2013) (Евросоюз против России).

Ядерное разоружение и международно-правовое регулирование экологической безопасности

*Кукушкина А. В.**

В современном мире сохраняются проблемы, связанные с конфликтами и нестабильностью. Отсутствие прочного мира, распространение конфликтов, в том числе и вооружённых, накопление оружия, как ядерными державами, так и другими большими и малыми государствами, вызывает озабоченность мирового сообщества. Важной задачей в совершенствовании системы международно-правового регулирования защиты окружающей среды является совершенствование его договорной основы.

Ключевые слова: защита окружающей среды; ядерное разоружение; международное право окружающей среды.

В настоящее время международные договоры действуют во всех областях международных отношений. Существует большое количество международных договоров и в области ядерного разоружения и в области защиты окружающей среды.

Международный договор является оптимальной формой юридического закрепления природоохранных предписаний. Он формулирует ясно выраженные правила поведения, определяет субъектно-пространственные пределы их действия, учреждает институционный механизм контроля за правильным и добросовестным их применением¹.

Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой² – Московский договор 1963 года – имеет не только разоруженческий, но и природоохранный характер, о чём можно сделать вывод уже из преамбулы, где констатируется, что государства стремятся достичь навсегда прекращения всех испытательных взрывов ядерного оружия, чтобы положить конец заражению окружающей среды радиоактивными веществами.

В значительной мере необходимость заключения такого договора была вызвана опасностью радиоактивного загрязнения. Повсеместно

* Кукушкина Анна Викторовна – к. ю. н. доцент кафедры международного права МГИМО (У) МИД России. llc48@mail.ru.

с тревогой отмечалась надвигающаяся опасность радиоактивного заражения в результате испытаний ядерного оружия³.

Согласно оценкам, общее количество радиоактивных продуктов, выброшенных в атмосферу в результате всех атмосферных испытаний, проводившихся в течение многих лет, в 100–1000 раз превышает количество таких продуктов, выброшенных в результате аварии в Чернобыле⁴.

Ст. 1 Договора обязывает каждого участника запретить, предотвращать и не производить любые испытательные взрывы в атмосфере, за её пределами, включая космическое пространство, и под водой. Такие взрывы запрещаются и в любой другой среде, если они вызывают выпадение радиоактивных осадков за пределами территориальных границ государства, под юрисдикцией или контролем которого проводится такой взрыв. То есть, кроме глобального запрещения проведения испытаний ядерных взрывов в трёх средах, запрещены такие взрывы и в любой другой среде, в т. ч. и под землёй, если результатом этого является выпадение радиоактивных осадков за пределами государственных границ (например, выход радиоактивных газов в результате подземного ядерного взрыва и последующее выпадение радиоактивных осадков на территории другого государства).

Ссылаясь на ст. 1 США и СССР неоднократно обвиняли друг друга в нарушении положений Договора. С одной стороны, такие обвинения были результатом небрежности при проведении испытаний, допускаявшихся, прежде всего, Советским Союзом, когда испытываемое под землёй устройство помещалось на недостаточную глубину. С другой стороны, в их основе лежал спор относительно истинного толкования термина «осадки». Позиция Соединённых Штатов состоит в том, что данный термин включает газообразные вещества, в то время как Советский Союз считал, что его значение сводилось к частицам, выпадающим при взрыве⁵.

Одной из центральных задач Договора о частичном запрещении ядерных испытаний 1996 года является снижение радиационной опасности ядерных испытаний. И сейчас есть ещё немало примеров прорыва радиоактивных продуктов подземных ядерных испытаний, поэтому эта задача сохраняет свою актуальность.

В результате проведения испытаний США ядерного оружия в районе Маршалловых островов произошло загрязнение атмосферы и морской среды на огромных пространствах, от которого пострадали сами

американские граждане и жители атолла Ронгелап, а также японские рыбаки⁶.

Прорывы газов имели место на всех крупных испытательных ядерных полигонах, а в некоторых случаях они были зарегистрированы и за пределами национальных границ. В США серьёзный инцидент был связан с порывом радиоактивных газов в ходе испытаний, проходивших в Бейнберри, в декабре 1970 года, причём он был зарегистрирован и в Канаде. На Семипалатинском полигоне в Казахстане вследствие прорывов радиоактивных газов многие люди получили значительные дозы радиации. Одним из примеров прорыва радиоактивных газов на испытательном полигоне Новая Земля в арктической части России является ядерный взрыв 2 августа 1987 года, в результате которого возникла радиоактивность, зарегистрированная в Скандинавии⁷. Долгосрочные эффекты такого рода загрязнения изучены мало, и это, естественно, вызывает озабоченность.

Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний 1996 года, как отмечается в его преамбуле, также мог бы способствовать защите окружающей среды⁸. В соответствии со ст. 1 Договора каждое государство-участник обязуется не производить любой испытательный ядерный взрыв ядерного оружия и любой другой ядерный взрыв, а также запретить и предотвращать любой такой ядерный взрыв в любом месте, находящемся под его юрисдикцией или контролем.

Этот договор был подписан Российской Федерацией в сентябре 1996 г. и ратифицирован в мае 2000 г. Несмотря на то, что Договор пока не вступил в силу, он является важным инструментом в области ограничения ядерных вооружений и укрепления режима нераспространения, а также охраны окружающей среды от радиоактивного загрязнения.

Необходимо отметить большое природоохранительное значение Договора о запрещении ядерного оружия в Латинской Америке – Договора Тлателолко 1967 года⁹. Он объявил Латинскую Америку зоной, свободной от ядерного оружия.

Ст. 1 предусматривает, что государства-участники будут запрещать и предотвращать на своей территории:

а) испытание, использование, изготовление, производство или приобретение любым путём любого ядерного оружия самими этими сторонами, прямо или косвенно, от имени кого-либо другого или в любой другой форме и

б) получение, хранение, установку, размещение или любую форму владения любым ядерным оружием, прямо или косвенно, самими этими сторонами, кем-либо другим от их имени или в любой другой форме.

Помимо этого, стороны обязуются воздерживаться от прямого или косвенного проведения, поощрения или разрешения испытаний или какого-либо иного участия в испытаниях, использовании, изготовлении, производстве любого ядерного оружия, а также во владении или контроле над любым ядерным оружием.

Таким образом, договоров предусмотрено запрещение ядерного оружия на территории Латинской Америки в любой форме. Участники не только сами отказываются от испытаний или приобретения ядерного оружия, но и запрещают и предотвращают испытания или его размещение на своей территории третьими странами.

Для проверки соблюдения выполнения обязательств по договору создано Агентство по запрещению ядерного оружия в Латинской Америке (ОПАНАЛ).

Однако Договор Тлателолко объявляет Латинскую Америку безъядерной зоной только в военном отношении, разрешая ядерные взрывы в мирных целях (ст. 18). Но с точки зрения защиты окружающей среды радиационные последствия мирных атомных взрывов не отличаются от последствий испытаний атомного оружия. К недостаткам договора следует отнести и то, что он не запрещает транзит ядерного оружия через территории государств-участников.

Но, несмотря на эти недостатки, договор получил высокую оценку в правовой доктрине¹⁰. Он стал первым договором, объявившим целый материк зоной, свободной от ядерного оружия.

Более последовательным является Договор о безъядерной зоне в южной части Тихого океана (Договор Раротонга)¹¹. Его также следует отнести к группе договоров, носящих не только разоруженческий, но и природоохранительный характер. Так, уже в преамбуле стороны говорят о своей решимости оградить окружающую среду региона от заражения радиоактивными отходами и другими радиоактивными веществами.

В отличие от Договора Тлателолко, этот договор объявляет зону южной части Тихого океана полностью безъядерной зоной, запрещаются не только испытания ядерного оружия, но и взрывы в мирных целях, а также транспортировка. Термин «транспортировка» охватывается понятием «размещение», а под размещением понимается внедрение,

размещение, транспортировка по суше или внутренним водам, накопление, хранение, установка и развёртывание.

Даётся также толкование термина «ядерное взрывное устройство»: он означает любое ядерное оружие или другое взрывное устройство, способное выделять ядерную энергию, независимо от цели, для которой оно может быть использовано.

Ст. 3 говорит об отказе сторон от ядерных взрывных устройств, когда каждая сторона обязуется:

а) не производить и не приобретать любым путём, не владеть и не осуществлять контроль над любыми ядерными взрывными устройствами;

б) не стремиться получить и не получать любой помощи в производстве или приобретении любых ядерных взрывных устройств;

с) не предпринимать каких-либо действий для оказания помощи или поощрения к производству или приобретению любых ядерных взрывных устройств любым государством.

В процессе подготовки текста договора и протоколов к нему были приложены значительные усилия, чтобы учесть потребности США в обслуживании американских военных баз и объектов, находящихся в регионе, и тем самым облегчить Вашингтону его подписание и ратификацию. Из текста договора сознательно изъяты статьи, запрещающие появление в регионе военных судов с атомными двигателями или с ядерным оружием на борту, а также заход таких судов в порты стран южной части Тихого океана.

В докладе делегации конгресса США отмечалось, что на экологической обстановке в регионе неизбежно скажется отказ США ратифицировать протоколы к Договору Раротонга, который предусматривает провозглашение в регионе зоны, свободной от ядерного оружия, так как ядерные испытания или аварии на ядерных установках (реакторах) могут привести к заражению обширных районов океана¹². Запрещая размещение и испытания ядерных взрывных устройств (ст. 5, б) Договор Раротонга предусматривает недопущение захоронения отходов (ст. 7), причём каждая сторона обязуется:

А) не захоронять радиоактивные отходы и другие радиоактивные вещества в море где-либо в пределах безъядерной зоны южной части Тихого океана;

Б) не допускать захоронения радиоактивных отходов и других радиоактивных веществ кем-либо в своём территориальном море;

С) не предпринимать каких-либо действий для оказания содействия или поощрения захоронения кем-либо радиоактивных отходов.

С целью проверки соблюдения обязательств по договору сторонами создаётся система контроля, включающая в себя, в частности, применение к мирной ядерной деятельности гарантий МАГАТЭ.

Стороны обязались также содействовать скорейшему заключению конвенции, относящейся к защите природных ресурсов и окружающей среды района южной части Тихого океана и протокола к ней с целью недопущения захоронения в море радиоактивных отходов и других радиоактивных веществ.

В 1995 году был принят договор о зоне, свободной от ядерного оружия, в Юго-Восточной Азии (Бангкокский договор)¹³. Согласно ст. 3 Договора, каждое государство-участник обязуется в любом месте внутри или за пределами зоны:

а) не разрабатывать, не производить или не приобретать иным способом, не обладать или не осуществлять контроль над ядерным оружием;

б) не размещать или не перевозить ядерного оружия с помощью любых средств; или

с) не проводить испытаний или не применять ядерного оружия.

Согласно п. а) ст. 1 для целей настоящего Договора «Зона, свободная от ядерного оружия, в Юго-Восточной Азии», означает район, включающий территории всех государств Юго-Восточной Азии. П. 1 ст. 2 отмечает, что сферой действия настоящего Договора являются территории, континентальный шельф и ИЭЗ государств-участников в пределах зоны, в которой он имеет силу.

Нужно отметить, что после того, как в 1960 году Франция произвела свой первый испытательный взрыв в Алжире, Генеральная Ассамблея ООН по предложению африканских стран в 1961 году призвала все государства уважать Африку как безъядерную зону и воздерживаться от испытаний, хранения и транспортировки ядерного оружия на континенте¹⁴.

В 1996 году был принят Договор о зоне, свободной от ядерного оружия, в Африке (Договор Пелиндаба)¹⁵.

Согласно Договору каждая сторона обязуется:

а) не проводить исследований, не разрабатывать, не производить, не накапливать или иным образом приобретать, владеть или

осуществлять, контроль над любым ядерным взрывным устройством в любой форме и где бы то ни было;

б) не стремиться получить и не получать какую бы то ни было помощь в проведении исследований, разработке, производстве, накоплении запасов или приобретении или владении любым ядерным взрывным устройством;

с) не предпринимать каких-либо действий для оказания содействия или поощрения исследований, разработки, производства, накопления запасов или приобретения или владения любым ядерным взрывным устройством.

Также согласно ст. 5 каждая сторона обязуется:

а) не проводить испытания какого-либо ядерного взрывного устройства;

б) запрещать на своей территории испытания любого ядерного взрывного устройства;

с) не оказывать содействия или не поощрять испытания любого ядерного взрывного устройства любым государством где бы то ни было.

Новеллой договора по сравнению с договорами Тлателолко и Раротонга является обязательство государств-участников не осуществлять, не поддерживать и не поощрять любые действия, имеющие целью вооружённое нападение с применением обычных или иных средств на ядерные объекты в зоне, свободной от ядерного оружия, в Африке.

Договор о нераспространении ядерного оружия 1968 года¹⁶.

Его принятие стало итогом борьбы за нераспространение ядерного оружия, поскольку понимание того, что чем больше государств будет обладать ядерным оружием, тем сложнее будет достичь договорённости о его запрещении и тем выше будет вероятность возникновения ядерной войны, побудила большинство членов международного сообщества предпринять усилия по предотвращению такого процесса¹⁷. Председатель Совета управляющих МАГАТЭ Б. Гольдшмит, характеризуя договор 1968 года, не без оснований рассматривает его как уникальный в политической истории международно-правовой акт, призванный закрепить сложившееся положение и не допустить дальнейшего распространения ядерного оружия в тех странах, которые им не обладают¹⁸.

Государства-участники обязуются не передавать кому бы то ни было оружие или другие ядерные взрывные устройства, а также контроль над таким оружием или взрывными устройствами ни прямо, ни косвенно, равно как и никоим образом не помогать, не поощрять и не побуждать

какое-либо государство, не обладающее ядерным оружием, к производству или к приобретению каким-либо иным способом ядерного оружия или других ядерных взрывных устройств, а также контроля над таким оружием или взрывными устройствами (ст. 1). При этом участники обязуются не передавать прямо или косвенно оружие или контроль над ним не только другим государствам, но и кому бы то ни было. Таким образом, была решена проблема не передачи ядерного оружия или контроля через систему военных блоков.

В отношении государств, не обладающих ядерным оружием, запрещены любые действия подобного рода – как прямая помощь в производстве или приобретении оружия, так и поощрение или побуждение неядерных государств к таким действиям.

Ст. V Договора предусматривает, что государствам-участникам, не обладающим ядерным оружием, на недискриминационной основе должны быть доступны материальные блага от любого мирного применения ядерных взрывов, и они будут в состоянии получать такие блага в соответствии со специальным международным соглашением через соответствующий международный орган.

Договор о нераспространении ядерного оружия стал одним из крупных международно-правовых актов, направленных на ограничение гонки вооружений. Он сыграл важную роль в утверждении новых прогрессивных принципов и норм международного права в этой области. Способствуя устранению опасных последствий, которые могли бы последовать за распространением по планете самых разрушительных материальных средств ведения войны, он приобретает исключительно важное природоохранное значение¹⁹.

В 2002 году для регулярного обсуждения деятельности против распространения ОМУ была создана специальная рабочая группа Совета Россия-НАТО²⁰.

Договор о запрещении размещения на дне морей и океанов и в его недрах ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения 1971 года²¹ направлен на исключение из сферы гонки ядерных вооружений и других видов оружия массового уничтожения обширного географического региона – дна морей и океанов в согласованных пределах²².

Вопрос о заключении международно-правового акта, направленного на запрещение использования дна морей и океанов в военных целях, был поднят Советским Союзом в 1968 году в представленном

XXIII сессии Генеральной Ассамблеи ООН «Меморандуме о некоторых неотложных мерах по прекращению гонки вооружений и разоружению». В нём отмечалось, что «ход исследований и перспективы освоения дна морей и океанов позволяют поставить вопрос о своевременном закреплении в надлежащей форме такого режима, который обеспечил бы использование морского дна за пределами существующих территориальных вод только в мирных целях. Тем самым запрещалось бы, в частности, создание стационарных установок военного назначения на морском дне, а также иная деятельность военного характера»²³.

Обсуждение вопроса о заключении международно-правового акта, запрещающего использование дна морей и океанов в военных целях совпало с обсуждением в ООН другого не менее важного вопроса – обеспечения мирного использования дна морей и океанов за пределами действия национальной юрисдикции, который в значительной мере имел природоохранный характер. При этом Генеральная Ассамблея ООН в резолюции 2467 А (XXIII) от 21 декабря 1968 года рекомендовала Комитету по мирному использованию дна морей и океанов за пределами действия национальной юрисдикции осуществлять рассмотрение вопроса о сохранении исключительно для мирных целей дна морей и океанов, с учётом исследований и международных переговоров, предпринимаемых в области разоружения. 7 декабря 1970 года Генеральная Ассамблея ООН одобрила текст договора о запрещении размещения на дне морей и океанов и в его недрах ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения.

Основным в договоре является обязательство государств-участников не устанавливать и не размещать на дне морей и океанов и в его недрах за внешним пределом зоны морского дна какое-либо ядерное оружие или любые другие виды оружия массового уничтожения, а также сооружения, пусковые установки и другие устройства, специально предназначенные для хранения, испытаний или применения такого оружия (ст. 1).

Государства-участники приняли обязательство, направленное на уменьшение возможности размещения такого оружия на дне морей и океанов государствами, не участвующими в договоре, что нашло отражение в обязательстве участников договора не помогать, не поощрять и не побуждать какое-либо государство заниматься такой деятельностью.

Необходимо отметить, что помимо разоруженческого, договор имеет и большое природоохранительное значение. Он создаёт международно-правовые условия, способствующие предотвращению негативных экологических последствий гонки вооружений в морской среде²⁴. Одновременно, устраняя военную опасность, он создаёт благоприятные условия для международного сотрудничества в области рациональной эксплуатации природных ресурсов морей и океанов.

Но нельзя не отметить, что договор обеспечивает лишь частичную демилитаризацию дна морей и океанов. Его положения распространяются лишь на ядерное и другие виды оружия массового уничтожения, на иные же виды оружия они не распространяются.

В апреле 1995 года состоялась конференция государств-участников Договора о нераспространении ядерного оружия. Здесь впервые государствами Центральной Азии была выдвинута инициатива о создании зоны, свободной от ядерного оружия в Центральной Азии. Позднее государства региона подтвердили своё предложение в Алма-Атинской Декларации 28 февраля 1997 г., которая стала одним из итоговых документов встречи глав государств Центральной Азии по проблемам Аральского моря²⁵.

Ещё до принятия Договора в 2000 г. казахскими учёными было внесено предложение о том, что одним из новых аспектов зоны в Центральной Азии могло бы стать решение проблем окружающей среды. Было предложено принять новый дополнительный протокол по охране окружающей среды к основному тексту будущего договора²⁶.

И в 2006 году был принят Семипалатинский Договор о зоне, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии. Он стал новейшим договором среди всех договоров о безъядерных зонах²⁷.

В преамбуле Договора отмечается, что зона, свободная от ядерного оружия, в Центральной Азии будет представлять собой важный шаг на пути к укреплению режима ядерного нераспространения, развитию сотрудничества и использованию ядерной энергии в мирных целях, развитию сотрудничества в экологической реабилитации территорий, пострадавших от радиоактивного заражения, и укреплению регионального и международного мира и безопасности. Также здесь отмечается, что в ряде регионов, включая Латинскую Америку и Карибский бассейн, южную часть Тихого океана, Юго-Восточную Азию и Африку, созданы зоны, свободные от ядерного оружия, в которых обладание ядерным оружием, его разработка, производство, привнесение и развертывание,

а также применение или угроза его применения запрещены, и стремясь распространить такой режим на всю планету на благо всего мирового сообщества постановили создать в Центральной Азии зону, свободную от ядерного оружия.

В п. а) ст. 1 отмечается, что «зона, свободная от ядерного оружия, в Центральной Азии» включает Республику Казахстан, Кыргызскую республику, Республику Таджикистан, Туркменистан и Республику Узбекистан.

В п. б) отмечается, что «ядерное оружие или другое ядерное взрывное устройство» означает любое оружие или другое взрывное устройство, способное выделять ядерную энергию, независимо от военной или гражданской цели, для которой это оружие или устройство может быть использовано. Этот термин включает такое оружие или устройство в несобранном или частично собранном виде, но не включает средства транспортировки или доставки такого оружия или устройства, если они отделимы от него и не являются неотъемлемой его частью.

В п. с) отмечается, что «размещение» означает ввоз, помещение, накопление, хранение, установку и развёртывание.

Пункт d) констатирует, что «ядерный материал» означает любой исходный или специальный расщепляющийся материал, как он определён в ст. XX Устава МАГАТЭ с учётом поправок, вносимых время от времени МАГАТЭ.

Согласно п.е) «радиоактивные отходы» означают любой радиоактивный материал, т.е. любое вещество, содержащее радионуклиды, которое будет или уже было выведено из практического применения и более не используется, активность которого и концентрация активности радионуклидов в котором превышают уровни, ниже которых предусматривается освобождение от действия международных норм, опубликованных МАГАТЭ;

В п. f) говорится, что «установка» означает:

i) реактор, критическую сборку, завод по конверсии, завод по изготовлению, перерабатывающую установку, установку для разделения изотопов или отдельное хранилище; или

ii) любое местонахождение, где обычно используется ядерный материал в количествах, превышающих один эффективный килограмм.

В ст. 3 отмечается, что каждая сторона обязуется:

а) не проводить исследований, не разрабатывать, не производить, не накапливать запасов или иным образом не приобретать, не обладать

или не осуществлять контроль над любым ядерным оружием или любым другим ядерным взрывным устройством в любой форме и где бы то ни было;

Также в п. 2 отмечается, что каждая Сторона обязуется не допускать захоронение радиоактивных отходов других государств на своей территории.

Ст. 5 запрещает испытания ядерного оружия или других ядерных взрывных устройств.

Ст. 6 посвящена экологической безопасности. Здесь отмечается, что каждая Сторона обязуется содействовать любым усилиям по экологической реабилитации территорий, загрязнённых в результате прошлой деятельности, связанной с разработкой, производством или хранением ядерного оружия или других ядерных взрывных устройств, в частности, хвостохранилищ и ядерных испытательных полигонов.

Также в соответствии со ст. 13 оговорки к Договору не допускаются.

К Договору прилагается Протокол, в ст. 1 которого отмечается, что каждая Сторона Протокола обязуется не применять ядерное оружие или другое ядерное взрывное устройство и не угрожать их применением против любой Стороны Договора. Этот Договор является самым последовательным из всего ряда договоров о безъядерных зонах. К сожалению, дополнительный протокол по охране окружающей среды принят не был, но представляется, что в будущем это будет сделано.

В заключение нужно отметить, что с учётом сформировавшегося принципа экологической безопасности представляется необходимым принять международно-правовой документ, где были бы закреплены отраслевые принципы охраны окружающей среды, и в первую очередь – принцип экологической безопасности. Также с учётом требований настоящего времени предлагаем внести дополнения в договоры по разоружению, учитывающие требования экологической безопасности.

Nuclear Disarmament and International Legal Regulation of Ecologic Security (Summary)

*Anna V. Kukushkina**

Conflicts and security problems continue to make part of contemporary world. The spread of conflicts, including armed conflicts, accumulation of weapons and nuclear build-up by nuclear powers and other big and small states are all of serious concern for the international community. The development of the body of international agreements in the sphere of protection of environment is of critical importance.

Keywords: environment protection; nuclear disarmament; international environmental law.

¹ Тимошенко А. С. Формирование и развитие международного права окружающей среды. М., 1986. С. 73.

² Международное право в документах. М., 1982. С. 676–678.

³ Подробнее см.: Калядин А. Н. Проблема запрещения испытаний и распространения ядерного оружия. М., 1979. С. 10–124; Международное атомное право / Отв. ред. А. И. Иойрыш, А. М. Петросян, В. Ф. Петровский. М: Наука, 1987. С. 368.

⁴ Док. ООН A/46/364. С. 13.

⁵ Томас Грэм мл. Ограничение ядерных вооружений // Международное право и международная безопасность. М., 1991. С. 110.

⁶ Блищенко И. П., Дориа Ж. Прецеденты в международном публичном и частном праве. М., 1999. С. 451–452.

⁷ Письмо представителя Норвегии от 29 мая 1992 г. на имя Генерального секретаря Конференции по разоружению. CD/1151. 1992. June 1.

⁸ Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний 1996 года // Действующее международное право. Избранные документы. М., 2002. С. 489–512.

⁹ Международное право в документах. М., 1982. С. 723–732.

¹⁰ Подробнее см.: Рошин А. А. Международная безопасность и ядерное оружие. М., 1980. С. 209; Петров М. Безъядерная зона в Латинской Америке (к истории заключения Договора о запрещении ядерного оружия в Латинской Америке 1967 г.) // Международная жизнь. 1974. № 4. С. 44–57; Грос Эспизль. Нераспространение ядерного оружия в Латинской Америке // Бюллетень МАГАТЭ. 1980. Кн. 222. № 3–4. С. 151–160.

¹¹ См. Документ Конференции по разоружению CD/633.

* Anna V. Kukushkina – PhD in Law, assistant professor of the Chair of International Law MGIMO-University MFA Russia Ilc48@mail.ru.

¹² Problems in paradise: United States Interests in the South Pacific: Report of a congress delegation to the South Pacific, August 5–16, 1989. Washington: Government print off., 1990. VII. 101-st Congress, 2-nd session.

¹³ Действующее международное право. Избранные документы. / Отв. ред. Ю. М. Колосов, Э. С. Кривчикова. М., 2002. С. 569–578.

¹⁴ Подготовленный в Пелиндабе текст Договора о зоне, свободной от ядерного оружия, в Африке / Вступит. коммент. В. А. Романова // Московский журнал международного права. 1997. № 3. С. 174.

¹⁵ Действующее международное право. Избранные документы. / Отв. ред. Ю. М. Колосов, Э. С. Кривчикова. М., 2002. С. 578–589.

¹⁶ Действующее международное право. Избранные документы. / Отв. ред. Ю. М. Колосов, Э. С. Кривчикова. М., 2002. С. 513–520.

¹⁷ Иванченко Н. С. Природоохранный аспект международно-правовой проблемы разоружения. Л., 1983. С. 111.

¹⁸ Гольдшмит Б. Переговоры, предшествовавшие заключению Договора о нераспространении // Бюллетень МАГАТЭ. 1980. Кн. 22. № 3/4. С. 142; См. также: Нераспространение ядерного оружия. М.: Международные отношения, 1993.

¹⁹ Морохов И. Д. Договор о нераспространении ядерного оружия в действии // Советское государство и право. 1974. № 1. С. 110–112; Шестов В. Договор о нераспространении в действии (к 5-летию с начала подписания договора) // Международная жизнь. 1973. № 7. С. 32–42.

²⁰ Бюллетень Брифинг НАТО. Борьба с оружием массового уничтожения. 2005. Март. С. 6.

²¹ Действующее международное право. Избранные документы. / Отв. ред. Ю. М. Колосов, Э. С. Кривчикова. М., 2002. С. 517–520.

²² Подробнее см.: Давыдов В. Ф. Нераспространение ядерного оружия и политика США. М., 1980. С. 89; Исразян В. Л. Организация Объединённых Наций и разоружение. М., 1981. С. 89.

²³ Doc. UN A/7134.

²⁴ Никольский Н. М., Гришин А. В. Научно-технический прогресс и международные отношения. М., 1978. С. 217.

²⁵ Алма-Атинская Декларация 28 февраля 1997 г. // Архив Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Казахстан.

²⁶ Аманжолов Ж. М. К вопросу о создании зоны, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии // Московский журнал международного права. 2000. № 4. С. 221.

²⁷ Текст договора: материалы Russian mission to the UN 31 August 2006. 10 p.

Международные режимы международного экологического управления: постановка проблемы

*Мохаммад Сарвар Мохаммад Анвар**

В статье обосновывается необходимость формирования международных режимов международного экологического управления в условиях отсутствия единой глобальной экологической политики и улучшения качества окружающей среды несмотря на заключаемые новые международные экологические договоры и соглашения. Предлагается авторское определение международного режима международного экологического управления как сочетание международных учреждений, обычных норм и принципов, а также резолюций и формальных договоров, предписывающих действия государств в отношении конкретного предмета, проблемы или региона. Доказано, что если в сфере управления природными ресурсами определен международный опыт накоплен, то в отношении международных экологических проблем управление является более сложным в силу научной неопределенности, комплексного ухудшения состояния окружающей среды, а также трудностей принятия и выполнения международных обязательств государствами как на своей территории, так и в жестком согласовании с другими государствами.

Ключевые слова: международный режим; международное экологическое управление; международное экологическое соглашение; «мягкое» право; международная организация.

В том значении, в каком понятия «международное экологическое управление» и «международные режимы» используются в настоящей статье, еще каких-то 50–60 лет назад не были знакомы ни международному экологическому праву, ни международному праву в целом. Принятые в 1958 г. четыре Женевские конвенции по морскому праву могут служить доказательством правомерности такого высказывания.

Между тем, именно «ресурсный» аспект в последние годы привлекает наибольшее внимание в силу неотвратимости наступления ресурсного (природного) голода, прежде всего, в сфере энергетических

* Мохаммад Сарвар Мохаммад Анвар – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и практики Института иностранных языков РУДН. etimakina@yandex.ru.

ресурсов: нефти и газа¹, которые очень неравномерно распределены между государствами и различными территориями.

Неслучайно поэтому именно ресурсному аспекту проблемы международного управления уделяет главное внимание К. А. Бекашев, говоря о рыбном промысле: «Целенаправленное волевое воздействие на субъектов промысла в смысле организации и координации их деятельности в процессе охраны, воспроизводства, оптимального использования ресурсов, изучения и таксации их, предотвращения загрязнения морской среды»². Иными словами, управление осуществляется для того, чтобы определенным образом упорядочить деятельность субъектов международного права в сфере охраны окружающей среды, следовательно, прежде всего, осуществить организацию регулирования международных экологических отношений.

Международное экологическое управление может осуществляться в различных областях, к примеру, управление в области сохранения биоразнообразия, управление в области борьбы с изменениями климата, управление в области обращения с опасными отходами, управление трансграничными водотоками³ и т.д. Международное экологическое управление в отдельных сферах решает конкретные вопросы, связанные с сохранением и рациональным использованием ресурсов, защитой окружающей среды, обеспечением экологической безопасности и пр.

Основным способом такого управления является регулирование, посредством которого государства и созданные ими международные организации и иные структуры формулируют правила, обязательные для выполнения теми субъектами, которые непосредственно занимаются вопросами эксплуатации природных ресурсов или разрабатывают рекомендации, которые следует принимать во внимание, чтобы повысить эффективность режима охраны.

Отталкиваясь от этих базовых положений, Н. А. Соколова выработала свое определение понятия «международное управление в сфере охраны окружающей среды»: это «реализуемое на основе и в рамках международного права целенаправленное воздействие, охватывающее, в первую очередь, процессы регулирования и организации со стороны международного сообщества на международные отношения с целью обеспечения экологической безопасности и устойчивого развития, которое осуществляется, главным образом, непосредственно государствами и через международные межправительственные организации»⁴.

При всем понимании причин, побудивших Н. А. Соколову дать именно такое определение международному управлению в сфере охраны окружающей среды, нельзя не заметить, что его основу составляют базовые понятия и терминология, заимствованные из административного права, которое принципиально отличается от международного права по методам своего воздействия на общественные отношения. Еще более странным выглядит включение в указанное определение в качестве цели управления достижения экологической безопасности понятия, которое, несмотря на поставленную Президентом РФ 20 ноября 2013 г. задачу разработать Стратегию экологической безопасности России, не получило единодушной поддержки в российской доктрине экологического/международного экологического права в качестве самостоятельной предметной области⁵. Многие российские ученые-экологи, например, М. М. Бринчук, до сих пор считают одной из серьезных ошибок авторов Конституции России 1993 г. включение в ст. 72 в качестве предмета совместного ведения Федерации и субъектов Федерации указания на обеспечение экологической безопасности наряду с охраной окружающей среды⁶.

Как бы там ни было, будущий миропорядок в целом должен основываться на коллективных механизмах решения мировых проблем, что особенно важно сегодня, когда, как подчеркивает министр иностранных дел РФ С. В. Лавров, у мирового сообщества пока нет единой стратегии решения основных глобальных проблем⁷.

Прогнозируя развитие международных отношений в XXI в., Л. Н. Галенская полагает, что «государства будут все более активно сотрудничать по экологическим вопросам, что приведет к появлению всеобъемлющих договоров в данной сфере, в которых более остро будут поставлены проблемы ответственности государств»⁸.

Современный «экологический императив» требует комплексного воздействия на международные отношения, которое, проходя различные стадии, образует процесс международного управления.

Как отмечают специалисты, в настоящее время в отношении сферы охраны окружающей среды пока что выстраивается путь «кризисного управления»⁹ или (более адекватный термин) «антикризисного управления»¹⁰.

Напомним, что под кризисным/антикризисным управлением обычно понимают международное или иностранное управление в период кризиса (социального, политического, экологического, административного

и т. п.), охватывающего соответствующий район (территорию) или объект (вид деятельности).

Всесторонняя интеграция государств и регионов как общая тенденция мирового развития влечет за собой создание общих/единых экономических, правовых, информационных пространств¹¹. Поэтому в XXI в. человечество, по убеждению проф. А. Л. Колодкина, «будет постепенно формировать единую Глобальную систему управления международными процессами, состоящую из отдельных подсистем по разным сферам общественной жизни»¹².

Воздействие на отношения по использованию природных ресурсов и охране окружающей среды должно осуществляться в соответствии с императивными нормами общего международного права¹³, прежде всего, его основными принципами.

А. Я. Капустин подчеркивает эвристический и инновационный характер концепции глобального управления. Он полагает, что она способна «оказать влияние на перемены в международно-правовой системе и сформировать современные институционные механизмы для решения глобальных проблем современного мира»¹⁴.

Говоря так, А. Я. Капустин ссылается на мнение Б. К. Вудварда, который считает, что «современное употребление термина «глобальное управление» в контексте международного права касается регулирующих механизмов в глобальной сфере как юридически обязательных норм, так и многочисленных не обязывающих норм»¹⁵. Эти механизмы, как он полагает, получают свое развитие «через публичное и частное политическое взаимодействие», при этом «они стремятся к решению проблем, затрагивающих более чем одно государство или регион, когда нет силы, или она имеется в ограниченных пределах, обеспечивающей такое согласие, какое существует в международно-правовой системе».

Комиссия по глобальному управлению определила его как сумму из многих способов действий индивидов и организаций, общественных и частных, управляющих общими делами, как «продолжающийся процесс, посредством которого конфликтные и противоречивые интересы могут быть приспособлены друг к другу... Не существует никакой единой модели глобального управления... Это обширный, динамичный, сложный процесс взаимодействия в принятии решений»¹⁶. По мнению Л. Кимболла, «отношения между глобальными, региональными, национальными и локальными организациями – правительственными и неправительственными – становятся расширяющейся сетью

международного управления, которое приведет к ещё более широкому взаимодействию в будущем»¹⁷.

Мы полностью согласны с точкой зрения Ю. Н. Малеева, который полагает, что международное управление – это «внешнее (совместными усилиями иностранных государств или международной организации) управление наднационального характера делами данного государства, кризисной ситуацией или районом (ресурсами, деятельностью) в пределах международной территории общего пользования по договору между заинтересованными государствами или по решению международной организации»¹⁸.

При этом следует иметь в виду наличие весьма многочисленных разновидностей международного управления, о двух из которых мы уже упоминали выше (кризисное/антикризисное).

Международное совместное управление – это управление специально выделенными районами (объектами) по договору между государством места нахождения района или объекта управления (государство – реципиент) и другим государством или другими государствами (государства – доноры) или международной организацией, в соответствии с которым государство – реципиент также выступает стороной системы управления объектом в рамках специально созданного для этих целей международного органа. Примером может служить проект российско-американского международного парка «Берингия»¹⁹.

Международное раздельное управление – управление специально выделенными трансграничными районами (объектами) или их частью по внутригосударственному закону или по договору между государством места нахождения района (объекта) управления и другим государством или другими государствами или международной организацией, в соответствии с которым государство места нахождения района (объекта) управления самостоятельно управляет районом (объектом) управления или его частью, соглашаясь на контроль со стороны другого государства или международной организации²⁰.

Существуют также: Международное глобальное управление, Международное региональное управление, Международное местное управление, Иностранное управление, Посткризисное управление.

Международное экологическое управление не может осуществляться вне определенной организационной/институциональной системы. Речь идет о том, кем и каким образом оказывается постоянное воздействие на международные экологические отношения с целью достижения

благоприятного и безопасного состояния окружающей среды. Организационная функция обеспечивает жизнеспособность системы международного экологического управления для решения текущих задач и корректировки системы в случае необходимости.

При этом полная централизация международного экологического управления невозможна: не может быть целью объединение всех существующих международных институтов, действующих в сфере охраны окружающей среды. Достаточно напомнить о той реакции, которую продемонстрировали, например, ЮНЕСКО и ФАО, когда в декабре 1972 г. была учреждена ЮНЕП в качестве вспомогательного органа Генеральной Ассамблеи ООН, наделенная функциями координации деятельности в сфере охраны окружающей среды всех структурных элементов семьи ООН²¹. Свою актуальность и ценность сохраняют также региональные программы, управление которыми не может осуществляться из единого центра²².

В настоящее время каждая международная организация создает, по сути, автономный режим управления как в отношении природных ресурсов (к примеру, управление морскими живыми ресурсами²³), так и в отношении международных экологических проблем. Однако если в сфере управления природными ресурсами определенный международный опыт накоплен, то в отношении международных экологических проблем управление является более сложным в силу научной неопределенности, комплексного ухудшения состояния окружающей среды, а также трудностей принятия и выполнения международных обязательств государств как на своей территории, так и в жестком согласовании с другими государствами.

Трудности формирования глобальной системы международного управления заключаются в существовании множественности международных подсистем, действующих в сфере охраны окружающей среды, которые должны взаимодействовать между собой. Это может быть как иерархическое взаимодействие, к примеру, продиктованное приоритетом обязательств по одному международному договору в отношении иных соглашений, так и координационное, к примеру, между международными организациями, которые не подчинены друг другу. В данном случае императив управления будет определяться объективно существующей целостностью окружающей среды. Управление также осуществляется и внутри указанных договорных и организационных систем.

В международном сообществе управление осуществляется на различных уровнях. В конечном итоге, в основе формирования определенной модели международного экологического управления лежат процессы глобализации и растущей экологической зависимости интересов государств в различных сферах и по различным направлениям.

Государствам предстоит еще много сделать, причем не только на пути выработки и принятия конкретного документа, призванного прийти на смену Киотскому протоколу, но и на пути разработки целой системы международных экологических соглашений, которые были бы скоординированы между собой и не вступали в противоречие между собой²⁴. Иными словами, государствам необходимо договориться относительно целей и политики, если они хотят добиться реального прогресса. Студентам и ученым не удастся понять глобальную экологическую политику в той или иной области, если их внимание будет сосредоточено только на одном отдельно взятом договоре, а не на всей системе принципов, норм, правил, процедур и институтов – иначе говоря на международном режиме, который государства и иные акторы создали и имплементировали в конкретной области.

Понятие «международный режим» широко применяется для обозначения сочетания международных учреждений, обычных норм и принципов, а также резолюций и формальных договоров, предписывающих действия государств в отношении конкретного предмета, проблемы или региона²⁵.

Полезным может оказаться и такое формальное определение: система принципов, норм, правил, операционных процедур, институтов, которую создают государства и иные акторы, или которую они принимают для регулирования и координации своих действий в конкретной проблемной области международных отношений. При этом принципы представляют собой убежденность и прямоту суждений. Нормы являются стандартами поведения. Правила предписывают конкретное поведение. Операционные процедуры – это преобладающая практика для деятельности в рамках режима, включающая в себя и те практики, которые используются для выработки, принятия и имплементации коллективного выбора. Институты – это механизмы и организации для имплементации, управления, оценки и расширения режима и режимной политики²⁶.

При этом основная ответственность за выработку международных режимов по-прежнему лежит на государствах в силу их места и роли в международной нормативной системе, хотя и участие других акторов

в отдельных случаях может оказаться решающим в создании международного режима. Аналогичным образом, несмотря на то, что сердцевину международного режима составляют формальные международные договоры и соглашения, являющиеся юридически обязательными, режимы могут также базироваться на документах международного частного права, «мягком праве» и на иных договоренностях при условии, что с ними согласны заинтересованные в этой проблемной области акторы, которые воспринимают их как создающие принципы, нормы и процедуры, руководящие их поведением.

Если режим является эффективным, то он с помощью своих принципов способствует уточнению международных целей в проблемной области, содействует оформлению международного поведения для достижения общей цели через свои нормы и правила, управлению взаимодействием государств, усилению сотрудничества и координации при выработке политики, уменьшению конфликтности и облегчению выработки новых соглашений.

Одним из наиболее развитых и наиболее эффективных глобальных экологических режимов является режим охраны стратосферного озона.

Международные соглашения, которые определяют основные элементы созданного режима, включают в себя Венскую конвенцию об охране озонового слоя 1985 г., Монреальский протокол по веществам, разрушающим озоновый слой 1987 г. и четыре Поправки. Но и в этом списке можно выделить наиболее важные соглашения: Монреальский протокол 1987 г., Лондонские поправки 1990 г., Копенгагенские поправки 1992 г., Венские поправки 1995 г., Монреальские поправки 1997 г. и Пекинские поправки 1999 г.

Все это привело к тому, что производство и потребление озоно-разрушающих веществ в мире стало резко сокращаться, а в таких государствах, как США и иные индустриально развитые страны – были ликвидированы.

Важным элементом международного режима охраны озонового слоя являются учрежденные, действующие на постоянной основе органы. Высшим руководящим органом Монреальского протокола является Конференция Сторон, которая уполномочена принимать поправки к Протоколу и юридически обязательные решения по вопросам, касающимся его осуществления.

Созданный в рамках Лондонских поправок 1990 г. Многосторонний фонд призван оказывать помощь развивающимся государствам в их

переходе от использования озоноразрушающих веществ к деятельности в рамках требований Протокола и решений Конференции Сторон.

Органом Многостороннего фонда, уполномоченным принимать решения, является Исполнительный комитет.

Группа Всемирного банка, ПРООН, ЮНЕП, ЮНИДО были назначены официальными органами по имплементации, которые исполняют рабочие планы, одобренные и финансируемые Многосторонним фондом. Секретариат Многостороннего фонда осуществляет сегодня управленческие функции в интересах самого Фонда и его Исполнительного комитета.

Основные принципы режима охраны озонового слоя (убеденность, причинность, прямота) провозглашены в Венской конвенции и Монреальском протоколе, в частности в их преамбулах.

Более того, поскольку режим охраны озонового слоя существует уже более четверти века, многие из операционных процедур уже хорошо укоренились и составили четкие добросовестно соблюдаемые прецеденты для рассмотрения, развития, принятия решений, полномочий и осуществления глобальной политики охраны озонового слоя.

Сравнительный анализ уровней развития и влияния различных режимов существенно отличается в точках пересечения.

И хотя некоторые из договоров, направленных на сохранение дикой природы, датируются началом XX в., значение транснациональной экологической политики существенно выросло после проведения в 1972 г. в Стокгольме Конференции ООН по проблемам окружающей человека среды.

Далее попытаемся представить международные экологические режимы вместе с образующими их международными договорами и организациями.

- Международно-правовой режим управления в области предотвращения изменения климата.

Компоненты климатического режима включают в себя принципы, нормы, правила и процедуры, содержащиеся в Рамочной конвенции ООН об изменении климата 1992 г. (РКИК) и Киотском протоколе 1997 г., а также международные органы и организации, непосредственно связанные с этой Конвенцией: Секретариат, МГЭИК, Климатическая программа ГЭФ, Конференция Сторон и ее многочисленные вспомогательные органы.

- Международный режим управления оборотом опасных отходов.

В центре международного режима управления оборотом опасных отходов лежат Базельская конвенция о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением 1989 г. и связанные с ней соглашения, которые призывают участников минимизировать образование опасных отходов, обеспечивать их обоснованное регулирование и удаление, ограничить, снизить или запретить их трансграничные перемещения, в том числе принимать меры по предотвращению незаконного оборота и наказанию за него.

- Международный режим управления токсичными химическими веществами.

Этот режим образуют несколько международных соглашений, являющихся автономными, но в то же время все более и более взаимосвязанными. Стокгольмская конвенция о стойких органических загрязнителях 2001 г. исключает или ограничивает производство, использование, торговлю и высвобождение определенных химических веществ. Первоначально предметом ее регулирования были девять токсичных химических веществ. В 2009 г. к ним добавились 9 веществ. Список таких веществ может и далее дополняться в результате переговоров участвующих в Конвенции государств. Роттердамская конвенция о процедуре предварительного обоснованного согласия в отношении отдельных опасных химических веществ и пестицидов в международной торговле 1998 г. облегчает обмен информацией в отношении опасных химических веществ, способствует общей ответственности экспортирующих и импортирующих стран относительно их торговли, позволяет странам ограничивать импорт некоторых веществ до тех пор, пока они в ясной форме не дадут предварительного обоснованного согласия на такой импорт. Стратегический подход к международной инициативе в области управления химическими веществами является политической базой, которая способствует рациональному регулированию химических веществ на протяжении всего их жизненного цикла, с целью, чтобы к 2020 г. химические вещества во всем мире производились и использовались таким образом, чтобы свести к минимуму значительные неблагоприятные воздействия на здоровье человека и окружающую среду. Международный режим управления токсичными химическими веществами включает в себя также ряд других международных органов и сетей, таких как секретариаты договоров, Программа ООН по химическим веществам, Межправительственный форум по химической безопасности, что содействует управлению химическими веществами экологически обоснованным образом.

Являясь центральными звеньями в трех взаимосвязанных между собой областях обращения с токсичными отходами и химическими веществами, Базельская, Стокгольмская и Роттердамская конвенции в настоящее время осуществляют курс на более тесную координацию в попытках создания более эффективного глобального управления токсичными химическими веществами и отходами²⁷. Параллельно с процессом реализации Стратегического подхода к международной инициативе в области управления химическими веществами стороны, поддерживающие его, выступают за создание более широкого глобального режима управления химическими веществами, который призван уменьшить их негативное воздействие на всех стадиях их жизненного цикла, включая производство, использование, торговлю, управление запасами и отходами и размещение.

- Международный режим управления биоразнообразием.

Он направлен на защиту разнообразия видов, экосистем и генетического разнообразия. Центральными звеньями этого режима, основанного на Конвенции о биоразнообразии 1992 г., являются Секретариат Конвенции и соответствующая деятельность Глобального экологического фонда.

- Международный режим управления некоторыми исчезающими видами и защитой мест обитания.

Этот режим направлен на защиту специфических видов животных и растений или специфических типов экосистем. В более широком смысле международно-правовой режим управления биоразнообразием должен включать в себя режим управления сохранением отдельных видов и режимы сохранения отдельных экосистем, представляющих собой исключительную важность для сохранения биоразнообразия. Тем не менее, подобно режимам управления токсичными отходами, международно-правовые режимы управления отдельными видами животных и растений, а также различными местами обитания вовлечены сегодня в процесс взаимодействия, что позволяет рассматривать их как самостоятельные, но взаимно поддерживающие друг друга режимы. К их числу можно отнести Вашингтонскую конвенцию о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения 1973 г., Рамсарскую конвенцию о водно-болотных угодьях, имеющих международное значение главным образом в качестве мест обитания водоплавающих птиц 1971 г., Боннскую конвенцию о сохранении мигрирующих видов диких животных 1979 г. Помимо этих

трех универсальных конвенций некоторые ученые, как, например, Дэвид Л. Дауни²⁸, включают в этот список еще и Конвенцию по регулированию китобойного промысла 1946 г. По нашему глубокому убеждению, Конвенция 1946 г. первоначально действительно была нацелена на сохранение запасов китов, но постепенно была переориентирована ее участниками на запрет добычи отдельных видов китов, который, как показала практика, в настоящее время не является эффективным.

- Международный режим управления предупреждением загрязнения Мирового океана.

Этот режим направлен на сокращение загрязнения Мирового океана сбросами с судов. Он включает в себя Конвенцию по предотвращению загрязнения моря сбросами отходов и других материалов 1972 г., Конвенцию MARPOL 73/78, Международную конвенцию по обеспечению готовности на случай загрязнения нефтью, борьбе с ним и сотрудничеству 1990 г. и иные документы, принятые в рамках ИМО по данному вопросу.

- Международный режим управления Средиземным морем.

В данном случае Средиземное море символизирует региональный подход ЮНЕП к решению проблемы предотвращения загрязнения Мирового океана в рамках Программы региональных морей ЮНЕП²⁹. Именно Средиземное море, по которому в настоящее время принято и введено в действие более дюжины международных договоров и соглашений, явилось первым регионом, в отношении которого начала осуществляться программа региональных морей ЮНЕП.

- Международный режим управления опустыниванием.

Этот режим направлен на уменьшение деградации земель и скорости распространения процесса опустынивания. Он включает в себя Конвенцию ООН по борьбе с опустыниванием в тех странах, которые испытывают серьезную засуху и/или опустынивание, особенно в Африке 1994 г., образованные этой Конвенцией органы и учреждения и связанную с осуществлением этой Конвенции деятельность Глобального экологического фонда.

- Международный режим управления экосистемами Антарктики.

Сегодня этот режим образуют сам Договор об Антарктике 1959 г., Конвенция о сохранении тюленей Антарктики 1972 г., Конвенция о сохранении морских живых ресурсов Антарктики 1980 г., Конвенция по регулированию освоения минеральных ресурсов Антарктики 1988 г. (не вступила в силу), Протокол об охране окружающей среды

к Договору об Антарктике 1991 г. и Соглашению о сохранении альбатросов и буревестников (качурок) 2001 г.³⁰

- Международный режим предотвращения трансграничного загрязнения воздуха в Европе.

Этот режим включает в себя также США и Канаду и базируется на Конвенции ЕЭК ООН о трансграничном загрязнении воздуха на большие расстояния 1979 г. и дополняющих ее восьми Протоколах.

Существование международных режимов во многих ключевых областях природоохранной деятельности не должно заслонять тот факт, что создание и внедрение эффективной глобальной экологической политики являются непростыми задачами. На создание каждого из указанных выше международных режимов экологического управления ушло немало времени, но тем не менее некоторые из них продолжают оставаться слабыми и достаточно неэффективными (например, изменение климата, опустынивание и глобальное биоразнообразие). Поэтому весьма важным является понимание тех препятствий, которые мешают формированию глобальной экологической политики.

Можно выделить четыре типа таких препятствий:

- системные препятствия;
- процедурные препятствия;
- нехватка необходимых и достаточных условий;
- препятствия, характеризующие международные экологические проблемы.

Все эти категории препятствий с очевидностью переплетаются и варьируются в зависимости от предметной области и от конкретного государства. Тем не менее, эти категории являются оптимальным отправным пунктом для изучения того, почему государства до сих пор не в состоянии выработать более эффективную глобальную экологическую политику по отношению ко многим природоохранным проблемам, а ограничиваются констатацией существующих экологических угроз и вызовов, которые имеют тенденцию возрастать.

International Regimes of International Environmental Governance: Statement of the Problem (Summary)

*Mohammad Sarvar Anvar**

The necessity of formation of Inter-native modes of international environmental governance in the absence of a single, global environmental policy and environmental improvements despite conclusion of new international environmental treaties and agreements is argued. The author's definition of an international regime of international environmental governance as a combination of international institutions, customary norms and principles, as well as formal resolutions and treaties prescribing actions the State shall in respect of a particular subject or problem in the region is suggested. It is proved that if the management of natural resources has gained some international experience, in relation to international environmental issues management is more complex due to scientific uncertainty, complex environmental degradation, and the difficulties of adoption and implementation of international obligations of States on their territory and hard harmonization with other states.

Keywords: international regime; international environmental governance; international environmental agreement; «soft» law; international organization.

¹ См.: Фишер С., Дорнбуш Р., Шалензи Р. Экономика. – М., 1998. – С.659–660; Зикиряходжаев Л.Д. Международно-правовой режим трансграничных минеральных ресурсов. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2006. – С. 8–9.

² Бекяшев К. А. Международно-правовое управление морским рыболовством. Дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1985. – С. 178; Бекяшев К. А., Сапронов В. Д. Мировое рыболовство: вопросы международного сотрудничества. – М., 1990. – С. 12.

³ Подробнее см.: Копылов М. Н., Мохаммад С. А., Сасиев К. Х. Обеспечение экологической безопасности трансграничного водотока в системе управления им // Международное право – International Law. – 2007. – № 4 (32). – С. 153–183.

* Mohammad Sarvar Anvar – PhD in Law, associate professor of the Department of theory and practice of the Institute of foreign languages, Russian Peoples' Friendship University. etimakina@yandex.ru.

- ⁴ Соколова Н. А. Международно-правовые проблемы управления в сфере охраны окружающей среды / отв. ред. К. А. Бекашев. – М.: Проспект, 2010. – С. 33.
- ⁵ См., например: Копылов М. Н. О предмете международного экологического права // Актуальные проблемы развития экологического права в XXI веке: Труды Института государства и права РАН / отв. ред. М. М. Бринчук, О. Л. Дубовик. – М., 2007. – С. 83–92.
- ⁶ См.: Бринчук М. М. Охранять окружающую среду или обеспечивать экологическую безопасность? // Государство и право. – 1994. – № 8/9. – С. 118–127; Бринчук М. М. Обеспечение экологической безопасности как правовая категория // Государство и право. – 2008. – № 9. – С. 30–42.
- ⁷ См.: Лавров С. Демократия, международное управление и будущее мироустройство // Россия в глобальной политике. – 2004. – Т. 2. – № 6 (ноябрь–декабрь). – С. 9.
- ⁸ Галенская Л. Н. Тенденции развития правового регулирования международных отношений в XXI веке // Международные отношения и право: взгляд в XXI век: Материалы конференции в честь профессора Л. Н. Галенской / под ред. С. В. Бахина. – СПб., 2009. – С. 34.
- ⁹ См.: Лебедева М. М. Изменение политической структуры мира на рубеже веков // Международные отношения в XXI веке: новые действующие лица, институты и процессы: Материалы международной межвузовской конференции РАМИ, МГИМО (У) МИД России, ИСИ ННГУ. 29–30 сентября 2000 г. / под общ. ред. О. А. Колобова. – М.: МГИМО (У) МИД России, 2001. – С. 10.
- ¹⁰ См.: Ларионов И. К. Антикризисное управление. – М.: МГСУ, 2005; Зуб А. Т. Антикризисное управление. – М.: Аспект Пресс, 2005.
- ¹¹ См.: Ярышев С. Н. Единое экономическое пространство в системе международного экономического права. – М.: ИД Юрис Пруденс, 2010.
- ¹² Колодкин А. Л. Международная научно-практическая конференция «Мир, безопасность, международное право: взгляд в будущее» // Правоведение. – 2003. – № 5. – С. 5.
- ¹³ Об императивных нормах см.: Галенская Л. Н. Основные принципы международного права // Международное право: вчера, сегодня, завтра. К 100-летию со дня рождения Р. Л. Боброва. Тезисы докладов. Санкт-Петербург, 8–9 октября 2010 г. / Под ред. С. В. Бахина. – СПб.: Россия-Нева, 2010. – С. 10–11; Шестаков Л. Н. Императивные нормы в системе современного международного права. – М., 1982; Shelton D. Normative Hierarchy in International Law // American Journal of International Law. – 2006. – Vol. 100. – № 2. – P. 291–323.
- ¹⁴ Капустин А. Я. Международные организации в глобализирующемся мире. – М.: РУДН, 2010. – С. 130.
- ¹⁵ Woodward B. K. Global Civil Society and International Law in Global Governance: Some Contemporary Issues // International Community Law Review. – 2006. – Vol. 8. – № 2–3 – P. 250.
- ¹⁶ Commission on Global Governance. Our Global Neighbourhood. November 2004. Ch. 1. URL: <http://humanbeingsfirst.files.wordpress.com/2009/10/cacheof-pdf-our-global-neighborhood-from-sovereignty-net.pdf>
- ¹⁷ Kimball L. Forging International Agreement: Strengthening Intergovernmental Institutions for Environment and Development. – Washington: World Resources Institute, 1992. – P. 2.
- ¹⁸ Малеев Ю. Н. Перспективы международного управления // Вестник Московского государственного открытого университета. – 2007. – № 4 (29). – С. 7–16.

¹⁹ Подробнее см.: Транин А. А. О проекте международного парка «Берингия» (Организационно-правовые вопросы) // Советское государство и право. – 1991. – № 3. – С. 96–100; Копылов М. Н., Якушева Е. А. Арктическому Совету – 10 лет // Образование. Наука. Творчество. – Нальчик; Армавир, 2006. – № 2. – С. 155–163.

²⁰ Пример последнего: Беловежская пуца, где с 2004 г. установлено раздельное управление: одна треть Пуци управляется Польшей, а другая треть Пуци, управляемая Республикой Беларусь, включена в Список всемирного культурного и природного наследия.

²¹ Подробнее см.: Копылов М. Н. Международная Экологическая Администрация // Закон и право. – 1998. – № 10. – С. 32–36.

²² Подробнее см.: Нгуен К. Т. АСЕАН: Экология, политика, международное право / под ред. М. Н. Копылова. – М.: АДС Групп, 2013.

²³ См.: Бекашев К. А. Морское рыболовное право. – М., 2007. – С. 289–294.

²⁴ См.: Шайдуллина А. А. Международно-правовая охрана биологического разнообразия в условиях меняющегося климата // Международное право – International Law. – 2011. – № 1–2 (45–46). – С. 304–308.

²⁵ См.: International Regimes / S. D. Krasner (ed.). – N.Y.: Cornell University Press, 1983.

²⁶ См., например: Haas E. On Systems and International Regimes // World Politics. – 1975. – Vol. 27. – P. 147–174; Keohane R., Nye J. Jr. Power and Interdependence: World Politics in Transition. – Boston: Little, Brown, 1977; Young O. International Regimes: Problems of Concept Formation // International Organization. – 1980. – Vol. 32. – P. 331–356; Krasner S. International Regimes. – Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1983; Haggard S., Simmons B. Theories of International Regimes // International Organization. – 1987. – Vol. 41. – P. 491–517; Gehring Th. International Environmental Regimes: Dynamic Sectoral Legal Systems // Yearbook of International Environmental Law. – London, 1990. – Vol. 1.

²⁷ Этому вопросу, в частности, была посвящена Конференция Сторон Роттердамской конвенции в 2008 г.; Конференция Сторон Базельской конвенции в 2008 г.; Конференция Сторон Стокгольмской конвенции в 2009 г. и совместное чрезвычайное заседание Конференций Сторон всех трех конвенций в 2010 г.

²⁸ См.: The Global Environment: Institutions, Law, and Policy. – 3rd Edition / R. S. Axelrod, S. D. VanDeveer, D. L. Downie (eds). – Washington: CQPress, 2011. – P. 76.

²⁹ См.: Копылов М. Н., Копылов С. М., Мохаммад С. А. ЮНЕП и международно-правовая защита морской среды // Евразийский юридический журнал. – 2010. – № 11 (30). – С. 42–47

³⁰ См., например: Копылов М. Н., Циприс М. С. Еще одно соглашение в системе Договора об Антарктике 1959 г. // Международное право – International Law. – 2009. – № 1 (37). – С. 141–152.

Имплементация ст. 20 Конвенции ООН против коррупции 2003 г. в российское уголовное законодательство

*Беляева Ю.Л.**

В статье рассматривается вопрос о необходимости имплементации в российское уголовное законодательство ст. 20 Конвенции ООН против коррупции 2003 года, закрепляющей норму о незаконном обогащении. Препятствия на пути криминализации статьи связаны с принципами презумпции невиновности, а также правом гражданина не свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, гарантированными Конституцией РФ. Проведен подробный анализ данных принципов с точки зрения международного права, а также возможность их соблюдения при реализации статьи о незаконном обогащении. Обусловлена и аргументирована правомерность и необходимость включения нормы о незаконном обогащении в российское уголовное законодательство.

Ключевые слова: противодействие коррупции; Конвенция ООН против коррупции 2003 г.; незаконное обогащение; презумпция невиновности; справедливость судебного разбирательства; Европейский Суд по правам человека.

В настоящее время международно-правовая антикоррупционная нормативная база обладает широким перечнем документов как на универсальном, так и на региональном уровнях. Как отмечается в научной литературе, сотрудничество государств в сфере предупреждения

* Беляева Юлия Леонидовна – адъюнкт кафедры прав человека и международного права Московского Университета МВД России имени В.Я.Кикотя. Ms.JLBelyaeva@gmail.com.

и пресечения коррупции является составной частью международных отношений¹, и его значение заключается не только в становлении механизмов противодействия коррупции, но и в формировании единого мирового «антикоррупционного языка», без которого эффективная антикоррупционная политика является невозможной².

Создание механизмов по имплементации международных антикоррупционных стандартов является одной из важнейших целей международного противодействия коррупции как со стороны международного сообщества, так и для каждого государства в части взятых на себя международных антикоррупционных обязательств³.

По данным Transparency International⁴ в рейтинге Индекса Восприятия Коррупции за 2014 год из 175 исследуемых государств, Россия по уровню коррупции занимает 136 место, разделив его с такими странами как Камерун, Иран, Киргизстан, Ливан и Нигерия⁵.

Следует обратить внимание на официальную статистику, озвученную официальным представителем Следственного комитета России Владимиром Маркиным: размер причиненного ущерба по направленным в суд уголовным делам по коррупционным преступлениям в 2014 году составил 14,7 миллиарда рублей, вместе с тем, что размер возмещенного ущерба составил 5 миллиардов рублей⁶.

Эти данные свидетельствуют о серьезности и актуальности проблемы коррупции в Российской Федерации. Соответственно, нам следует особенно внимательно относиться к международному сотрудничеству в данной сфере, соблюдению принятых международных обязательств, а также к рекомендациям универсальных и региональных организаций, в которых мы принимаем участие.

Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 г.⁷ (далее – Конвенция ООН 2003 г.) является основополагающим международно-правовым актом, который вводит всеобъемлющий пакет стандартов, мероприятий и правил в области борьбы с коррупцией⁸. Она обязывает государства к принятию мер по противодействию всем формам коррупции, как в государственном, так и в частном секторе. Число участников этого договора постоянно растет и на данный момент составляет 171 государство.

Что касается Российской Федерации, она одна из первых подписала Конвенцию в 2003 году, а позднее ратифицировала Федеральным Законом от 8 марта 2006 г. № 40-ФЗ⁹. Также Российской Федерацией, в области противодействия коррупции, ратифицированы следующие

международно-правовые акты: Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности 1990 г.¹⁰, Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию 1999 г.¹¹, Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г.¹², Конвенция ОЭСР по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок 1997 г.¹³

Наиболее актуальной и значимой для России является Конвенция ООН против коррупции 2003 г., поскольку универсальные принципы противодействия коррупции, изложенные в ней, в отличие от региональных (стандарты Совета Европы, ОЭСР), в большей степени учитывают специфику нашей правовой системы, дают возможность для разумного выбора мер и позволяют более основательно выстраивать национальные и глобальную стратегии противодействия коррупции. Более широкий подход к имплементации позволяет защитить национальные интересы государства¹⁴.

Как отметил посол по особым поручениям Министерства иностранных дел РФ по вопросам международного антикоррупционного сотрудничества В. Е. Тарабрин, российским интересам отвечает всемерное укрепление режима, установленного Конвенцией ООН 2003 г. и добросовестное выполнение участниками всех ее положений¹⁵.

В рамках реализации Конвенции ООН против коррупции 2003 г. в Российской Федерации была принята Национальная стратегия противодействия коррупции¹⁶ и действует Национальный план противодействия коррупции на 2014–2015 годы¹⁷, который включает комплекс мер по обеспечению государственной антикоррупционной политики России. Эти меры нашли отражение в Федеральном Законе от 25.12.2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»¹⁸, являющимся базовым нормативно-правовым актом в области противодействия коррупции в России, а также Федеральном Законе от 17.07.2009 г. № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов»¹⁹, цель которого в проведении оценки правовых документов для определения их соответствия с точки зрения предупреждения коррупции и борьбы с ней.

В Конвенции ООН 2003 г. закреплён перечень преступных деяний, отнесенных к коррупции. В их число входят: подкуп национальных, иностранных и международных публичных должностных лиц; хищение, неправомерное присвоение или иное нецелевое использование

имущества публичным должностным лицом; злоупотребление влиянием в корыстных целях; злоупотребление служебным положением; незаконное обогащение; подкуп должностных лиц и хищение имущества в частном секторе; отмыwanie доходов от преступлений; сокрытие имущества, полученного преступным путем; воспрепятствование осуществлению правосудия.

Особый интерес для России представляет статья 20 Конвенции ООН 2003 г., которая до сих пор не имплементирована в национальное законодательство, что негативно сказывается на уровне коррупции в стране и мешает его снизить, а также вызывает многочисленные споры не только среди юристов.

Под «незаконным обогащением» Конвенция ООН 2003 г. понимает «значительное увеличение активов публичного должностного лица, превышающее его законные доходы, которое оно не может разумным образом обосновать», а также требует признать данное деяние в качестве уголовно наказуемого, когда оно совершается умышленно.

В целях реализации ст. 20 Конвенции в России принят Федеральный Закон от 3 декабря 2012 № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, занимающих государственные должности, и иных лиц их доходам»²⁰.

Этим же целям посвящен и ФЗ от 7 мая 2013 г. № 79-ФЗ «О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и(или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами»²¹.

В Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года²² «незаконное обогащение» называется косвенным признаком коррупции, который является основанием для привлечения к ответственности за правонарушения, связанные с коррупцией.

Положения о криминализации незаконного обогащения отражены в Конвенции ООН против коррупции 2003 г. в «мягкой» форме и оставляют право выбора на имплементацию за государствами, данная статья не носит императивный характер.

Конвенция ООН против коррупции была ратифицирована Россией в полном объеме без каких-либо изъятий, поэтому споры о том, что Россия сделала какие-либо оговорки в отношении незаконного обогащения беспочвенны. Конвенция вообще не предусматривает возможности

оговорок. Заявления, сделанные Россией, соответствуют конвенционному режиму, позволяющему государствам осуществлять свою юрисдикцию на разумных основаниях²³.

В российское уголовное законодательство не была имплементирована норма о незаконном обогащении со ссылкой на нарушение статьи 49 Конституции РФ²⁴, закрепляющей принцип презумпции невиновности, а также статьи 51 о праве гражданина не свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников²⁵.

Этого мнения придерживается и подавляющее большинство юристов. Однако существует и иная позиция. Дамаскин О. и Волков А. предполагают, что провозглашенная в Конституции РФ презумпция невиновности в отношении государственных служащих имеет определенные ограничения²⁶.

Конституционный Суд РФ в Определении от 20 марта 2007 года № 169-О-О указал, что «конституционное право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию не исключает возможности закрепления в законе определенных требований к лицам, осуществляющим деятельность в органах государственной власти и местного самоуправления, в том числе и на судебных должностях. Гражданин РФ, пожелавший реализовать указанное конституционное право, добровольно принимает условия, ограничения и преимущества, с которыми связан приобретаемый им публично-правовой статус. Из этого следует, что запреты и ограничения, обусловленные специфическим статусом, не могут рассматриваться как неправомерное ограничений конституционных прав этого лица»²⁷.

Также Конституционным Судом РФ обозначена похожая позиция, согласно которой принцип соразмерного ограничения прав и свобод, закреплённый в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, означает, что публичные интересы, перечисленные в данной конституционной норме, могут оправдать правовые ограничения прав и свобод, если они адекватны социально оправданным целям²⁸. Соответственно есть достаточная правовая основа для криминализации «незаконного обогащения».

Мы также являемся сторонниками имплементации ст. 20 Конвенции ООН против коррупции 2003 г. в российское уголовное законодательство в полном объеме.

Проблема «незаконного обогащения» является особенно актуальной и отчетность в виде деклараций, подаваемых государственными служащими, не решает ее.

Криминализация незаконного обогащения способствует полноценной реализации целей названной Конвенции, налаживанию в России правового механизма противодействия коррупции в соответствии с нормами международного права, а также исходя из опыта некоторых зарубежных стран – наличие жесткого наказания в виде уголовной ответственности за данное преступное деяние значительно снизит уровень коррупции в России.

Как пишет О. Н. Ведерникова «отказ от использования важных полномочий в данной сфере, представленных международным правом, означает добровольное самоограничение, которое противоречит интересам борьбы с коррупцией в нашей стране»²⁹.

Также возникает вопрос о возможности проведения качественной антикоррупционной экспертизы, если закон не располагает таким определением, как незаконное обогащение, а коррупция прежде всего связана с ним³⁰.

Рассмотрим правомерность включения нормы «о незаконном обогащении» в уголовное законодательство РФ с точки зрения международного права.

Презумпция невиновности является фундаментальным правом среди прав человека, закрепленным международными и региональными инструментами в области защиты прав человека и основных свобод. Статья 11(1) Всеобщей декларации прав человека 1948 г.³¹ регламентирует положение о том, что «каждый человек, обвиняемый в совершении преступления, имеет право считаться невиновным до тех пор, пока его виновность не будет установлена законным порядком путем гласного судебного разбирательства, при котором ему обеспечиваются все возможности для защиты». Тот же принцип лежит в основе статей 14 (2) Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г.³², 6(2) Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.³³

Комитет ООН по правам человека заявил, что «в силу презумпции невиновности бремя доказывания вины лежит на обвинении, а все сомнения должны быть истолкованы в пользу обвиняемого»³⁴. Соответственно сторона обвинения несет бремя доказывания вины на протяжении всего судебного разбирательства.

Но следует учесть, что принцип презумпции невиновности в особых случаях, нарушающих права и свободы других граждан, не исключает право законодателя на создание специальной презумпции в своей

правовой системе, которая будет включать требование о том, чтобы обвиняемый давал объяснения, доказывая свою невиновность по некоторым аспектам правонарушения, при условии, что соблюдены принципы разумности и справедливости.

Такой прецедент, отражающий данное положение, был создан Европейским судом по правам человека (далее – Европейский Суд) в деле Салабиаку против Франции³⁵.

Г-н Амоси Салабиаку обвинялся в попытке пронести в аэропорту Руасси сумку, содержащую 10 килограмм конопли. Хотя сумка не была обозначена как его личная и стояла без хозяина, заявитель взял ее и понес через проход аэропорта «Без таможенной декларации», где и был задержан.

Согласно ст. 392.1 Таможенного кодекса Франции, «лицо обладающее контрабандными товарами, рассматривается как ответственное за правонарушение», также лицо может быть оправдано, если сумеет доказать обстоятельства форс-мажор.

Кассационный суд Франции счел, что заявитель не сумел доказать обстоятельства форс-мажор, которые освободили бы его от вины.

Европейский Суд по правам человека постановил, что поскольку суды установили в обстоятельствах данного дела элемент прямого умысла, и учитывая степень общественной опасности преступления, французские суды применили ст. 392.1 Таможенного кодекса путем, который согласуется с принципом презумпции невиновности, нарушения ст. 6–2 Европейской конвенции по правам человека не было.

Как мы видим, презумпция невиновности при наличии высокой степени общественной опасности деяния и прямого умысла, не является абсолютной, хотя и должна отвечать требованиям разумности и справедливости.

Что касается статьи 51 Конституции РФ о праве гражданина не свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников в соотношении с криминализацией незаконного обогащения³⁶.

Это право прямо не закреплено Конвенцией о защите прав человека и основных свобод 1950 г., но, по мнению Европейского суда по правам человека, относится к числу общепризнанных международных стандартов, составляющих основу понятия справедливого судебного разбирательства, закрепленного статьей 6 указанной Конвенции³⁷. Право не свидетельствовать против самого себя предполагает, что сторона обвинения не должна прибегать к использованию доказательств,

полученных против воли обвиняемого при помощи принуждения или давления³⁸.

Но, исходя из практики Европейского суда по правам человека, можно заключить, что это право не является абсолютным. Имеет место прецедент в деле О'Халлоран и Фрэнсис против Соединенного Королевства (2007)³⁹.

Согласно ст. 172 Закона Великобритании о дорожном движении 1988 г. на зарегистрированного владельца транспортного средства может быть возложена обязанность предоставить сведения о личности водителя, если совершены определенные нарушения правил движения. Непредставление информации считается правонарушением, за исключением случаев, когда владелец может доказать, что ему неизвестна личность водителя.

Транспортные средства заявителей были зафиксированы камерами слежения в связи с превышением скорости. Им было предложено раскрыть личность водителя под страхом ответственности. Первый заявитель признал, что в тот момент транспортным средством управлял он сам, и был привлечен к ответственности за превышение скорости, хотя пытался исключить свое признание из числа доказательств. Второй заявитель использовал право не свидетельствовать против себя. Он также был привлечен к ответственности согласно ст. 172 и оштрафован, а в водительском удостоверении была сделана отметка о нарушении.

Европейский Суд был не согласен с доводом заявителей о том, что право хранить молчание и не свидетельствовать против себя является абсолютным. Верно, что во всех имеющихся прецедентах, в которых было применено «прямое воздействие», вынудившее фактического или потенциального обвиняемого предоставить информацию, которая привела к его осуждению, имеется наличие нарушения права не свидетельствовать против самого себя. Однако это не означает, что любое прямое воздействие автоматически признается нарушением.

Право на справедливое судебное разбирательство в рамках статьи 6 Конвенции 1950 г. является абсолютным, что предполагает, что решение по делу не может приниматься на основании только одной неизменной нормы права, должны приниматься во внимание все обстоятельства дела.

Чтобы установить, было ли нарушено право заявителя не свидетельствовать против самого себя, Европейский суд по правам человека рассматривает следующие факторы: характер и степень принуждения,

использованного для получения доказательств; значение общественно-го интереса в расследовании и наказании, назначенное за рассматриваемое нарушение; наличие в примененной процедуре соответствующих гарантий; и использование полученных таким образом материалов.

В § 31.3 Постановления Европейский Суд постановил, что «любой автовладелец знает, что купив автомобиль, он становится субъектом регулирующих правил ... считается, что владение и использование автомобиля (равно как и охотничьего ружья, к примеру) влечет риск причинения серьезного ущерба», также в конце § 57 Постановления Суд установил, что «можно считать, что те, кто приобретает транспортное средство и управляет им, автоматически принимают определенную ответственность и обязательства в рамках правил, касающихся транспортных средств». На этих основаниях суд постановил, что в данном деле нарушения ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. не возникло.

Проанализировав позиции Европейского Суда по поводу презумпции невиновности и права не свидетельствовать против себя, можно сделать вывод, что они не являются абсолютными и должны применяться в соответствии с принципами законности, справедливости и соразмерности ограничения прав и основных свобод.

Применяя их к статье о «незаконном обогащении» следует заключить, что криминализация данного деяния является вполне легитимной. Публичные должностные лица обладают особым правовым статусом, наделяющим их распорядительно-властными полномочиями, тем самым повышается уровень общественной опасности преступных деяний, совершенных данной категорией граждан.

Так, в Международном кодексе поведения государственных должностных лиц (принятом 12.12.1996 Резолюцией 51/59 на 82-м пленарном заседании 51-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН) закреплено, что «государственная должность, как она определяется в национальном законодательстве, – это должность, облеченная доверием, предполагающая обязанность (подчеркнуто нами – Ю.Б.) действовать в интересах государства», соответственно, вступая в должность, такое лицо принимает на себя не только расширенный круг прав, но и ответственность представлять общественные интересы, что автоматически возлагает на него определенные правовые ограничения и обязательства⁴⁰.

Учитывая эти обстоятельства и исходя из принципов разумности, справедливости и соразмерности, при наличии установленного

элемента прямого умысла в обстоятельствах дела, некоторыми учеными предложено ввести в законодательный оборот понятие «презумпции виновности за незаконное обогащение», под которой стоит понимать «обязанность обвиняемого в коррупционном преступлении должностного лица доказать на следствии и в суде легальность и легитимность полученных (имеющихся) доходов и имущества»⁴¹.

Такая презумпция виновности отчасти, либо в полном ее виде существует в Нидерландах, Бельгии, Ирландии, Дании, США, во многих странах Латинской Америки⁴².

На основании изложенного материала, можно сделать вывод о том, что, с точки зрения международного права, препятствия для имплементации и криминализации нормы ст. 20 Конвенции ООН против коррупции 2003 г. о «незаконном обогащении» в российское законодательство со ссылкой на нарушение ст. 49 Конституции РФ, закрепляющей принцип презумпции невиновности, а также ст. 51 Конституции РФ о праве гражданина не свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, являются необоснованными.

The Implementation of Article 20 of the United Nations Convention against Corruption 2003 into Russian Criminal Law (Summary)

*Yuliya L. Belyaeva**

The article concentrates on the necessity of the implementation of article 20 of the United Nations Convention against corruption 2003 describing the regulation of illicit enrichment into Russian criminal law. The problems on the way of the criminalization of the article are connected with the principle of presumption of innocence and the right not to testify against oneself, the spouse and close relatives, which are guaranteed by the Constitution of the Russian Federation. A detailed analysis of these principles was made from the viewpoint of International Law, and the possibility of their execution within the realization of the article criminalizing illicit enrichment. There was determined and argued the legality and necessity of implementing the norm regulating illicit enrichment into Russian Criminal Law.

Keywords: combating corruption; United Nations Convention against Corruption (UNCAC); illicit enrichment; presumption of innocence; the fairness of a trial; European Court of Human Rights.

¹ См.: Пекарев В. Я. Правовые аспекты борьбы с коррупцией на национальном и международном уровнях. М., 2001. С.123.

² См.: Богущ Глеб Ильич. Коррупция и международное сотрудничество в борьбе с ней: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – Москва, 2004.

³ См.: Каширкина А. А. Тиунов О. И. Международное право в орбите противодействия коррупции // Коррупция: природа, проявления, противодействие / Отв. ред. Т. Я. Хабриева. – М., 2012. С. 73.

⁴ Трансперенси Интернешнл – неправительственная международная организация по борьбе с коррупцией и исследованию уровня коррупции по всему миру.

⁵ Индекс Восприятия Коррупции – 2014: оценка России упала на один балл. URL: <http://www.transparency.org.ru/indeks-vospriatiia-korruptcii/indeks-vospriatiia-korruptcii-2014-otcenka-rossii-upala-na-odin-ball> (дата обращения 10.12.2014).

* Yuliya L. Belyaeva – post-graduate student of the Chair of Human rights and International Law of the Kikot Moscow University of the Ministry on Internal Affairs of Russian Federation. Ms.JLBelyaeva@gmail.com.

⁶ СКР оценил годовой ущерб от коррупционных преступлений почти в 15 млрд рублей. // Международная информационная группа «Интерфакс». URL: <http://www.interfax.ru/russia/411869> (дата обращения 10.12.2014).

⁷ Конвенция ООН против коррупции (принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 Резолюцией 58/4 на 51-м пленарном заседании 58-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // «Бюллетень международных договоров», 2006, № 10, октябрь, С. 7–54.

⁸ Скобликов П. А. Актуальные проблемы с коррупцией и организованной преступностью в современной России. – М., 2007. С. 31.

⁹ Федеральный закон от 08.03.2006 № 40 – ФЗ «О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции» (принят ГД ФС РФ 17.02.2006) // «Собрание законодательства РФ», 20.03.2006, № 12, ст. 1231.

¹⁰ Федеральный закон от 28.05.2001 № 62-ФЗ «О ратификации Конвенции об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности» (принят ГД ФС РФ 25.04.2001) // «Собрание законодательства РФ», 04.06.2001, № 23, ст. 2280.

¹¹ Федеральный закон от 25.07.2006 № 125 – ФЗ «О ратификации Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию» (принят ГД ФС РФ 08.07.2006) // «Собрание законодательства РФ», 31.07.2006, № 31(1 ч.), ст. 3424.

¹² Федеральный закон от 26.04.2004 № 26 – ФЗ «О ратификации Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности и дополняющих ее протокола против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху и протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее» (принят ГД ФС РФ 24.03.2004) // «Собрание законодательства РФ», 03.05.2004, № 18, ст. 1684.

¹³ Федеральный закон от 1.02.2012 № 3-ФЗ «О присоединении Российской Федерации к Конвенции по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок» // «Собрание законодательства РФ», 06.02.2012, № 6, ст. 622.

¹⁴ См.: Правовые механизмы имплементации антикоррупционных конвенций: Монография / Отв. ред. О. И. Тиунов. – М., 2012. С. 35–51.

¹⁵ Цирин А. М., Черепанова Е. В., Тулинова О. А. Современные стандарты и технологии противодействия коррупции // Журнал российского права. 2014. № 7. С. 143–171.

¹⁶ Указ Президента РФ от 13.04.2010 № 460 (ред. от 13.03.2012) «О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010–2011 годы» // «Собрание законодательства РФ», 19.04.2010, № 16, ст. 1875.

¹⁷ Указ Президента РФ от 11.04.2014 № 226 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2014–2015 годы» (11 апреля 2014 г.) // «Собрание законодательства РФ», 14.04.2014, № 15, ст. 1729.

¹⁸ Федеральный закон от 25.12.2008 № 273 – ФЗ (ред. от 28.12.2013) «О противодействии коррупции» (25 декабря 2008 г.) // «Собрание законодательства РФ», 29.12.2008, № 52 (ч. 1), ст. 622.

¹⁹ Федеральный закон от 17.07.2009 № 172 – ФЗ (ред. от 21.10.2013) «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» // «Собрание законодательства РФ», 20.07.2009, № 29, ст. 3609.

²⁰ Федеральный закон от 03.12.2012 № 230 – ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» // «Собрание законодательства РФ», 10.12.2012, № 50 (часть 4), ст. 6953.

- ²¹ Федеральный закон от 07.05.2013 № 79-ФЗ «О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами» // «Собрание законодательства РФ», 13.05.2013, № 19, ст. 2306.
- ²² Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р (ред. от 08.08.2009) «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» (вместе с «Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года») // «Собрание законодательства РФ», 24.11.2008, № 47, ст. 5489. Начало формы Конец формы
- ²³ См.: Богуш Г. И. О реализации положений международных антикоррупционных конвенций в российском уголовном праве. Проблемы имплементации международных норм в области противодействия коррупции в российское законодательство // Академия Генеральной прокуратуры РФ: Сборник материалов. Ч.1. – М., 2011. С. 56.
- ²⁴ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // «Собрание законодательства РФ», 04.08.2014, № 31, ст. 4398.
- ²⁵ Михайлов В. Статья 20 Конвенции ООН против коррупции об ответственности за незаконное обогащение и возможные направления отражения ее идеи в правовой системе Российской Федерации // Уголовное право. 2012. № 2. С. 113–119.
- ²⁶ См.: Дамаскин О. В., Волков А. Н. Актуальные вопросы законодательного обеспечения ответственности государственных служащих за незаконное обогащение // Современное право. 2012. № 4. С. 37–38.
- ²⁷ Определение Конституционного Суда РФ от 20 марта 2007 г. № 169-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Нечаева Владимира Михайловича на нарушение его конституционных прав положениями статей 3 и 13 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации», статей 19 и 21 Федерального закона «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» // Текст Определения опубликован в дайджесте официальных материалов и публикаций периодической печати «Конституционное правосудие в странах СНГ и Балтии», 2007, № 13.
- ²⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 13.06.1996 № 14-П «По делу о проверке конституционности части пятой статьи 97 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. В. Щелухина» // «Собрание законодательства РФ», 24.06.1996, № 26, ст. 3185.
- ²⁹ Ведерникова О. Н. О работе экспертного совета для подготовки предложений по реализации в законодательстве РФ положений международных конвенций о борьбе с коррупцией и зарубежный опыт конфискации имущества // Совершенствование борьбы с организованной преступностью, коррупцией и экстремизмом / Под ред. А. И. Долговой. – М.: Российская криминологическая ассоциация, 2008. С. 193.
- ³⁰ Правовые акты: Антикоррупционный анализ/ отв. ред. В. Н. Найдено, Ю. А. Тихомиров, Т. Я. Хабриева. – М., 2010. С. 45.
- ³¹ Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // «Российская газета», № 67, 05.04.1995.
- ³² Международный пакт о гражданских и политических правах (принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 12. С. 5–11.

³³ Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004) (вместе с «Протоколом № 1» (подписан в г. Париже 20.03.1952), «Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней» (Подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), «Протоколом № 7» (Подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)) // «Бюллетень международных договоров», № 3, 2001.

³⁴ Подборка решений комитета по правам человека в соответствии с факультативным протоколом. Том 7, шестьдесят шестая – семьдесят четвертая сессии (июль 1999 года – март 2002 года) / Управление Верховного комиссара ООН по правам человека. – Нью-Йорк; Женева: Организация Объединенных Наций, 2006.

³⁵ Дело «Салабиакү против Франции (Salabiaku v. France)»: Постановление Европейского Суда по правам человека от 07 октября 1988 года (жалоба № 10519/83) // Бюллетень конституционного правосудия. Специальный выпуск. Основные решения Европейского суда по правам человека – Страсбург, 23 марта 2000.

³⁶ Михайлов В. Статья 20 Конвенции ООН против коррупции об ответственности за незаконное обогащение и возможные направления отражения ее идеи в правовой системе Российской Федерации // Уголовное право. 2012. № 2. С. 113–119.

³⁷ Дело «Быков против Российской Федерации», Постановление Европейского суда по правам человека от 10 марта 2009 г. № 4378/02 // Бюллетень Европейского суда по права человека. 2009. № 6.

³⁸ См.: Дело «Саундерс (Saunders) против Соединенного Королевства», 1996, жалоба № 19187/91 § 68; «Хини и Макгиннес (Heaney and McGuinness) против Ирландии», 2001, жалоба № 34720/97 § 40; «J.B. против Швейцарии», 2001, жалоба № 31827/96 § 64; «Аллан (Allan) против Соединенного Королевства, 2002, жалоба № 48539/99 § 44. URL: <http://europeancourt.ru> (дата обращения 10.12.2014).

³⁹ Дело «О’Халлоран (O’Halloran) и Фрэнсис (Francis) против Соединенного Королевства» [рус., англ]. Постановление ЕСПЧ от 29 июня 2007 года № 15809/02 // Перевод на русский язык Берестнева Ю. Ю. URL: <http://docs.pravo.ru/document/view/19381346/17525876/> (дата обращения 10.12.2014).

⁴⁰ Международный кодекс поведения государственных должностных лиц (принят 12.12.1996 Резолюцией 51/59 на 82-м пленарном заседании 51-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН). URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/int_code_of_conduct.shtml (дата обращения 10.12.2014).

⁴¹ См.: Лут С. С. Некоторые вопросы, касающиеся совершенствования антикоррупционного законодательства России // Российский следователь. 2010. № 22. С. 11; Козлов Т. А. О развитии декларирования доходов публичными служащими // Вопросы правоведения. 2012. № 2. С. 214.

⁴² См.: Сафонов А. О мировой практике применения ст. 20 Конвенции ООН по борьбе с коррупцией // Следователь. 2012. № 1. С. 46–55.

Статус газопровода «Северный поток» в контексте права Европейского союза

*Москва Уршуля**

В 2000 году Европейская комиссия признала проходящий по дну Балтийского моря и сухопутным территориям России и Германии трансграничный газопровод «Северный поток» частью Трансъевропейской энергосети. В сентябре 2006 года Комиссия заявила, что это один из энергетических проектов высочайшего приоритета Европейского союза, который отвечает интересам всей Европы. В 2006 г. проект газопровода был одобрен Европейской комиссией, Европейским парламентом и Европейским Советом проектом Европейского интереса. В статье рассматриваются правовое значение проекта, прежде всего, в контексте Решения Европейского парламента и Совета Европейского союза 1364/2006/ЕС от 6 сентября 2006 г., и Регламента Европейского Парламента и Совета Европейского союза 347/2013 от 17 апреля 2013 г.

Ключевые слова: Трансъевропейские энергетические сети (TEN-e); ЕС; проекты общего интереса; приоритетные проекты; проекты Европейского интереса; энергетическое право; «Северный поток».

Термин «Право Европейского союза» и термин «Европейское право», хотя и отождествляются многими правоведами в странах Евросоюза, четко разграничиваются, однако, в российской международно-правовой доктрине¹. Здесь рассматривается квалификация газопровода «Северный поток» именно по праву Европейского союза.

Трансъевропейские газопроводные сети, проходящие, в т.ч., по морскому дну, являются одним из факторов, необходимых для достижения, в том числе, и целей единой (интегрированной) морской политики Евросоюза². Идея создания единой морской политики Европейского союза была впервые сформулирована в совместном тексте Председателя Европейской комиссии Ж.М. Баррозу и Европейского комиссара Дж. Борга. В 2006 г. Европейская комиссия выдвинула идею «целостной», или «интегрированной», морской политики Европейского союза. 10 октября 2007 года Европейская комиссия представила план

* Москва Уршуля – магистр права (Польша); аспирант кафедры международного права МГИМО (У) МИД России. moskwaurszula@gmail.com

интегрированной морской политики Европейского союза³. Вместе с документом (называемым «Голубая книга» – «Blue Book») был приложен подробный план действий, оценки воздействия и отчет об итогах широких консультаций с заинтересованными сторонами⁴. Единая морская политика нацелена на более «сцепленный» подход к морским вопросам, с повышенной координацией между различными областями политики. В «Голубой книге» морское пространственное планирование (Maritime Spatial Planning, «MSP») вошло в число приоритетных направлений этой политики. Морское пространственное планирование должно прозрачным образом включать заинтересованные стороны в планирование их морской деятельности. В июле 2014 года Европейский парламент и Европейский Совет приняли директиву о создании общей основы для морского пространственного планирования в Европе⁵. Каждая страна ЕС будет свободно планировать свою морскую деятельность, но региональные и национальные планирование в открытом море должны будут соответствовать минимальным общим требованиям⁶.

6 сентября 2006 года Европейский парламент и Совет Европейского союза приняли Решение, устанавливающее руководящие принципы относительно трансъевропейских энергетических сетей (Trans-European energy Networks – «TEN-E»)⁷. Общей целью трансъевропейской энергетической сети является создание более открытого и конкурентоспособного внутреннего энергетического рынка в области электроэнергии и природного газа, а также содействие безопасности энергоснабжения и использование возобновляемых источников энергии в качестве обеспечения политики устойчивого развития. Решение 1364/2006/ЕС перечисляет проекты, которые могут претендовать на помощь Сообщества в рамках Регламента (ЕС) 2236/95⁸. Решение различает три типа проектов: проекты общего интереса (Projects of Common Interest, PCI), приоритетные проекты, проекты Европейского интереса.

Перечень проектов общего интереса является самой обширной частью. Такие проекты определены в ст. 6. Во-первых, данный проект должен применяться к газопроводным сетям, в частности: 1) к газопроводам высокого давления, за исключением тех, которые относятся к распределительным сетям, позволяющим снабжать регионы Сообщества внешними и внутренними ресурсами; 2) к подземным хранилищам газа, связанным с газопроводами высокого давления, упомянутыми в п. 1; 3) к приемным устройствам, устройствам хранения

и регазификации сжиженного природного газа (LNG), средствам для транспортировки LNG в соответствии с мощностью, которая должна быть обеспечена; 4) к любому оборудованию или установкам, необходимым для должного функционирования рассматриваемых систем, в том числе систем защиты, мониторинга и контроля (ст. 2). Во-вторых, проект должен быть направлен на следующее цели: 1) поддержка эффективного функционирования и развития внутреннего рынка в целом и внутреннего энергетического рынка в частности; 2) содействие развитию и сокращению изолированности менее благоприятных и островных регионов Сообщества; 3) увеличение надежности энергетических поставок; 4) способствование устойчивому развитию и защите окружающей среды (ст. 3). В-третьих, проект должен отвечать следующим приоритетам, в рамках устойчивого развития: 1) адаптация и развитие энергетических сетей для поддержания внутреннего рынка; 2) создание энергетических сетей на островах, в изолированных, периферийных и ультрапериферийных регионах (с одновременной поддержкой диверсификации энергетических ресурсов); 3) развитие газораспределительных сетей с целью удовлетворения потребностей Сообщества в природном газе и контроля систем снабжения; 4) обеспечение операционной совместимости газовых сетей внутри Сообщества, с сетями стран, готовящихся к вступлению, и стран-кандидатов, а также других (ст. 4). В-четвертых, проект должен являться экономически целесообразным. Вышеупомянутые критерии не являются, однако, единственными, которые проект должен удовлетворять. В Приложении II к Решению 1364/2006/ЕС определены дополнительные критерии, которым должен соответствовать проект, чтобы стать проектом общего интереса. Список газовых проектов, представляющих общий интерес, дан в Приложении III.

Приоритетные проекты – это проекты общего интереса, попадающие под Приложение I к Решению 1364/2006/ЕС, имеющие приоритетное значение для Сообщества. Чтобы считаться приоритетным проектом, данный проект должен иметь значительное влияние на конкурентное функционирование внутреннего рынка, и/или укреплять безопасность поставок, и/или способствовать повышению использования возобновляемых источников энергии (ст. 7). Приоритетные проекты имеют приоритет при распределении финансовой помощи Сообщества в рамках Регламента (ЕС) 2236/95. В вышеупомянутом Приложении I перечислены 6 «осей» приоритетных газовых сетей: 1) ось NG.1.

Великобритания – Северная континентальная Европа, в том числе Нидерланды, Бельгия, Дания, Швеция и Германия – Польша – Литва – Латвия – Эстония – Финляндия – Россия; 2) ось NG.2. Алжир Испания – Италия – Франция – Северная континентальная Европа; 3) ось NG.3. Страны Каспийского моря – Ближний Восток – ЕС; 4) ось NG.4. Терминалы LNG в Бельгии, Франции, Испании, Португалии, Италии, Греции и Польше; 5) ось NG.5. Подземные хранилища природного газа в Испании, Португалии, Франции, Италии, Греции и регионе Балтийского моря; 6) ось NG.6. Средиземноморские государства-члены ЕС – восточно-европейское «газовое кольцо».

Некоторые приоритетные проекты трансграничного характера или такие, которые оказывают значительное воздействие на международную пропускную способность, являются проектами Европейского интереса. Установлены Приложением I к Решению 1364/2006/ЕС. Проекты, находящиеся в круге европейских интересов, обладают приоритетом при распределении средств Сообщества по бюджету TEN-E и особое внимание уделяется их финансированию в рамках прочих совместных фондов Сообщества. Проекты Европейского интереса были введены Решением от 2006 г.⁹ Ранее право ЕС не предусматривало данного понятия¹⁰.

В декабре 2000 года решением Европейской Комиссии проекту «Северный поток» был присвоен статус TEN. «Северный поток» был включен в Директиву ЕС о Трансъевропейских энергетических сетях, а в 2006 году был одобрен Европейской комиссией, Европейским парламентом и Европейским Советом проектом Европейского интереса. Это означает, что трубопровод «Северный поток» представляет собой ключевой проект по созданию важнейших трансграничных транспортных мощностей, направленный на обеспечение устойчивого обеспечения энергетической безопасности Европы. Юридическая квалификация «Северного потока» одним из ключевых энергетических проектов не кажется неожиданной. Газопровод повышает энергетическую безопасность Европейского союза, по меньшей мере, на 50 лет.

Газопровод «Северный поток» перечислен в рамках приоритетных проектов (проектов Европейского интереса) по оси NG.1.¹¹ TEN-E определила так называемый маршрут NG.1, представляющий собой транспортный коридор из Великобритании в северную континентальную Европу (включая Нидерланды, Данию и Германию) с последующим соединением с газотранспортными системами стран Балтийского

региона и России. Главная цель данного маршрута – создание нового маршрута для импорта российского природного газа, соединение российских газовых месторождений в Западной Сибири (Штокмановского месторождения) с ЕС. Газопровод «Северный поток», как основа этого коридора, служит реализации этой цели.

17 апреля 2013 года Европейский парламент и Совет Европейского союза приняли Регламент о руководящих принципах трансъевропейской энергетической инфраструктуры¹². Данный акт отменяет в полном объеме Решение 1364/2006/ЕС от 6 сентября 2006 г. Новый Регламент ориентирован, прежде всего, на правила своевременного развития и совместимости приоритетных коридоров и сфер трансъевропейской энергетической инфраструктуры. В соответствии с Регламентом инфраструктура разделена на четыре группы: электроэнергетическую, газовую, нефтяную и углевую. Положения этого правового акта нацелены на модернизацию и расширение энергетической инфраструктуры в Европе, на соединение сетей в соседних странах для удовлетворения главных целей энергетической политики Союза: конкурентоспособности, устойчивости и безопасности поставок.

Самым важным является то, что Регламент содержит весьма детальное изложение процедур формирования перечня и сопровождения проектов общего интереса. Несомненно, внимание должно быть уделено различию между новым законодательством, и ранним – 2006 года. В тексте Регламента не разделяются: проекты общего интереса, приоритетные проекты, проекты Европейского интереса. Существует только первый тип, который может, в соответствии со ст. 7, получить приоритетный статус. Проекты, представляющие общий интерес, должны соответствовать общим критериям. Во-первых, проект должен являться необходимым по крайней мере для одного из приоритетных коридоров и сфер энергетической инфраструктуры. Такие приоритетные коридоры и сферы перечислены в Приложении I к Регламенту 347/2013. Во-вторых, потенциальная общая прибыль проекта (согласно соответствующим специальным критериям, указанным в Регламенте) должна превышать затраты, включая долгосрочные. В-третьих, данный проект должен соответствовать хотя бы одному из следующих критериев: 1) касаться не менее чем двух государств – членов ЕС, непосредственно пересекая границу двух или более государств – членов ЕС; 2) быть расположен на территории одного государства – члена ЕС и иметь существенное трансграничное значение; 3) пересекать границу по крайней

мере одного государства – члена ЕС и страны – члена Европейского экономического пространства (ст. 4).

В Регламенте рассчитываются также специальные критерии, которые применяются к проектам, представляющим общий интерес, подпадающим под категории специальной энергетической инфраструктуры. Что касается газа, данными проектами являются: передающие трубопроводы для транспортировки природного газа и биогаза (которые составляют часть сети, которая в основном включает в себя трубопроводы высокого давления); подземные мощности для хранения, соединенные с вышеуказанными газовыми трубопроводами высокого давления; мощности для получения, хранения и регазификации или понижения давления для сжиженного природного газа (СПГ) и природного газа в сжатом виде; все оборудование или установки, необходимые для безопасной и эффективной работы сети или для работы в двух направлениях, включая компрессорные станции¹³. Перечисленные проекты должны существенно содействовать по крайней мере одному из следующих специальных критериев: 1) рыночная интеграция, в частности, путем устранения изоляции по крайней мере одного государства – члена ЕС и сокращения узких мест энергетической инфраструктуры; совместимость и гибкость системы; 2) безопасность поставок, в частности, посредством соответствующих соединений и диверсификации источников поставок, поставщиков и маршрутов; 3) конкуренция, в частности, посредством диверсификации источников, поставок поставляемых аналогов и маршрутов; 4) устойчивое развитие, в частности, посредством сокращения выбросов, поддержки периодической возобновляемой произведенной энергии и усиления перераспределения возобновляемого газа (ст. 4).

В Приложении I к Регламенту указан список приоритетных коридоров и сфер энергетической инфраструктуры (их двенадцать). Были определены следующие четыре трансевропейские приоритетные газовые коридоры:

- «Север – Юг» в Западной Европе (“NSI West Gas”), участвующие государства – члены ЕС: Бельгия, Дания, Франция, Германия, Ирландия, Италия, Люксембург, Мальта, Нидерланды, Португалия, Испания, Великобритания,
- «Север – Юг» в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе (“NSI East Gas”), участвующие государства – члены ЕС: Австрия,

Болгария, Хорватия, Кипр, Чешская Республика, Германия, Греция, Венгрия, Италия, Польша, Румыния, Словакия, Словения,

- Южный газовый коридор (“SGC”) для передачи газа из бассейна Каспийского моря, Центральной Азии, Ближнего Востока и Восточной части Средиземноморского бассейна, участвующие государства – члены ЕС: Австрия, Болгария, Хорватия, Чехия, Кипр, Франция, Германия, Венгрия, Греция, Италия, Польша, Румыния, Словакия, Словения,

- план объединения балтийского энергетического рынка газа (“BEMIP Gas”) для устранения изолированности газовых рынков Латвии, Литвы, Эстонии и Финляндии и зависимости от единственного поставщика, участвующие государства – члены ЕС: Дания, Эстония, Финляндия, Германия, Латвия, Литва, Польша, Швеция.

Новой акцией от 2013 года является введение так называемых «групп». Регламент устанавливает двенадцать региональных групп. Членство в каждой группе должно основываться на каждом приоритетном коридоре и сфере, а также их соответствующем географическом распространении. Полномочия по принятию решений в группах ограничены государствами – членами ЕС и Европейской Комиссией, которые в этих целях считаются органом групп, принимающим решение. Орган каждой группы принимает региональный список предлагаемых проектов, представляющих общий интерес, согласно значению каждого проекта для реализации приоритетных коридоров и сфер энергетической инфраструктуры и в русле выполнения вышеупомянутых критериев. Регламент определяет весьма детальные процедуры формирования и принятия списков проектов общего интереса. Европейская Комиссия имеет полномочия принимать акты, устанавливающие список проектов, представляющих общий интерес (так называемый «список Союза»)¹⁴. При выполнении своих полномочий Европейская Комиссия обеспечивает, чтобы список Союза устанавливался каждые два года на основании региональных списков, принятых органами группы, принимающими решение.

14 октября 2013 года, Европейская Комиссия приняла список 248 ключевых проектов энергетической инфраструктуры – проектов общего интереса¹⁵. Список включает в себя 140 проектов в сфере передачи электроэнергии, около 100 проектов – в сфере поставок газа, его хранения, а также в области поставок сжиженного газа, и несколько проектов в сфере поставок нефти. Все проекты, попавшие в утвержденный список, могут при реализации опираться на помощь ЕС, как в вопросах

финансирования, так и в упрощении администрирования. Им представлен ряд существенных преимуществ и льгот: ускоренные разрешительные процедуры, упрощенные условия регулирования и получение всех необходимых согласований в одном органе власти по принципу «единого окна», снижение административных затрат в результате более целенаправленного проведения экспертизы влияния на окружающую среду, повышение прозрачности, а также привлекательности для инвесторов. Все эти проекты могут получать поддержку в виде финансирования, предоставленного ЕС в рамках так называемого «Механизма Европейского соединения» (Connecting Europe Facility, CEF). На 2014–2020 годы на эти цели предусмотрено 5,85 млрд евро.

Главное внимание при этом уделено внутриевропейской газотранспортной сети: большинство проектов связаны с мощностями по обмену газом между странами ЕС, прежде всего в Центральной и Восточной Европе. Обращает на себя внимание то, что вопросам внешних поставок трубопроводного газа в Европу уделено мало внимания. Несколько проектов направлены на повышение импорта газа в ЕС; в первую очередь, ряд проектов, составляющих «Южный коридор» – в том числе: Трансадриатический газопровод (TAP) – для транспортировки природного газа из Каспийского и Ближневосточного регионов в Азербайджане в Западную Европу¹⁶; газопровод TANAP – для транспортировки из Азербайджана через Грузию и Турцию¹⁷; Транскаспийский газопровод (TCP) – для транспортировки из Туркмении и Азербайджана. Среди проектов, представляющих общий интерес, направленных на внешние поставки газа в Европейский союз, следует также упомянуть газопровод Galsi. Планируемый проект из Алжира в Италию обсуждается уже около десяти лет.

В список проектов общего интереса не попал ни один проект поставки газа из России. Участники проекта «Северный поток» рассматривают возможность строительства третьей и четвертой ветвей газопровода¹⁸. Несмотря на большое значение двух уже работающих ниток трубопровода для обеспечения растущих потребностей европейского рынка, планы возможного расширения проекта вообще не были приняты во внимание Европейской комиссией и возможное дальнейшее развитие «Северного потока» (3 и 4 ветвей) не попало в список проектов, представляющих общий интерес¹⁹.

В перечень приоритетных для Евросоюза проектов не попал также «Южный поток». Данный проект был направлен на укрепление

энергетической безопасности Европы, он создавался для диверсификации поставок российского природного газа в Европу и снижения зависимости поставщиков и покупателей от режима функционирования на сухопутной территории стран – транзитеров. Особый статус помог бы трубопроводу обойти жесткие нормы регулирования, которые вытекают из Третьего энергетического пакета Евросоюза. В принимающих странах планируемый газопровод «Южный поток» был наделен статусом проекта национального значения – он жизненно важен для беднейших в Евросоюзе стран Юго-Восточной Европы.

Надо отметить, что вторая линия газопровода Ямал-Европа также не попала в список ключевых инфраструктурных проектов 2013 года. Однако следует подчеркнуть, что хотя реализации проектов, попавших в список Евросоюза, будет оказываться различного рода поддержка, не все они, по прогнозам, будут реализованы.

Status of the «Nord Stream» according to European Union Law (Summary)

*Moskwa Urszula**

In 2000, the European Commission has recognized, passing through the Baltic Sea «Nord Stream» project part of the Trans-European energy network. In September 2006, the Commission stated that it was one of the energy projects of the highest priority of the European Union, which is in the interests of the whole Europe. In 2006, the European Commission, the European Parliament and the European Council recognized the pipeline project as a project of European interest. This article explains the meaning of projects of common interest (priority projects, projects of European interest) in accordance with Decision No 1364/2006/EC of the European Parliament and of the Council of 6 September 2006 and Regulation (EU) No 347/2013 of the European Parliament and of the Council of 17 April 2013.

Keywords: Trans-European Energy Networks (TEN-e); EU; projects of common interest; priority projects; projects of European interest; energy law; «Nord Stream».

* Moskwa Urszula – MA in Law (Poland); post-graduate student of the Chair of international law MGIMO-University MFA Russia. moskwaurszula@gmail.com.

¹ Европейское международное право: Учебник / Ю. М. Колосов, Э. С. Кривчикова, Д. В. Иванов и др.; Отв. ред. Ю. М. Колосов, Э. С. Кривчикова, П. В. Саваськов. – М.: Международные отношения, 2005. – 408 С. Голицын В. В., Каркищенко Е. И., Кривчикова Э. С. Право международных организаций./Международное право. Том 1. Под ред. А. Н. Вылегжанина. М. 2015. С. 248–250. Бирюков М. М. Европейский Союз, Евроконституция и международное право. М. 2006. 253 С.

² Трансевропейские энергосети определяют приоритетные газовые коридоры, см. п. 1.3.4. Report from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions – Progress of the EU's Integrated Maritime Policy – SWD/2012/0255 final

³ Вылегжанин А. Н. Европейский Союз: к созданию правовых основ комплексной морской политики / А. Н. Вылегжанин // Ежегодник морского права. – М.: Линкор, 2009. – С. 84–106; Meiner A. Integrated maritime policy for the European Union – consolidating coastal and marine information to support maritime spatial planning // Journal of Coastal Conservation 2010, Vol. 14, Issue 1, С. 1–11

⁴ Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions – An Integrated Maritime Policy for the European Union – COM(2007) 575 final

⁵ Directive 2014/89/EU of the European Parliament and of the Council of 23 July 2014 // OJ L 257/135 [2014].

⁶ См. подробнее: официальный сайт Европейской комиссий – http://ec.europa.eu/maritimeaffairs/policy/index_en.htm; Пушкарева Э. Ф. Международно-правовое сотрудничество в области морского пространственного планирования // Московский журнал международного права 2014. № 2. С. 79–99

⁷ Решение Европейского парламента и Совета Европейского Союза 1364/2006/EC от 6 сентября 2006 г. устанавливающее руководящие принципы относительно трансевропейских энергетических сетей и отменяющее Решения 96/391/EC и 1229/2003/EC – Decision No 1364/2006/EC of the European Parliament and of the Council of 6 September 2006 laying down guidelines for trans-European energy networks and repealing Decisions No 96/391/EC and No 1229/2003/EC // OJ L 262/1 [2006].

⁸ Регламент (ЕС) 2236/95 Совета от 18 сентября 1995 г. об общих правилах предоставления Сообществом финансовой помощи в области трансевропейских сетей – Council Regulation (EC) No 2236/95 of 18 September 1995 laying down general rules for the granting of Community financial aid in the field of trans-European networks // OJ L 228/1 [1995].

⁹ Селиверстов С. С., Гудков И. В., Мальгин А. В., Соколова А. В. Энергетическое право ЕС: Учебно-методические комплексы. – М. 2008. С. 108

¹⁰ Решение Европейского парламента и Совета Европейского Союза 1229/2003/EC от 26 июня 2003 устанавливающее ряд руководящих принципов относительно трансевропейских энергетических сетей – Decision No 1229/2003/EC of the European Parliament and of the Council of 26 June 2003 laying down a series of guidelines for trans-European energy networks // OJ L 176/11 [2003].

¹¹ Vinogradov S. Challenges of Nord Stream: Streamlining International Legal Frameworks and Regimes for Submarine Pipelines // German Yearbook of International Law, Vol. 52, 2009. С. 241–292

¹² Регламент Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 347/2013 от 17 апреля 2013 г. о руководящих принципах трансевропейской энергетической

инфраструктуры и об отмене Решения 1364/2006/EC, и об изменении Регламентов (EC) 713/2009, (EC) 714/2009 и (EC) 715/2009 – Regulation (EU) No 347/2013 of the European Parliament and of the Council of 17 April 2013 on guidelines for trans-European energy infrastructure and repealing Decision No 1364/2006/EC and amending Regulations (EC) No 713/2009, (EC) No 714/2009 and (EC) No 715/2009 // OJ L 115/39 [2013].

¹³ Пункт 2 Приложения II к Регламенту Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 347/2013 от 17 апреля 2013 г.

¹⁴ Согласно параграфу 2 Статьи 172 Договора о функционировании Европейского Союза, в котором зафиксировано: «Ориентиры и проекты, имеющие общий интерес, которые затрагивают территорию какого-либо государства-члена, требуют одобрения соответствующего государства-члена.»

¹⁵ Список проектов общего интереса -http://ec.europa.eu/energy/infrastructure/pci/doc/2013_pci_projects_country.pdf

¹⁶ См. подробнее: официальный сайт газопровода TAP: <http://www.tap-ag.com/>

¹⁷ См. подробнее: официальный сайт газопровода TANAP: <http://www.tanap.com/en/>

¹⁸ «Акционеры Nord Stream AG в октябре 2012 года рассмотрели предварительные результаты технико-экономического исследования строительства третьей и четвертой ниток газопровода и приняли решение, что их строительство является экономически целесообразным и технически осуществимым.» – <http://www.gazprom.ru/about/production/projects/pipelines/nord-stream/>

¹⁹ Что касается нормативно-правовой базы для «Северного потока», Комиссия выразила озабоченность. По мнению Комиссии, подход Nord Stream AG не стандартный для строительства и эксплуатации трубопровода подачи природного газа в ЕС. Как правило, договоры о строительстве и эксплуатации заключаются в виде межправительственного соглашения. С одной стороны, данный вид способствует стабильности и безопасности поставок газа и регулирует связанные с безопасностью аспекты эксплуатации трубопровода, с другой стороны защищает и уменьшается риск для инвесторов и финансистов проекта.

Запрет на импорт определенных видов продукции в Россию и ее членство в ВТО

Малеев Ю. Н.*

7 августа 2014 года правительство РФ опубликовало список продукции, которую на год запрещается ввозить в Россию из стран, которые ввели санкции против России: государства ЕС, США, Канада, Австралия, Норвегия. Запрет основан на Указе Президента РФ «О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности РФ»¹ и распространяется почти на все виды мяса, рыбы, молочной продукции, овощей, фруктов, колбас, сыров и других товаров.

Уже сам факт того, что данный Список опубликован на следующий день после выхода Указа Президента РФ, красноречиво свидетельствует о том, что материал, который лег в основу Указа и последовавшего Постановления, был заранее подготовлен и тщательно продуман. Причин для этого было более, чем достаточно, если учесть многочисленные запреты такого рода, которые вводились Россией и ранее (см. далее).

В российской прессе в тот же день, 7 августа, появилась такая оригинальная характеристика ситуации: «Мсть Путина: санкции от России – смертельный удар по ВТО»². Т.е. очевидно стремление придать этому шагу сугубо политическую окраску. Что ж, политику здесь легко рассмотреть. Еще несколькими днями ранее о намерении РФ оспорить западные секторальные санкции в ВТО высказался Постоянный представитель России при ЕС Владимир Чижов. Он заявил, что РФ будет добиваться отмены санкций через ВТО, ведь они *тоже* явно *мотивированы политически*. Слово «тоже» здесь вызвано тем, что Россия уже

* Малеев Юрий Николаевич – доктор юрид. наук, профессор кафедры международного права МГИМО (У) МИД России.

частично вводила в ответ на санкции против нее запрет на ввоз соответствующих видов продукции со стороны Запада еще до приведенного Указа Президента и Постановления Правительства РФ.

Так, 28 июля Россия ограничила ввоз молока и молочной продукции с Украины, а также украинской растительной продукции в ручной клади, багаже и посылках. А 29 июля Роспотребнадзор приостановил ввоз в Россию украинской плодоовощной продукции и рыбных консервов. По данным ведомства, в этих продуктах «выявлены нарушения требований законодательства в области защиты прав потребителей». В настоящее время под запретом также поставки в Россию свиней и картофеля с Украины.

Совпадение же данных мер и дополнительных мер от 7 августа 2014 года со временем обострения ситуации на Украине дает повод ряду экспертов называть происходящее торговой войной.

Данный запрет вызвал резко отрицательную реакцию со стороны Запада, обвинившего Россию в нарушении правил ВТО (22 августа 2014 года Россия отметила двухлетний юбилей своего членства в этой организации). Но и Москва не исключала возможности подать свой иск в ВТО в отношении «политически мотивированных» санкций Запада против нее³.

По оценке некоторых экспертов, «Вполне возможно, что грядущие иски и арбитражи по вопросу санкций повлекут для России гораздо более серьезные последствия вплоть до выхода из организации, куда наша страна стремилась почти 20 лет»⁴.

«Нестандартная ситуация», которая со стороны российских специалистов⁵ (выборочно – компилятивно) оценивается следующим образом:

– согласно 21-й статьи Генерального Соглашения по Тарифам и Торговле (ГАТТ), которое вошло в корпус права ВТО, государства вправе использовать ограничительные меры во внешней торговле в интересах национальной безопасности⁶. Поэтому с формальной точки зрения мы не нарушаем нормы ВТО. Представителями нашего правительства и МИДа уже была сделана оговорка, что если ВТО признает наши санкции не соответствующими духу этой организации, мы их отменим;

– поскольку речь идет об акциях друг против друга членов ВТО, арбитром может быть только эта организация. Есть прописанные процедуры, сложный механизм со своими жесткими правилами. На самом деле выведение этого спора из-под политического зонтика в чисто экономическую область могло бы быть положительным моментом;

– опыта работы с правом ВТО у нас очень мало, квалифицированных юристов, отстаивающих позицию России в международных спорах, тоже немного. Решение Гаагского третейского суда по «ЮКОСу» показало, что Россия вела себя крайне пассивно в этом разбирательстве, и нет никаких гарантий, что этот негативный опыт не повторится;

– в последнее время даже более сильные страны мира, такие как Китай и Индия, вообще перестали подавать иски в ВТО, а по факту игнорируют правила организации. То же самое начала делать Бразилия. Они открыто и демонстративно нарушают правила ВТО, как это делает Запад. Причем правила изначально написаны в угоду западным странам, они же контролируют их соблюдение и являются главными нарушителями. Это одна из причин, по которой не только левые, но и все здравомыслящие экономисты были против вступления России в ВТО;

– относительные успехи Китая объясняются именно тем, что перед вступлением в ВТО он официально заявил, что будет нарушать правила и станет соблюдать только то, что выгодно им. Но на тот момент США были так заинтересованы в том, чтобы Китай вступил в ВТО, что администрация Клинтона публично пообещала, что не будет подавать в арбитраж в случае нарушений. Россия же мало того что, когда вступила в организацию, не выторговала себе более выгодные условия, она эти условия еще и пыталась соблюдать;

– положительный момент в том, что именно Россия станет страной, которая развалит ВТО в целом. Она уже не сможет вести себя так, как Китай, и будет вынуждена нарушать правила громко и со скандалом. Этот скандал сам по себе для ВТО будет иметь разрушительные последствия. Все знают, как устроена ВТО, все знают, что страны нарушают правила, но делают вид, что ничего не происходит. А теперь они будут вынуждены с этой реальностью как-то публично разбираться. Это серьезный удар по всей системе. Для России в перспективе нет другого выхода, кроме как публично приостановить членство или выйти из ВТО. А это может стать первым прецедентом, за которым последуют другие;

– экономика тесно переплетена с политикой, поэтому верить в беспристрастность арбитража ВТО, по меньшей мере, наивно. В ближайшее время российским властям продемонстрируют, что суд ВТО – это не беспристрастный суд, разбирающий экономические споры, исходя из правил неограниченной торговли. Мы увидим запредельные по цинизму решения о том, что России вводить санкции нельзя, а против

России – можно, и это никак не противоречит нормам ВТО. Поэтому еще до того, как разбирательство зайдет так далеко, нужно начать реализовывать проекты, которые обезопасят от дальнейших санкций наши компании. В частности, создадут более устойчивый и динамичный внутренний рынок.

Данный политизированный материал переплетается с мерами, принимаемыми в рамках Соглашения по применению санитарных и фитосанитарных мер ВТО и со стандартами Комиссии «Кодекс Алиментариус» (ККА), так что не всегда определишь, где тут политика, а где забота о здоровье человека.

В этом контексте на всех континентах издавна (*еще в 423 году до нашей эры*) и постоянно вводятся соответствующие запреты, которые расцениваются по – разному: падение качества продукции в условиях повышения требований к импорту; поддержка внутреннего производителя; демпинг – спекуляция; следствие политического конфликта и др.

Ничего «оригинального» Россия в этом плане не представляет, вводя нижеследующие запреты: 2005 и 2014 годы – мясо и рестениеводческая продукция из Польши; 2006 год – шпроты из Латвии; 2006 год – вина из Грузии и Молдавии, минеральная вода из Грузии; 2008 год – молочные продукты из Китая, предполагается, что скоро Россельхознадзор отменит действующий 10 лет запрет на китайскую свинину. Совсем недавно считалось, что ее здоровье регулярно поражается инфекцией «яшур»; 2009 год – молочные продукты из Беларуси; 1999, 2002, 2010 годы – куриные окорочка из США; 2010 год – сухофрукты из Таджикистана; 2011 год – овощи из Евросоюза; 2012 год – рыба из Норвегии, 31 июля 2013 года запрет снят; 2012 год – сыр из Украины; 2012–2013 годы – рогатый скот и свиньи из США и Европы; 2012 год – алкоголь из Чехии; 2013 год – конфеты из Украины; 2013 год – молочная продукция из Новой Зеландии; 2013 год – молочная продукция из Литвы; 2013 год – картофель из Европы⁷; 30 января 2014 года – запрет на ввоз продукции свиноводства из всех стран Евросоюза, плюс запреты 2014 года, о которых говорилось выше.

Как полагает Г. Онищенко, глава Роспотребсоюза, наше членство в ВТО несет риски притока некачественных товаров. Вполне возможно, особенно в отношении тех нормативов антибиотиков, которые допускаются в пищевых продуктах европейских стран и в отношении которых Г. Онищенко, по его выражению, «упирается рогом». И правильно делает.

Интересный факт: одна из причин, по которой, как объяснил Иван Бисюк, председатель государственной ветеринарной и фитосанитарной службы Украины, Украина не запрещает импорт из Европы овощей и фруктов, обладающих кишечной инфекцией – членство в ВТО. Вот его слова: «Мы не видим необходимости запрещать ввоз овощей и фруктов из стран Европейского Союза. Неизвестно, какие именно овощи или фрукты являются источником возбудителя болезни. Сначала одно запретим, потом что-то другое. Как мы будем выглядеть в глазах мировой общественности? К тому же, Украина – член ВТО, так что беспочвенно запрещать импорт она не может. Это может вызвать очень негативную реакцию других членов ВТО⁸». (В России введен запрет на импорт свежих овощей из Германии и Испании как раз из-за вспышки в Европе кишечной инфекции)⁹.

¹ См.: Указ Президента РФ от 6 августа 2014 года № 560. Предусмотрено действие Указа сроком на 1 год.

² Мария Базчастная. Месть Путина: санкции от России – смертельный удар по ВТО // Свободная пресса. 7.08.2014.

³ Россия уже подавала в конце 2014 года иск в ВТО против Евросоюза по другому поводу: в связи с использованием Евросоюзом энергокорректировок при проведении исследований против российских компаний на основе расчета стоимости товара исходя из европейских, а не российских цен на энергоресурсы.

⁴ См.: Там же.

⁵ К их числу, в частности, относятся: руководитель направления «Финансы и экономика» Института современного развития Никита Масленников; Директор Института глобализации и социальных движений Борис Кагарлицкий; Руководитель центра экономических исследований в Институте глобализации и социальных движений Василий Колташов.

⁶ Напомним, что еще в 2006 году Госдумой принят и Президентом РФ подписан Федеральный закон «О специальных экономических мерах», допускающий принятие таких мер в случае возникновения международной чрезвычайной ситуации, требующей безотлагательной реакции на международно – противоправное деяние либо недружественное действие иностранного государства, представляющие угрозу интересам и безопасности РФ. (см.: РИА Новости <http://ria.ru/economy/20140807/1019167910.html#ixzz3PGn65tch>)

⁷ Подробнее см.: Аркадий Смолин. РАПСИ. Приложение «Новости. Mail.Ru».

⁸ См.: www.lb.ua

⁹ Из новейших других материалов по ВТО см.: ВТО и региональные торговые режимы СНГ: вопросы правового взаимодействия. Учебный курс в рамках совместной программы МГИМО / ЮНИТАР по развитию потенциала государственных служащих стран СНГ. М.: 8–12 декабря 2014 года; Шумилов В. М. Право ВТО и международное

право //Московский журнал международного права.– 2003.– № 2.– С. 3–16; Шумилов В. М. Россия и ВТО: обязательства в сфере услуг//Московский журнал международного права. 2012,–№ 2.– С. 86–97;

КНИЖНАЯ ПОЛКА

**Рецензия на книгу: Джеймс Краски,
Рауль Педросо. «Право международной
безопасности на море». Лейден. Бостон.
2013. 939 стр. (James Kraska, Raul Pedrozo.
«International Maritime Security Law».
Leiden, Boston: Martinus Nijhoff Publishers.
2013. 939 p.)**

*Лобанов А. Н.**

*Анянова Е. С.***

В рецензии на книгу отмечена ее полезность для русскоязычной аудитории юристов, особенно тех, кто специализируется в морском праве, на обширность исследуемых документов по морскому праву. Привлекается внимание к авторскому изложению политики в сфере безопасности на море в международно-правовом аспекте, особенно – юридической характеристике национальной политики США в рассматриваемой области. В отличие от привычной интерпретации концепции «охраны мореплавания» (прежде всего, в смысле защиты судоходства от пиратства, вооруженных нападений на море, от морского терроризма, фальсификаций с грузом, его повреждений, кражи, контрабанды, незаконных перевозок) авторами книги предложено еще более широкое понимание данной концепции, как охватывающей еще и вопросы охраны мореплавания от природных катастроф, от всяких несчастных

* Лобанов А.Н. – д.ю.н., РАН.

** Анянова Е. С. – к.ю.н., докторант кафедры международного права МГИМО (У) МИД России Ekaterina.Anyanova@gmail.com.

случаев, ошибок и недостатков человеческого фактора и др. Отмечены и иные дискуссионные составляющие содержания книги.

Ключевые слова: рецензия; безопасность на море; охрана мореплавания; морское право; судно; порт.

Рецензируемый объемный труд (более 900 страниц) является результатом творческого союза двух специалистов по международному праву: Джеймса Краска и Рауля Педросо. Д. Краска – офицер – проработал около 20 лет в качестве юриста ВМС США, в том числе в Пентагоне, специализируясь в международном праве. Другой автор – Р. Педросо – более 30 лет проработал в ВМС США; он участвовал от США в печально известных «миротворческих силах» ООН по бывшей Югославии (которым сербы вменяют убийство мирных жителей Югославии и потворствование преступлениям косовских албанцев, в том числе и торговлю человеческими органами). К этим событиям, впрочем, рецензируемая книга отношения не имеет. Содержание книги – морское право, причем в более обширной области, чем подразумевает ее название.

Начинается книга с постановки вопроса – что есть *«Право международной безопасности на море»*? Сразу вызывает вопрос предложенный краткий ответ – это, дескать, «поддержка правопорядка в Мировом океане через морское право» («a stable order of the oceans subject to the rule of the law of the sea» [р. 1]). При пафосности такой дефиниции, она вызывает сомнение с точки зрения теории международного права и принятого понимания его системы. Далее, авторы на поставленный вопрос отвечают и описанием права международной безопасности на море: это – «гибридная» часть международного права, «сочетающая в себе основные элементы международного морского права, международного уголовного права, международного права в области прав человека и «военно-морского права», которое является частью международного гуманитарного права; она включает также аспекты национального и международного административного регулирования иммиграции, торговли и таможенных вопросов» [Р. 2].

Книга разбита на 24 главы, в каждой из которых рассматривается отдельная тема. Отметим изначально, что структура книги не представляется ни логичной, ни пропорциональной. Только один тому пример. Глава 15 называется «Глобальные властные механизмы, препятствующие обороту наркотиков». А составная часть этой

Главы – п.15.4 – называется «Основные принципы ООН по использованию силы». За такое структурирование главы магистрант юридического факультета российского вуза больше тройки не получил бы.

Вместе с тем, очень хорошее впечатление оставляет само содержание книги, огромный объем вовлеченных в исследование источников. Начиная с представления «права международной безопасности на море» в главе 1, авторы подробно останавливаются на стратегии и политике в области охраны мореплавания со стороны США и Европы (главы 2–3). Традиционное четкое отграничение в отечественной доктрине международно-правовых регуляторов от национально-законодательных у американских авторов, понятно, не просматривается – вопреки позиции на этот счет Международного Суда ООН. Затем авторы подробно разбирают концепции «охранных зон» (глава 6), вопросы охраны мореплавания в исключительной экономической зоне (глава 10), конфликт в Южно-Китайском море (глава 11). В этой главе, отметим, исследованы вопросы охраны мореплавания в Южно-Китайском море, но при теоретически слабом анализе морских территориальных правовых позиций прибрежных государств, а также роли в данных отношениях нерегиональных акторов.

Вопросам обеспечения охраны инфраструктуры морской транспортной системы (в том числе портов, портовых объектов, судов, операторов судов и др.) от угроз морского терроризма, пиратства, вооруженных нападений на море, контрабанды, незаконных мигрантов посвящены главы 12–14 и 19–22. Вызывает вопрос – удачно ли в главе 21 рассматривать, помимо вопросов морского терроризма, еще и тему, выходящую за пределы морского права – распространения оружия массового уничтожения (ОМУ)?

В главе 13 «Охрана портов и портовых объектов» подробно рассматриваются аспекты контроля государством порта, отдельно исследуются региональные меморандумы о взаимопонимании государством порта, меры контроля государством порта в США. Глава 14 посвящена вопросам охраны судов и операторов судна. В уже цитированной выше главе 15 – также выходящей за пределы морского права – авторы анализируют разные международные договоры, а также соответствующие документы Международной морской организации (ИМО). Глава 16 рассматривает ту же тематику в региональном аспекте. В главе 17 разбирается законодательство США в данной области, в главе 18 – политика США в данной области. В главе 23 затрагиваются вопросы

безопасности на море в ходе войны и при нейтралитете (в т.ч. – о нерегулярных военно-морских силах и о блокаде). Глава 24 посвящена роли Совета Безопасности ООН при обеспечении выполнения норм права на морских пространствах. Авторы надо похвалить за предметное исследование такой роли применительно к конкретным районам – морской блокаде Родезии, Ирака и т.д. Но их очевидным недостатком является слабая теоретическая база – авторы не знают не только о фундаментальных исследованиях практики Совета Безопасности в этой области, выполненных советскими, российскими правоведами, но и американскими, английскими, французскими.

Отметим некоторые дискуссионные моменты по тексту. Глава 7 выглядит в юридическом плане эклектической – авторы рассказывают о «морских державах», «генеральной стратегии» и «свободе открытого моря», не отягощая себя прочтением уже имеющихся в доктрине исследованиями эволюции последней. Более интересна глава 8 – в ней сделана попытка изложить базовую информацию об исходных линиях, внутренних водах, территориальном море, международных проливах, прилежащей зоне, исключительной экономической зоне, континентальном шельфе, открытом море.

Привлеченные авторами многочисленные документы – это несомненный позитив книги; среди них – положения Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., Конвенции о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства 1988 г., Конвенции о психотропных веществах 1971 г., Конвенции ООН против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г., Международной конвенции по охране человеческой жизни на море 1974 г., Международной конвенции о грузовой марке 1966 г., Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г., Международной Конвенции по предотвращению загрязнения с судов 1973 г. с Протоколом 1978 г., Международной конвенции о подготовке и дипломированию моряков и несению вахты 1978 г. с поправками 1995 г., Международной конвенции по обмеру судов 1969 г., Международной конвенции по поиску и спасанию на море 1979 г., Единой конвенции ООН о наркотических средствах 1961 г., Соглашения по сектору Газа и району Иерихона 1993 г., Директивы США по вопросам национальной безопасности № 49 1990 г., Директивы США о решении Президента № 32 1995 г., Совместного заявления по Инициативе по обеспечению безопасности во время Второго

диалога между странами Карибского бассейна и США по вопросам сотрудничества в области безопасности, сделанного в Нассау, Багамские острова 10 ноября 2011 г. Процитированы и документы ИМО в данной области, к примеру Резолюции ИМО А. 773(18), А. 867(20), Циркуляр Комитета морской безопасности 896 и др., а также большое количество дел из судебной практики.

Исследуется законодательный опыт отдельных государств (США, Великобритания, Китай, Филиппины, Индонезия, Ливия, Перу, Австралия, Новая Зеландия, Вьетнам, Колумбия, Сомали, Япония, Северная Корея, Израиль, Ирак и др.); детально изложены примеры в области установления мирных зон и контрольных мероприятий (Шри Ланки, США, Ирана, Йемена, Сомали и др.).

Анализу морского законодательства США посвящена значительная часть книги. В ней декларируется, что «основной акцент в вопросах усиления охраны мореплавания США делают на усиление международных норм и юридических режимов» [Р. 26]). В части разработки стандартов охраны судоходства государства (в т.ч. посредством недоверчивого отношения к Протоколам 2005 г. к Конвенции 1988 г. о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства и к Протоколу 1988 г. о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе) США демонстрировали свою высокую чувствительность в отношении суверенитета. Односторонние нормы США по охране судоходства привлекли внимание к соотношению согласованных между государствами мер и реализации суверенитета государств. Отмечено было даже, что косное понимание суверенитета может стать препятствием для эффективности охраны и безопасности на море. Например, то, что властями США в своих портах устанавливались повышенные уровни охраны иностранных судов, привело к тому, что суда с низким уровнем охраны иногда не допускались в порты. Это вызвало протесты со стороны отдельных стран, в частности ФРГ.

Авторы книги уделяют внимание роли США в системе современного международного морского права, с учетом того, что Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. данным государством не ратифицирована. США пользуются свободой судоходства в открытом море в соответствии с положениями международного обычного права (а не только согласно Конвенции 1982 г.) и контролируют поэтому соблюдение

положений Конвенции 1982 г. другими государствами. В Директиве по вопросам национальной безопасности № 49 1990 г. США подчеркивали, что ими не будут допускаться односторонние акты других государств, направленные на ограничение прав и свобод международного сообщества при пользовании открытым морем [Р. 210]. В книге делается акцент на интересы США в области экономики и обеспечения охраны транспортировок товаров в международной торговле, а также свобод передвижения морских судов [Р. 210]. Приводится большое количество примеров, в частности случай со столкновением судов ВМС США и СССР в Черном море [Р. 255], подробно исследуется практика применения навигационных предупреждений. Цитируется большое количество примеров практики государств: архипелажный проход через воды Индонезии (Р. 231), неправомерное установление прямых исходных линий («линия смерти в заливе Сидра» – Р. 247), превышение их допустимых размеров при обозначении проливов, используемых для международного судоходства: пролив Хайнань (Р. 261), Северо-западный проход (Р. 262), Торресов пролив (Р. 264), Ормузский пролив (Р. 269). Рассматриваются примеры превышения допустимых размеров при установлении архипелажных путей: притязания Индонезии в 1960 г. (Р. 271), Филиппин (Р. 273), Мальдив (Р. 275), особенности режима исключительной экономической зоны Китая (Р. 279), морской военной зоны Северной Кореи (Р. 283). Исследуется и режим международного воздушного пространства исключительной экономической зоны, в частности нападение Перу на воздушное судно США С-130 в 1992 г. (Р. 289), столкновение китайского самолета с воздушным судном США EP-3 в 2001 г. (Р. 290) и др.

Полученный авторами эмпирический материал представлен в таблицах, также выходящих за рамки морского права, в том числе касательно сигналов от перехватывающих воздушных судов и ответов перехваченных воздушных судов в США (Р. 301), химических процессов при производстве незаконных наркотиков (Р. 548), транснациональных преступных организаций в Мексике (Р. 629), государственных органов по борьбе с пиратством в Японии (Р. 735). В приложениях освещаются и такие вопросы как нарушения свободы судоходства США в 1995–2003 гг. (Р. 214) и Конвенции ООН по борьбе с терроризмом (Р. 852).

Содержание книги наталкивает на некоторые размышления. Обеспечение международной безопасности на море на международно-правовом уровне осуществляются через основные принципы и нормы

современного международного права, направленные против существующих угроз мореплаванию. Меры безопасности мореплавания как термин чаще понимается как меры защиты, предупреждения всяких аварий на море, несчастных случаев, в том числе и при стихийных бедствиях. В отличие от этого термина, охрана мореплавания как понятие чаще обозначает меры защиты от спланированных, намеренных нападений. До недавнего времени оба этих понятия были разграничены в различных документах: например, вопросы охраны мореплавания фиксировались в Конвенции 1988 г., а безопасности на море – в конвенции СОЛАС. Недавние поправки в конвенцию СОЛАС, также как и Международный кодекс по охране судов и портовых средств (ОСПС) в некоторой степени усложнили такое разграничение. Теперь в конвенции СОЛАС урегулированы и аспекты безопасности на море, и охраны судоходства.

В силу того, что объекты права безопасности на море и права охраны судоходства – чаще одни и те же (суда), то состязательность между соответствующими нормами неизбежна.

В некоторых языках существует даже определенная «терминологическая путаница» обеих концепций, т.к. в немецком, французском, испанском языках они переводятся одним словом: *Sicherheit*, *securité*, *seguridad*. В испано- и французскоговорящих делегациях в международной организации было принято использовать специальную терминологию: «*seguridad*» и «*protección marítima*» в испанском, «*sécurité maritime*» и «*sûreté des navires*» во французском. Проблема была вовсе не надумана, поскольку возникал вопрос, как переводить на французский и испанский языки название Части I и II Главы XI конвенции СОЛАС. Названия были сформулированы как «Специальные меры по повышению безопасности на море» и «Специальные меры по усилению охраны на море» соответственно.

В рецензируемом исследовании подчеркивается статус Мирового океана как модели общего достояния человечества в интерпретации авторов. Авторы пишут о том, что пользоваться ресурсами и осуществлять деятельность в Мировом океане могут все государства. Ни одним из государств не может осуществляться исключительный контроль над морскими пространствами (Р. 186). Глава 12 посвящается вопросам организации защиты морской транспортной системы. Освещается роль морского транспорта в условиях глобализации (Р. 356). Подчеркивается колоссальное значение морских транспортных перевозок как

источника рабочих мест. В качестве основных проблемных аспектов мировой транспортной системы авторы выделяют недостатки в области управления, местную и региональную нестабильность, систематические упущения в области охраны мореплавания и коррупцию (Р. 356).

Основными многосторонними международными договорами по вопросам охраны мореплавания обозначены отдельные положения Конвенции СОЛАС 1974 г. с Протоколом 1978 г., с соответствующими поправками, а именно Кодекс ОСПС 2002 г. и поправки к главе XI по обеспечению защиты судов и прибрежных установок от преступных нападений (Р. 368), а также Конвенция 1988 г. о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства и Протокол 1988 г. о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе. Авторы подчеркивают, что уточненные правила в области охраны мореплавания были разработаны после терактов 11 сентября 2001 г. в США (Р. 378). Также в качестве международно-правового документа в области охраны мореплавания авторы называют Кодекс ОСПС. Хотелось бы подчеркнуть значимость принятых одновременно поправок к главе XI, т. к. эти меры (автоматическая идентификационная система, судовой идентификационный номер, журнал непрерывной регистрации истории судна, система охраны тревоги и др.) представляются неразрывно связанными друг с другом.

Как подчеркивают авторы, Конвенция 1982 г. является своего рода рамочным соглашением, которое содержит в себе основу для других международных договоров в области морского права. Лучшим примером для этого авторы называют сотрудничество государств и международных организаций в предотвращении контрабанды наркотиков на море (Р. 523). В главе 19 рассматриваются вопросы контрабанды людей по морю. Контрабанду людей организованными преступными группировками авторы специально выделяют как одну из самых серьезных угроз международному сообществу. Подчеркивается и большой объем прибыли, приносимый данным видом деятельности (Р. 689).

Названы существующие в данной области международно-правовые акты: Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г. с Протоколом о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми 2000 г., Протоколом против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху 2000 г., Протоколом против незаконного изготовления и оборота

огнестрельного оружия, его составных частей и компонентов, а также боеприпасов к нему 2001 г., разработанный ИМО и Управлением по наркотикам и преступности (ЮНОДК) ООН типовой закон о борьбе с незаконным ввозом мигрантов. В книге при этом подчеркивается, что непосредственно от отдельных государств требуются еще бóльшие усилия в борьбе с незаконными перевозками мигрантов (Р. 689). Национальное законодательство должно быть более строгим и учитывать не только указанные акты, но и требования из областей прав человека, международного гуманитарного права (Р. 689). Ответственность за высокую смертность при совершении данного вида преступлений авторы возлагают на государства.

Как уже упоминалось ранее, особое внимание в монографии уделено Конвенции 1988 г. как одному из основных документов в области охраны судоходства от преступных посягательств; в главе 22 содержится комментарий к Конвенции 1988 г. Саму Конвенцию 1988 г. в совокупности с Протоколом 2005 г. авторы называют «Конвенция 2005 г.» (Р. 820). С формальной точки зрения это не совсем правильно, т.к. в 2005 г. были приняты лишь дополняющие основной текст Конвенции нормы в форме протокола. Сам текст Конвенции, разработанный и принятый в 1988 г., не менялся. Спорным представляется и тезис, согласно которому Конвенция 1988 г. и Протокол 2005 г. являются сильнейшими инструментами в борьбе с международным терроризмом (Р. 820). Авторы рассуждают и о возможности того, что Протоколы 2005 г. оттеснят на второй план Инициативу по безопасности в борьбе с распространением оружия массового уничтожения (ИБОР-ОМУ – Р. 821). Недостатками ИБОР авторы считают неофициальный характер инициативы, ограниченное число ее участников и глобальный масштаб судоходной промышленности, деятельность которой регулируется международными конвенциями и договорами (Р. 821).

Международное право признает отдельные исключения юрисдикции государства флага над его судами в открытом море. Перечисленные в Конвенции 1982 г. преступления: транспортировка рабов, перевозка наркотиков, несанкционированное радиовещание и пиратство, являются универсальными преступлениями в соответствии с обычным международным правом. В случае наличия подозрения об отсутствии национальности у судна, Конвенция 1982 г. содержит правовое основание для остановки и поднятия на борт такого судна. Право на поднятие на борт судна заключается в процедуре перепроверки принадлежности

судна поднятому флагу. Акт вмешательства в случае осмотра заключается в том, что подозреваемое судно останавливается. В случае, если подозрения в причастности к преступной деятельности сохраняются после проверки документов, может последовать дальнейшая проверка. Если подозрения оказываются необоснованными, подозреваемому судну возмещаются любые причиненные убытки или ущерб. Право визита и обыска можно встретить даже в сборнике законов Консолато дель маре, в соответствии с которым судно государства-врага может быть остановлено, а его товары захвачены и на борту нейтральных судов. Данное правило также можно обнаружить в более поздних военных договорах, начиная с XV в. Право подхода к судну стало рутинным правилом международного обычного права. Оно дает другому государству право приближаться к судну в открытом море и проверять его статус и национальность. Применение права визита и обыска разрешено только в связи с ограниченным перечнем действий, предусмотренных в Женевской конвенции об открытом море 1958 г., Конвенции 1982 г., других договорах (к примеру, Договор о спиртных напитках между США и Великобританией от 23 января 1924 г.; Венская Конвенция о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г. и др.).

Не обоснованной представляется критика в книге системы ООН в урегулировании проблемы охраны мореплавания. Международный Суд ООН – в числе других международных судебных органов – характеризуется как «неспособный для успешной борьбы с угрозой малозначительных конфликтов, возникающих на территории морских пространств» («the International Court of Justice is not alone in its inability to successfully address the threat of low-intensity conflict at sea») [Р. 903]. ООН критикуется за «неразработку эффективной международной политики для борьбы с угрозами незначительных конфликтов, возникающих на море» (“devising effective international policy to deter and defeat [the threat of low-intensity conflict at sea]”) [Р. 903].

В целом авторами проведено масштабное исследование отмеченных вопросов морского права. Издание может характеризоваться как серьезный вклад в разработку проблем международно-правовой науки.

Review of the book «The International Maritime Security Law» by James Kraska and Raul Pedrozo published in Leiden, Boston by Martinus Nijhoff Publishers in 2013 (Summary)

*Alex Lobanov**

*Ekaterina Anyanova***

The present review illustrates the book by James Kraska and Raul Pedrozo «International Maritime Security Law». The book was published by Martinus Nijhoff Publishers in 2013. Although the study was published in English, it seems that it could be interesting and useful for the wide range of readers in Russia. The authors consider in detail the strategy and policy in the field of the maritime security in the light of International Law. The special attention is paid to the US national policy. In contrast to the usual interpretation of the concept of maritime security as the protection of shipping against piracy, armed robbery at sea, maritime terrorism, cargo tampering, its sabotage or theft, contraband, illegal trafficking of weapons of mass destruction and their associated components, illegal migrants, environmental crimes, the book also covers issues of the protection of shipping against natural disasters and accidents, errors and failures of the human element. In this edition a large number of international law documents as well as particular practice examples in different states are analyzed.

Keywords: review; maritime security; law of the sea; ship; port.

* Alex Lobanov – Doctor of Laws, Russian Academy of Sciences.

** Ekaterina Anyanova – PhD in Law, Doctoral candidate of the Chair of International Law, MGIMO-University MFA Russia. Ekaterina.Anyanova@gmail.com.